ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ ВО ВЛАДИМИРСКОМ КРАЕ (досоветский период)

Коллективная монография

Владимир
Издательство «Шерлок-Пресс»
2017

УДК 2
ББК 86.3
А67

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор А. К. Тихонов;
кандидат философских наук, доцент О. А. Семенова

Редакционная коллегия:
доктор философских наук, профессор Е. И. Аринин
(руководитель авторского коллектива);
доктор педагогических наук, доцент Е. А. Плеханов
(научный редактор)

Авторский коллектив:
А. И. Анкудинов, Е. И. Аринин, О. В. Арсенина,
иеромонах Варфоломей (С. Н. Минин), Н. М. Маркова,
Г. Г. Мозгова, О. А. Монякова, О. Н. Сенюткина, И. К. Чистякова

Работа издана
при финансовой поддержке администрации Владимирской области

Анкудинов, А. И.

А67 История религий во Владимирском крае : коллективная монография / А. И. Анкудинов [и др.] ; науч. ред. : Е. А. Плеханов. – Владимир : «Изд-во «Шерлок-пресс», 2017. – 232 с.

ISBN 978-5-9909534-9-9

На обширном историческом и краеведческом материале освещается возникновение и распространение основных религиозных конфессий на территории Владимирского края, а также тесно связанный с этим процесс формирования полиэтнической среды региона.

Адресована ученым, работникам региональных и муниципальных органов управления, представителям религиозных и национальных организаций, учителям и преподавателям общественных дисциплин, учащейся молодежи.

УДК 2
ББК 86.3

ISBN 978-5-9909534-9-9

© Издательство «Шерлок-Пресс», оформление, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 4

Введение 7

Глава 1. Владимирская епархия Русской православной церкви (X – начало XX вв.) 11

Глава 2. История старообрядчества Владимирской области 66

1. Владимирское старообрядчество 66
2. Ковровское старообрядчество 86
3. Церковный раскол и состояние старообрядчества в Гороховецком уезде Владимирской губернии во 2-й пол. XVII – нач. XX вв. 105

Глава 3. Мусульмане на территории Владимирского края 117

Глава 4. Владимирский католический приход 136

Глава 5. Евангелическо-лютеранская церковь на территории Владимирского региона 157

Глава 6. Еврейская община на Владимирской земле 191

Заключение 231

ОТ РЕДАКЦИИ

Выстраивание эффективной национальной политики должно учитывать культурное и конфессиональное многообразие России, исторически сложившиеся особенности межэтнических и межрелигиозных отношений в различных регионах страны. Между тем выработка региональных стратегий этнокультурного развития наталкивается на ощутимый дефицит научных знаний. Отсутствие объективных сведений и проверенных фактов об истории национальных и религиозных организаций приводит к распространению в повседневном сознании предрассудков и мифологизированных стереотипов, осложняет принятие органами муниципального управления правильных решений. Поэтому перед религиоведением стоят задачи углубленного исследования состояния межнациональных отношений на региональном уровне, изучения истории формирования и особенностей конфессионального состава местных сообществ, анализа культурной интеграции этнически различных групп населения.

В монографии освещается история возникновения и распространения религиозных конфессий и национальных общностей на территории Владимирского края, а также тесно связанный с этим процесс формирования полиэтнической среды региона. Авторов работы – историков, религиоведов, краеведов – объединяет стремление создать целостную, панорамную картину этнорелигиозной жизни на Владимирской земле. При этом было очень важно, с одной стороны, не растворить в событиях «большой» истории конкретику и индивидуальный колорит провинциальной жизни, а, с другой, не потеряться в деталях и ньюансах частных фактов.

В наибольшей степени отвечающим целям исследования представляется социально-антропологический подход, позволяющий рассматривать общественные явления как результат действий конкретных людей. С этой точки зрения религиозные организации не являются формальными, обезличенными образованиями. Они неразрывно связаны с историей, укладом жизни, культурой конкретной этнонациональной общности, с хозяйственной и профессиональной деятельностью ее представителей, с особенностями социального окружения, к которому адаптируется данная общность. Поэтому портрет этноконфессионального сообщества приобретает многомерный характер. Мы пытались выяснить сведения о появлении первых представителей религиозной конфессии на территории края, этническую принадлежность и исторические обстоятельства их переселения. Большое внимание уделялось демографическим характеристикам носителей вероисповедания – численности, социальному, профессиональному и половозрастному составу, особенностям расселения и места проживания на территории области. Показателями социального положения этноса для нас выступали род занятий его членов, их имущественное состояние, место и роль в жизни местного сообщества. В качестве индикаторов правового статуса выступали сословная принадлежность представителей вероисповедания, их законодательно закрепленное положение и участие в деятельности органов власти.

Центральное место в монографии отводится религиозной жизни этнонационального сообщества и, прежде всего, организационному оформлению конфессии на территории Владимирского края; динамике численности религиозной общины, ее руководителям; общественной, просветительной, благотворительной и культовой деятельности религиозной организации; сведениям о культовых зданиях, мемориальных местах и некрополях. Наконец, картина этноконфессиональной жизни была бы фрагментарной без рассмотрения отношений местных религиозных сообществ с коренным населением и официальными властями. Безусловно, изменение социального, имущественного, экономического, правового положения религиозной общности невозможно понять вне связи с политическими событиями в стране. Особенно это относится непосредственно к предреволюционному периоду.

Коллективный труд был бы невозможен без заинтересованного отношения и доброжелательной помощи представителей религиозных организации, работников государственного архива Владимирской области, краеведческого сообщества. Редакционная коллегия выражает

искренную признательность настоятелю католической общины о. Сергию (Зуеву), президенту Еврейской национально-культурной автономии Владимирской области М. М. Кроль, руководителю Евангелическо-Лютеранской общины г. Владимира Л. Г. Заславской.

Работа выполнена в рамках грантовой поддержки администрацией Владимирской области деятельности некоммерческих общественных организаций.

Авторский коллектив: д-р филос. наук, проф. Е. И. Аринин – введение; канд. ист. наук, иеромонах Варфоломей (Минин С.Н.) – глава I, канд. филос. наук, доцент О. В. Арсенина – глава II, 1; д-р ист. наук О. А. Монякова – глава II, 2; А. И. Анкудинов – глава II, 3; д-р истор. наук, проф. О. Н. Сенюткина – глава III; канд. филос. наук, доц. Н. М. Маркова – глава IV; И. К. Чистякова – глава V; Г. Г. Мозгова – глава VI.

Надеемся, что проделанная работа послужит благородному делу утверждения взаимопонимания между приверженцами различных конфессий нашего региона, а полученные результаты будут полезны в сложной и кропотливой работе по поддержанию гармоничных межэтнических отношений в нашем древнем регионе.

ВВЕДЕНИЕ

Монография «История религий во Владимирском крае», представляемая авторским коллективом, является результатом исследований религиозного многообразия нашего региона, возникновения, исторических особенностей и положения религиозных объединений в связи с проводимой государством вероисповедальной политикой. Изобилие доступных для анализа документов из фондов Государственного Архива Владимирской области (ГАВО), связанных как с православием, как и с другими вероисповедальными традициями, заставляет авторов сосредоточивать внимание на ключевых для понимания современного положения дел, фактах и событиях, фиксируемых в соответствии с целями данного проекта, до 1917 года. Архив Владимирской области хранит материалы, показывающие как, начиная с XVIII века и до начала века XX менялось отношение к религиозным сообществам и личной религиозности, вплоть до признанной сегодня конституционной «свободы совести».

В этой связи отметим, что современное религиоведение нуждается в новом терминологическом аппарате, отличном от языка описания религии как в период «Киевского княжества» или «Российской империи», так и в советское время. Термины, к которым мы сегодня привыкли – «религия», «исповедание», «верующий», «вероисповедание» – входят в повседневный и научный язык только в XVIII-XIX веках. До XVIII в. в официальных документах была принята «византийская модель» описания религиозного многообразия, по которой подданные делились на «христиан» и «безбожных кощунников», при этом властями вводилась смертная казнь для всех «язычников» и «еретиков», несущих «оскорбление {кафолической} религии», поскольку «Бога допустимо чтить благочестивыми молитвами», т.е. «правильно», что значило «канонично» [1].

Сегодня «верующим» может назвать себя любой гражданин в ситуации, требующей религиозного самоопределения. Однако до начала

XX века в России это означало быть преданным первенствующей и господствующей «вѣре», какой являлась императорская вера «Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [2]. «Твердость в вѣре» подтверждалась практиками повседневной жизни, учитываемыми в специальных приходских метрических книгах и исповедных ведомостях, где фиксировались акты рождения, бракосочетания, смерти, присутствие прихожан на исповеди и т.п., а «отпадение» от этого «первенствующего исповедания» вплоть до 1905 года считалось уголовным преступлением, которое могло караться казнью или ссылкой [3].

Эта «вѣра» в современной литературе часто отождествляется с «православием». В научно-академическом значении это не вполне корректно, поскольку в эпоху Ивана Грозного (XVI век) термин «православие» начинает демонстративно подчеркивать «правильность» именно «Московского славления Бога» в усилившемся «Третьем Риме» как новом влиятельном геополитическом центре мира [1].

Значение понятий «христианское сообщество» и «христианская идентичность» также прошло сложный период формирования. Восторженное описание митрополитом Иларионом (1037–1050) крещения «роусьскаѧ землѧ» как присоединения к глобальной культуре и цивилизации братства «христианских народов» [4], положило начало восприятию христианства в качестве естественного и искреннего единства личностей, стремящихся к обретению универсальной, легитимной и яркой формы «благочестия» в отношениях с церковью, «миром» и государством. Такая «вѣра» была и «учением», и «вселенской общностью», и высокоинтеллектуальной «философией», и «личным подвижничеством», и «семейным бытом», и «примерной нравственностью». Идеалом в этот период становится евхаристическая общность княжеского двора и подданных в качестве «верных» («хрьстиан») подлинно «благодатному благочестию», противопоставленному «иноверию». Последнее объединяло «языци», одержимых «идольскыимъ мракомъ», «еретиков» и приверженцев «закона Моисея», принятому в IX веке элитой соседнего с Русью Хазарского каганата.

Смерть Ярослава в 1054 году совпала с расколом единой христианской церкви на «Великую Церковь Христову» (“ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία”) Константинополя и «латинство» Рима («Ecclesia Catholica Romana»), вызвавшим многовековой геополитический конфликт. На этой основе сформировался феномен «конфессиоцен-

тризма», особенно усилившийся в эпоху Реформации (1517–1648), когда каждое из отделившихся сообществ, стало обвинять другие в «ереси», провозглашая только себя «истинным христианством».

«Причастность к вѣре» в практической жизни сопровождалась междоусобными войнами в семействе Рюриковичей, связанных к тому же тесным династическим родством с европейскими «католическими» монархами. В этих условиях в XII веке Владимир возвышается как политический центр Северо-Восточной Руси усилиями Андрея Боголюбского, оставившим о себе память не только удивительными храмами, но и тем, что его войска захватили «градъ Києвъ», разграбили Софийский собор и другие храмы (1169). Тем не менее, еще в середине XIX века о нем писали, что «...сей благочестивый Государь всего более достоин памяти за обращение многих Болгар и Евреев в Христианскую веру» [5].

Серьезным историческим испытанием стали события XIII-XIV веков, когда земли Владимиро-Суздальского княжества вошли в «Pax Mongolica» («Великое Монгольское государство»). Находясь в зависимости от «Золотой Орды», Владимир продолжал оставаться региональным центром политической и духовной власти над «русинами», куда с 1299 по 1325 год переместилась кафедра митрополита Киевского и всея Руси.

События второй половины XV века характеризуют бурные геополитические процессы: заключение «Флорентийской унии» (1431–1449), учреждение московской автокефальной митрополии (1448), турецкий захват Константинополя (1453), когда «Великая Церковь Христова» и «Вселенский Патриархат» оказались под властью Османской империи. Для обозначения исключительно княжеского и царского «христианства Москвы» с конца XVI – начала XVII века в широкое употребление начинает входить термин «православие» [3]. На этом фоне «грекам» как «православным» начинает противопоставляться «окаянная латыня» и «фрязи» («франки») [6], что, впрочем, не мешало привлекать «латинян» для столичного строительства, в том числе и Московского кремля в конце XVI века.

В 1521 году город Владимир был последний раз разорен Казанскими и Крымскими татарами под предводительством хана Магмет-Гирея. После взятия Казани (1552 г.) и вплоть до наших дней «сияющее благочестие» Москвы перестало быть единственной влиятельной «вѣрой». Московское царство, удвоившее за столетие свою территорию, принимает эсхатологическую идею «Москва – Третий Рим» как знак особого избранничества и добивается учреждения патриаршества (1589).

XVII век запомнился трагическим периодом «Смутного времени» (1598–1613), когда «владимирская земля» стала территорией братоубийственных сражений, голода и разорений, а Владимир, Муром и Суздаль переходили из рук в руки. Со второй половины столетия существенным для религиозных отношений в регионе и всей стране стали события, вызванные «греческим проектом», стремившимся освободить Константинополь от иноверцев, воссоединившись с «греками». Ради этого было решено устранить исторически возникшие различия в традициях вероисповедания. Результатом стало то, что в официальных документах того времени получило наименование «безбожной ереси раскола» (1651–1685).

XVIII век стал эпохой «бюрократической» революции, когда имперскими чиновниками «сияющее благочестие» стало именоваться «религией», т. е. как вероисповедания других государств Европы. В XIX веке утверждается канцелярское деление религий на «грекороссийское христианство» (включая «единоверие»), «раскольнические секты», «идолопоклонников» и «иноверные исповедания», о присутствии которых подаются специальные ведомости с отчетами по «Форме № 25» «О раскольниках по различным их толкам») и «Форме № 26» (Об иноверцах). Это положение дел сохранилось до 1917 года.

Библиография

1. Кодекс Феодосия «О язычниках, жертвоприношениях и храмах» / Пер. с лат. и комм. М. А. Ведешкин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 27. 2013. С. 38–47.

2. Уставы духовных дел иностранных исповеданий.// Свод законов Российской империи. – С-Пб., 1896 – Т.XI – Ч.1. – С.9

3. *Колосов В., Павлова Т.* К этимологии терминов «православие» и православные. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php

4. Слово о законе и благодати митрополита Илариона. – URL:http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868

5. *Иосаф.* Церковно-историческое описание Владимирских достопримечательностей : в пользу бедных духовного звания Владимирской Епархии. Владимир, Губернская Типография**.** 1857. С.126.

6. *Кириллин В. М.* «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе. – URL: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187849

ГЛАВА 1

ВЛАДИМИРСКАЯ ЕПАРХИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (X – НАЧАЛО XX ВВ.)

История Владимирской митрополии Русской Православной Церкви, насчитывает более тысячи лет и берет начало с крещения Залесской Руси в 990 году, учреждения Ростовской (991 г.) и Владимирской епархий (1214 г.) и создания Владимирской митрополии (2013 г.), объединяющей три епархии – Владимирскую, Муромскую и Александровскую. Утверждение христианства во Владимирском крае неразрывно связано с историей христианской Церкви в России и историей Вселенского Православия. Однако одна из особенностей заключается в том, что многие исторические сюжеты, события и личности не вмещаются в границы местной церковной истории, они имеют национально-значимый характер и поэтому могут быть адекватно рассмотрены только в рамках истории России.

Проблемам региональной истории, месту и значению православного христианства во Владимирском крае, репрессиям против Церкви в XX столетии посвящены работы многих исследователей [1]. Подлинная история Церкви есть история святости. *Владимирская святость* имеет свои неповторимые образы *подвижничества* [2], *патриотического служения* [3], *семейного благочестия и супружеской верности* [4], *социального* служения [5], *книжности и богословия* [6]. В древнем периоде истории Владимирской митрополии особое значение имеет подвижническое служение и святость благоверных владимирских князей как защитников Православия.

Многие исторические сюжеты и личности в истории христианства во Владимирском крае получили свое достойное освещение в трудах исследователей. В 2004 году появилось первое систематическое изложение истории Владимирской епархии – одной их древнейших епархий Русской Православной Церкви. В книге священника Сергия Минина «Очерки по история Владимирской епархии» дается освещение истории епархии, начиная с начиная с Крещения Залесской Руси в 990 году и учреждения Ростовской епархии до событий настоящего времени [7]. В IX томе Православной энциклопедии, изданном в 2005 году, изданы словарные статьи, посвященные истории Владимирской епархии, ее монастырей, приходов и святынь [8].

1. Христианизация Северо-Восточной Руси и князь Владимир Святославич. Крещение Ростово-Суздальской земли или Залесской Руси в 990 году явилось этапным событием в истории Владимирского края и было связано с именем князя Владимира Святославича Крестителя (†1015 г.) [9]. В истории личность князя предстает в двух аспектах: язычник и христианин. Двойственно и его происхождение, как в социальном, так и этническом плане. Княжич и «робич», славянин и варяг. Как язычник, переживший глубокий мировоззренческий переворот, князь Владимир стал водителем своего народа на пути к Христу – Богу. Вначале, объединив разрозненные восточно-славянские племена, он способствовал усилению язычества. По его указу в Киеве и Новгороде создаются языческие капища.

В орбиту единого государственного пространства при Владимире Святославиче входит Залесская Русь. Территория современной Владимирской митрополии в раннем средневековье находилась в состав Ростово-Суздальского и частично Муромско-Рязанского княжеств. Христианизация Ростово-Суздальского края началась в 90-х гг. X в. С конца X века захоронения в данном регионе совершались уже по христианскому обряду. О раннем Крещении Ростово-Суздальской земли свидетельствуют находки крестов (тельников и энколпионов) рубежа X–XI вв.

В 982 году князь совершает поход в Залесье, происходит «окняжение» удаленных северо-восточных земель. По данным В. Н. Татищева во время этого похода был основан город Суздаль. В своей «Истории Российской», основанной на недошедших до нас исторических источниках, он пишет, что в 982 году князь Владимир “иде в поле и, покорив землю польскую, град Суздаль утвердил”[10]. Залесье входит в состав древнерусского государства. В лето 988 Великий Киевский князь Владимир Святой «сажает» своего сына князя Бориса в граде Ростове, а князя Глеба – в Муроме.

«Окняжение» новых земель сопровождалось христианизацией ее жителей. Христианская вера из Киева распространялась по всем землям Русским. По данным митрополита Макария (Булгакова) христианское просвещение Залесской Руси осуществил Митрополит Михаил, который вместе с четырьмя епископами, Добрынею и Анастасом посетил землю Ростовскую. Христианские миссионеры крестили множество людей, воздвигали храмы, совершили хиротонию во пресвитеров и диаконов. Центром края был город Ростов Великий. Первое упоминание о нем в летописи относится к 862 г. Одна из его окраин долго называлась Чудским

концом, т. к. была заселена местными жителями, которых славяне называли чудью. В управлении древнего города главную роль играло народное вече. Ростов являлся самым дальним форпостом на северо-востоке Киевского государства. Наиболее подробно крещение Ростова писано в «Ростовском летописце» (он же «Хлебниковский летописец») [11], по данным которого 10 июня 990 г. князь Владимир пришел со своей дружиной и епископом Феодором в Ростов. По его указанию в городе были сокрушены все идолы. 15 июля были освящены воды озера Неро, в которых приняли крещение множество жителей ростовской земли. Историческим памятником этого события является храм святых мучеников Кирика и Иулитты в селе Угодичи, воспоминание о которых празднуется в этот день 15 июля. В самом Ростове по указанию князя Владимира был построен деревянный храм Успения Божией Матери.

Суздальская земля, входившая в состав области Ростовской, была крещена одновременно с Ростовом. Начинается строительство христианских храмов и созидание монастырей – училищ благочестия и просвещения. В житии Святителя Леонтия говорится о строительстве в Суздале церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы, “которая начало свое имеет от святаго равновоапостольнаго великаго князя Владимира” [12].

2. Основание города Владимира. Основание Владимира неразрывно связано с крещением и христианизацией северо-восточных земель Руси. Древние центры Залесья – Ростов и Муром были известны как города, объединявшие через систему вечевого управления население северо-востока Руси. Вхождение этих земель в состав единого древнерусского государства и установление института великокняжеской власти породили сепаратизм местной правящей элиты. Для осуществления поставленной им цели князю необходим был город, население которого оказывало бы ему всяческое содействие. Таким городом стал Владимир, первые поселенцы, которого были выходцы из Киевской Руси. Само положение города, поставленного над клязьменскими кручами, напоминает златоверхий Киев. Об этом свидетельствуют и названия рек – Рпень, Почайна и Лыбедь, которыми новые жители заменили местные наименования, не дошедшие до нас. На самой высокой точке города (более 50 метров над уровнем реки Клязьмы), на кромке береговой кручи по указанию князя Владимира был воздвигнут собор Успения Божией Матери, срубленный из дубовых дерев. Более 165 лет простоял этот храм, заменивший в середине XII века свои деревянные стены на новые, белокаменные. Местоположение города было удачно

во всех отношения. Важное стратегическое значение Владимира заключалось в том, что из него открывался торговый путь по Клязьме в Волжскую Булгарию и могли осуществляться связи Среднего и Верхнего Поднепровья со Средней Волгой и Окой. К тому же поблизости от Владимира Залесского находился важнейший путь по Волго-Окскому направлению через реки Клязьма и Нерль и далее к озеру Неро, верхнему течению Волги, реке Шексне до Новгорода и Ладоги. Как указывают археологические данные, здесь уже были поселения людей, оценивших это благоприятное для жительства местоположение. Переселенцы на северо-восток словене – из земли новгородской, а так же кривичи и вятичи принесли в Залесье свой способ вести хозяйство, свою организацию социальной жизни и свою племенную религию. В долине реки Рпень, называемой Ярилиной, находилась священная роща Кузянка, где местные язычники-славяне устроили капище своим богам. В настоящее время это место украшает Князь-Владимирский храм. Здесь в долине было совершено крещение местного населения у впадения реки Почайны в Рпень. В дальнейшем на месте крещения владимирцев был воздвигнут Феодоровский монастырь.

Около трех столетий идет научный спор о дате основания г. Владимира. По традиции начало многих старых городов Руси связывают с первым упоминанием их в летописях. Применение этого принципа к Владимиру осложнено тем, что в письменных источниках содержатся разные даты.

В одних (летописи Никоновская, Воскресенская, Софийская первая и другие) указывается на основание Владимира киевским князем Владимиром Святославичем (Святым) в конце X века. В других (летописи Львовская, Новгородская первая и др.) начало города связывается с именем переяславского князя Владимира Мономаха и относится к 1108 г.

Разнобой в летописях перешел в историческую литературу. Различия в датировке отчасти связаны с разным толкованием историками самого понятия «город». Для одних древний «город» – укрепленный населенный пункт, являвшийся административно-политическим центром округи (волости). Другие же указывали на двоякий смысл этого понятия. Летописи им обозначали как собственно город, так и городовые укрепления. На это указал Д. С. Лихачев. Считая безусловным, что город основан в 990 году, он писал, что «“город” по-древнерусски означает не только город как населенный пункт, но и городские стены. Поэтому «поставить город», «соорудить город» могло чаще всего относиться к строительству стен» [13]. Последние со временем разрушались

и требовали возобновления. Поэтому князьям приходилось ставить «город» на одном и том же месте неоднократно, что и зафиксировали летописи.

Возможно, так обстояло дело и с Владимиром. Поставленная в 990 г. на берегу Клязьмы Владимиром Крестителем первая крепость обветшала, и последующие князья вынуждены были ее строить заново. Так в летописях появилось известие о строительстве «города» (т. е. городовых стен) переяславским князем Владимиром Мономахом в 1108 г. Археологические исследования указывают, что земляные валы Мономахова города находятся не на материке, а на предшествующему этой постройке культурном слое [14].

В настоящее время продолжается научная дискуссия о дате создания города Владимира как исторического факта, подкрепляемого широким кругом исторических источников, включая письменные и археологические. По устоявшейся в исторической литературе традиции, датой основания города является первое письменное упоминание о городе в письменных источниках. В 1992 г. Владимирский городской совет принял решение возвратиться к старой научной традиции, утраченной по идеологическим соображениям в советский период, считать датой основания Владимира 990 г. Эта официальная дата связывает появление города-крепости на Клязьме с началом христианизации Северо-Восточной Руси, а его имя с личностью князя киевского Владимира Святославича – Крестителя Руси [15].

3. Крещение Муромской земли. Христианская вера была насаждена при князе Владимире Святославиче и в Муромской земле. В предисловии Повести временных лет впервые упоминается племя мурома, как финно-угорское племя на реке Оке, связанное с Русью данническими отношениями. На берегу Оки в VI в. уже находилось поселение угро-финского племени муромы. Позднее началось заселение этого края славянами, преимущественно из племени вятичей. В Повести Временных лет под 862 годом упоминается уже Муром. Город вошел в состав древнерусского государства в X в., а после договора, заключенного в 1006 г. между киевским князем Владимиром Святославичем и волжскими булгарами, он стал главным торговым центром на реке Оке. Н. М. Карамзин указывал, что «первые семена христианства в Муроме могли быть посеяны князем Глебом». Об этом косвенно свидетельствую и археологические данные.

Около 1010 года князь Глеб, исполняя повеление своего отца, прибывает в Муром. Не только подчинение жителей удаленного города было

его первоочередной задачей, но и просвещение их ума и сердец. В свите князя Глебы были священнослужители. Муромляне оказали противление княжеской воле. Не овладев укреплениями города, князь Глеб, как сказано в Прологе, остановился в 12 верстах от Мурома на реке Ушне. Память о его пребывании здесь сохранена в наименовании села, а так же Борисо-Глебского монастыря. В дальнейшем князь устанавливает отношения с общиной местных славян, живших в Пятницком селище, которые принимают законную великокняжескую власть и спасительную христианскую веру. Здесь в 2 верстах южнее Мурома им был поставлен храм Всемилостивого Спаса. В 1013 году по данным академика М. Н. Тихомирова [16] было совершено первое крещение в водах озера Кстово. Деятельность Глеба была прервана после кончины его отца князя Владимира. Вместе со своим братом Борисом он был коварно вызван Святополком в Киев, по пути к которому и погиб, будучи увенчан венцом страстотерпца. Предстоятели Русской Церкви, митрополиты Киевские проявляли особое внимание к Мурому и Ростову, первые князья, которых – Глеб и Борис, стали первыми в сонме русских. На месте апостольского служения князя Глеба был основан Спасо-Преображенский монастырь.

Е. Е. Голубинский связывает христианизацию Муромского Поочья прежде всего с деятельностью Спасо-Преображенского монастыря. Дело христианского просвещения продолжал князь Константин († до 1129 г.), который и довершил начатое дело. В житии указано, что, вступив 1192 году в Муром, он остановился перед «старым вышним городищем», где был оплот язычества и местного сепаратизма. За годы прошедшие со времени князя Глеба в крае утвердился институт княжеской власти, была создана христианская община, но еще сильным оставалось язычество, центром которого стало старое городище, появившееся еще в VI веке. Здесь обитали племена мурома и меря, а потом стали переселяться и славяне-язычники. К старому «вышнему» городищу примыкал посад (Николо-Набережное селище), где были речная пристань и торг. Свое влияние на регион оказывала Волжская Булгария, ставшая оплотом ислама. В числе поселенцев селища на торгу находились булгары-магометане, имевшие, возможно, здесь свою мечеть.

К приходу князя Константина южная часть Мурома, в которую входил Кремль вплоть до Пятницкого селища, была христианской. Северная же, более населенная часть Мурома была языческой и мусульманской. Князь Константин после обращения язычников старого городища утверждает христианство и на посаде, население которого находилось под влиянием исламской экспансии. За распространение учения Христа булгары

советовали местному населению убить князя. Прибыв в Муром князь Константин натолкнулся на сопротивление населения, следствием которого стала гибель сына Константина – юного князя Михаила. После усмирения непокорных муромлян, князь осуществил массовое крещение в водах Оки. В 1192 году было завершено дело христианского просвещения жителей Залесья. По своей кончине все княжеское семейство – князь Константин, княгиня Ирина, его супруга, и их дети Феодор и Михаил были погребены в храме Благовещения Богородицы (до 1129 года). После их кончины в Муроме утвердилось местное почитание князя Константина и его семейства. На Московском церковном соборе 1547 г. муромский князь Константин вместе со своими сыновьями Михаилом и Феодором были вчинены в лик святых. При канонизации было составлено житие святого благоверного князя Константина и чад его, автором которого был инок владимирского Богородице-Рождественского монастыря Михаил. Чтил память князя Константина царь Иоанна IV Грозный. По повелению царя был воздвигнут каменный собор и устроена рака святым. В роспись Архангельского собора Московского кремля в 60-е гг. XVI в распоряжению Грозного было включено изображение муромского князя Константина – царского «сродника» и одного из устроителей христианства в России [17].

4. Основание Ростово-Суздальской епархии. Епископ Феодор –первый Святитель Залесской Руси. Миссионерская деятельность епископов ростовских Леонтия и Исайи (XI в.) По свидетельству Никоновой летописи и Степенной книги, в 992 г. Киевская митрополия Константинопольского патриархата получила свою внутреннюю структуру в виде епархий. Митрополит Киевский поставил епископов прежде всего в Новгород, потом в Чернигов, Ростов, на Волынь, наконец в Белгород, находившийся близ Киева.

Учреждение Ростовской епархии в 991 году, куда вошел в церковном отношении Владимирский край, связано с назначением первого епископа Залесской земли Святителя Феодора. **Святитель Феодор**, «родом грек» стал первым епископом в Ростово-Суздальской земле. При нем в Ростове построен первый христианский храм – церковь Успения Пресвятой Богородицы. В конце X века вследствие противления языческих волхвов Святитель вынужден был покинуть Ростов и перейти в Суздаль [18], и был погребен в Рождественском соборе. По церковной традиции Святитель Феодор считается основателем Владимиро-Суздальской епархии, хотя он носил сан епископа ростовского. В XVIII столетии ключарь собор Рождество Богородицы г. Суздаля архимандрит Анания (Феодоров) написал

“Историческое собрание о граде Суждале” [19] Особое место в своем историческом сочинении он уделил личности святителя Феодора. Дело Святителя Феодора продолжили последующие ростовские епископы.

Во второй половине XI в. миссионерскую деятельность и христианизацию Залесского края вели епископы (тоже из греков) **Леонтий и Исайя.** Святитель Леонтий (ум. в 1080-х гг.) – епископ Ростовский, как предполагают, является автором «Поучения к попам». Сведения о епископе Леонтие весьма скудны. О нем имеются упоминания в Лаврентьевской летописи, где под 1231 годом говорится о поставлении Святителя Кирилла (+1262 г.) епископом Ростовским, приводятся имена его предшественников «святых епископ преже бывших Ростове: Леонтья святаго и священаго епископа Исайя, и Нестора» [20] В Московской Академической летописи под 1230 г. упоминается о перенесении в новую церковь мощей «великаго святителя чюдотворца епископа Леонтия» [21]. Согласно житию святителя Леонтия он родился в Константинополе. В Киево-Печерском патерике имеется уточнение, что Святитель Леонтий, постриженик Киево-Печерского монастыря, был просветителем Залесского края и погиб за веру как мученик [22].

Стараниями епископа Исайи в Суздале была построена церковь святого Дмитрия. Умер епископ Исайя в 1089 г. и был погребен Успенском соборе града Ростова.

5. Внешне и внутреннеполитический контекст христианизации Залесской Руси. Языческие восстания в 1024 г. в Суздале и 1071 г. в Ростове. Крещение Руси – это масштабное историческое событие, изменившее весь ход русской истории и культуры. В свой начальный период истории Русская Православная Церковь (990–1448 гг.) находилась в единении с Константинопольским патриархатом, имея статус Киевской (Русской) митрополии Константинопольского патриархата и почитая Патриарха Константинопольского как своего предстоятеля. Православие стало главным связующим звеном между Русью и Византией, укрепляя их политическое, торговое и культурное взаимодействие. Русь/Россия выступала в этом межкультурном диалоге в основном как рецептор греческой православной традиции, эта рецепция сопровождалась внесением собственного вклада в православную традицию. Развитие конфессионального аспекта русско-греческого межкультурного диалога было далеко не линейным. Свое место в истории русско-греческих связей занимает история Владимирской епархии.

Как уже упоминалось, первые епископы Ростовской епархии, начиная со святителя Феодора Суздальского, были по своему происхождению греки. В дальнейшем с историей Владимирской епархии соединено имя киевского митрополита Максима-грека и святителя Арсения Суздальского или Элассонского. В христианском выборе славяне выразили свое осознание себя в семье европейских народов, исповедующих веру в Христа-Бога. С этой точки зрения, исключительно важным была христианизация северо-восточных земель Руси, Залесья, непосредственно соприкасавшихся с мусульманским анклавом в лице Волжской Булгарии. Именно поэтому князь Владимир лично возглавляет христианскую миссию в Ростово-Суздальскую землю, предпочтя этому даже крещение второго по значению города древней Руси Великого Новгорода. С христианизацией была непосредственно связана проблема искоренения сепаратизма местных племен и установления власти киевского князя над северо-восточными землями. Зачастую формой сопротивления туземных элит являлось следование языческим традициям, дающим в числе прочего право принятия судебных решений в конфликтных ситуациях согласно дохристианской правовой норме. Об этом свидетельствуют так называемые восстания волхвов в Суздале в 1024 году и Ростове в 1071 году, когда в условиях голодного бунта волхвы стали проводить судебные расправы над местными жителями, обвиняя их в колдовстве, что, по их мнению, являлось причиной голода. Языческий суд завершался убийством невинных людей и грабежом их имущества. Представителями княжеской администрации эти действия были прекращены, а виновные подвергнуты наказанию. В дальнейшем Залесская Русь, Волго-Окское междуречье стало местом сохранения великого общерусского религиозного и культурного наследия и формирования великорусской народности. Этапы русской истории представляют города Киев, Владимир, Москва и Санкт-Петербург. Особое место в этом списке столиц занимает Владимир, связующее звено Руси Киевской и Руси Московской.

6. Монастыри Владимирского края. Иноческие обители имели особое значение в духовном преображении далекой Залесской земли. Монастыри на Руси появились в середине XI в. В Залесской Руси древнейшими монастырями были Муромский Спасо-Преображенский монастырь (с 1096 г.), Боголюбовский монастырь (1158г.), Богородице-Рождественский (1191 г), Феодоровский и Успенский Княгинин (1200г.) монастыри во Владимире, Дмитриевский, Козьмодемьянский и Ризоположенский – в Суздале. В первой трети XIII в. во Владимиро-

Суздальском княжестве насчитывалось 23 монастыря. 22 августа 1191 года в списке монастырей владимирской земли появляется наименование Владимирского монастыря во имя Рождества Пресвятой Богородицы. На круче над рекой Клязьмой в восточной части владимирского детинца благодаря Великому Владимирскому князю Димитрию Юрьевичу (Всеволоду Большое Гнездо) возвысился монастырский белокаменный собор, создание которого завершило формирование южной фасадной панорамы города Владимира, завершило полноту его духовного бытия. Три белокаменных собора – кафедральный Успенский, великокняжеский Дмитриевский и монастырский Богородице-Рождественский, стоящих на береговой кромке, венчают Владимир-на-Клязьме. Владимирская архитектурная триада являлась градостроительной скрепой городского ландшафта, обращенного по старорусской традиции к речной магистрали [23]. Не менее велико значение монастыря в общерусской перспективе. Иноческая обитель числилась главной на Руси вплоть до 1561 года, когда первенство переходит к Троице-Сергиевой лавре. С монастырем связаны жизнь и деятельность многих деятелей истории и культуры. В их числе имена епископа Симона – автора “Киево-Печерского патерика”, монаха Лаврентия – создателя “Лаврентьевской летописи”, святого благоверного великого князя Александра (в схиме – Алексия), Святителей Феофана Затворника и Афанасия Ковровского [24]. Главным украшением древней обители являлся собор Рождества Богородицы. В XII веке на месте крещения владимирцев у впадения реки Почайны в Рпень по воле Андрея Юрьевича Боголюбского появился Федоровский монастырь, построенный в честь спасения князя от рук немецких наемников под Луцком в 1249 году в день памяти святого мученика Феодора. С 1200 г. в списке монастырей Владимирского края значится Успенский Княгинин монастырь, основанный первой супругой Великого князя Всеволода Георгиевича княгиней Марией Шварновной. Великая княгиня Мария (в схиме Марфа) причислена к лику святых, также как и ее сын Георгий Всеволодович, внуки Александр Невский и Феодор (сыновья Ярослава Всеволодовича), правнук Даниил Московский. В Княгинином монастыре находятся захоронения не только самой Марии, но и ее сестры Анны, дочери Великого князя Александра Невского Евдокии и его жен Вассы и Александры, супруги Ярослава Всеволодовича княгини Елены, а также сестры адмирала М. П. Лазарева В. П. Лазаревой. Таким образом, история монастыря тесно связана с важнейшими событиями русской истории и соединена со столичным статусом города Владимира.

7. Христианство в Северо-Восточной Руси в XII столетии. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский и князь Всеволод Большое Гнездо. Дело христианского просвещения равноапостольного князя Владимира Крестителя продолжают князь Юрий Долгорукий и его сын Андрей Юрьевич Боголюбский.

В 1132 г. со смертью старшего сына Мономаха киевского князя Мстислава освободился княжеский стол в Киеве. С тех пор заветной мечтой суздальского князя Юрия Долгорукого стало овладение первым русским столом. Один за другим он совершает походы на Киев и только после третьей попытки (1154 г.) ему удается удержать за собой столицу Древней Руси. Став киевским князем Юрий призвал к себе из Суздаля все многочисленное семейство.

Его старший сын – Андрей происходил от первого брака с княгиней Марией, дочерью половецкого хана Аепы Осекевича. От второго брака с княгиней Еленой, византийской принцессой были младшие единокровные братья Мстислав, Василько и Всеволод. Как считается, родился князь Андрей между 1120–1125 гг. в Суздале [25]. Здесь прошли его детские и отроческие годы, сформировался характер и внутренний духовный мир. По данным исследования, проведенного в 2007 году В. Н. Звягиным, князь Андрей Юрьевич имел типичную славянскую внешность средне-европейского типа, был человеком крепкого телосложения, ростом около 170–172 см. На страницах письменных свидетельств бурной эпохи середины XII века, борьбы за киевское наследие он предстает мужественным воином, исполняющим свой сыновний долг.

В северо-восточной Руси уделом Андрея был город Владимир, в южной Руси – Вышгород. С конца XI века Вышгород играл роль важного духовного центра Киевской Руси. С ним связано происхождение Владимирской чудотворной иконы Божией Матери, которая была принесена митрополитом-греком Михаилом в 1130 году как дар киевскому князю Мстиславу Изяславичу. По другому сказанию образ Божией Матери попал из Константинополя в 12 веке как дар Патриарха Луки Хрисоверга князю Юрию Долгорукому. Во время нахождения князя Андрея в Вышгороде образ Божией Матери был отмечен чудесными явлениями. Позднее в Повести описывается история ее перенесения в 1155 году из Вышгорода во Владимир [26]. Слава чудотворного образа определена сугубым почитанием этой святыни князем Андреем Юрьевичем. Именно он воздал этой иконе особую честь и хвалу, воздвиг ве-

ликолепный белокаменный собор во Владимире как место ее охранения и почитания. Покидая южную Русь, князь Андрей забирает собой еще одну реликвию – меч святого страстотерпца Бориса.

Исторические деяния 1157 года, перенос политического центра Залесской Руси из Суздаля во Владимир и положение в Залеской Руси должны рассматриваться в общем контексте междукняжеских отношений и системы политической власти древней Руси. Уход князя Андрея в 1155 году не был беспричинным поступком. Общины «старейших» городов Северо-Восточной Руси – Ростова и Суздаля заключили с Юрием Долгоруким на рубеже 40–50-х гг. XII века соглашение о пребывании в «Суждальской» земле князя как гаранта независимости и суверенности Залесья [27]. После смерти Юрия Долгорукого власть в Киеве переходит к основному конкуренту – черниговскому князю Изяславу Давидовичу. В том же 1157 году Суздальская летопись сообщает о вокняжении Андрея Юрьевича в Ростово-Суздальской земле [28], которое противоречило утвержденному порядку: еще при жизни Юрия Долгорукого ростовцы, суздальцы, владимирцы и переяславцы целовали крест младшим братьям Андрея – Михаилу и Всеволоду. Первые годы братья правили совместно. Но в 1162 г. Андрей при поддержке дружины и городской знати изгнал братьев из Суздаля. Занимаясь устройством своего княжества, Андрей направляет свое внимание на Владимир, в котором закладывает собор Успения Пресвятой Богородицы. Владимир становится стольным градом Северо-Восточной Залесской Руси.

В особую заслугу князю Андрею Юрьевичу нужно поставить бережное отношение к киевскому наследию. Князь проявил себя как защитник Русской Земли, прежде всего Киева, когда он был помощником киевского князя Юрия Долгорукого. Безусловно, религиозный облик князя Андрея Боголюбского определили его дела по созданию культурной среды Владимирского края, градостроительству и храмоздательству. С именем князя Андрея Юрьевича связано изменение в середине XII века статуса города Владимира, ставшего из «мизинного» стольным градом Северо-Восточной Руси.

Для оценки градостроительной деятельности князя Андрея Боголюбского чрезвычайно важно понимание образа нового христианского города. Безусловно, таким градостроительным символом были Иерусалим и Константинополь. Уже в градостроительстве Киева было заложено стремление следовать этим высоким образцам. Князь Андрей Боголюбский сумел предугадать историческую катастрофу, постигшие

Поднепровье и Киев. Владимир стал преемником и продолжателем духовной православной традиции.

В Успенском соборе, ставшем средоточием духовной культуры Древней Руси, князь Андрей поместил чудотворную икону Божией Матери, которая стала именоваться Владимирской. Под сенью собора создавались замечательные произведения древней русской литературы: «Сказания о чудесах от иконы Владимирской Богоматери», многие страницы знаменитого «Киево-Печерского Патерика». Именно в связи со строительством Успенского собора начинается погодная запись событий на северо-востоке Руси и систематическое летописание. Согласно утверждению Я. Н. Щапова в этот период во Владимире создается основной состав текста церковного Устава святого равноапостольного князя Владимира Святославича, с которым связаны все последующие редакции [29].

За первые 6 лет своего правления князем Андреем были построены каменные храмы: в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Боголюбове (1158), Успенский собор во Владимире (1159–1160), в 1164 г. освящена Ризоположенская церковь на Золотых воротах, около ворот на княжеском дворе заложен Спасо-Преображенский храм. В пойме у Боголюбова, рядом с устьем р. Нерль при впадении в Клязьму в 1164 г. был возведен храм, посвященный новому празднику Покрова Богородицы, в память о победоносном походе на волжских булгар. В Боголюбове были выстроены церкви во имя мучеников Леонтия и Андрея Стратилата. Ко времени правления св. князя относится возникновение монастырей в Боголюбове и ближайших окрестностях, прежде всего Феодоровского монастыря в восточном предместье Владимира на языческом капище в Яриловой долине. Не исключено, что князь является основателем Константино-Еленинского монастыря, упоминаемого в летописи под 1276 г. В нач. 70-х гг. XII в. во Владимире существовал Космодемьянский монастырь, игумен которого принимал участие в погребении кн. Андрея Боголюбского. Главными городскими воротами при кн. Андрее Боголюбском стали Золотые ворота, построенные в 1158–1164 гг. и выполнявшие две важнейшие функции: торжественного парадного въезда в город и мощного оборонительного сооружения. Их уникальность в том, что это единственный сохранившийся до нашего времени памятник подобного рода.

Символически Владимир в своей топографии и топонимике был соотнесен со Святой Землей и Иерусалимом. Дорога, начинавшаяся в XII веке от Золотых ворот Владимира, и высокий холм за городской стеной

напоминали о Золотых вратах Иерусалима, дороге в Вифанию и горе Елеонской. Во Владимире к юго-западу от Золотых Ворот на Вознесенской горке был расположен Вознесенский монастырь. В месте слияния Клязьмы и Нерли – речных вратах Владимиро-Суздальского княжества был воздвигнут первый на Русской земле храм во имя Покрова Божией Матери. Здесь же на берегу реки Клязьмы на месте явления Божией Матери по указанию князя Андрея строится Боголюбский монастырь. Тогда же в 1155 году была написана икона Боголюбской Божией Матери – первый русский датированный иконописный образ.

Говоря о культурно-историческом наследии России и Владимирской земли, в созидание которого свой неоспоримый вклад внёс князь Андрей Боголюбский мы видим, что значимы не только арте-факты культуры, представленные в материальной форме, но и невещественные, нематериальные арте-факты, знания, ценности, традиции, идеи. Здесь на Владимирской земле князь Андрей Боголюбский впервые сформулировал комплекс общественно-политических идей, которые впоследствии были реализованы в деятельности московских князей по собиранию Русских земель, провозгласив идею самодержавия – основой политической жизни народа [30]. Личность князя Андрея Юрьевича Боголюбского и ныне объединяет историческую Русь. Выйдя из Киева земного, князь Андрей Боголюбский сохранил Киев духовный. Киев – это не только и не столько географическое понятие. Это колыбель русской народности и духовности. Это наследие Киева князь Андрей сумел спасти от полного уничтожения в пламени междуусобиц и нашествия иноплеменников и иноверцев. Волго-Окское междуречье явилось местом формирования великорусской народности.

Святой благоверный князь Андрей Боголюбский был прославлен Русской Православной Церковью в 1702 году, когда были обретены его святые мощи в Успенском кафедральном соборе г. Владимира. День памяти святого князя Андрея Юрьевича установлен 17 июля (4 июля по юлианскому календарю).

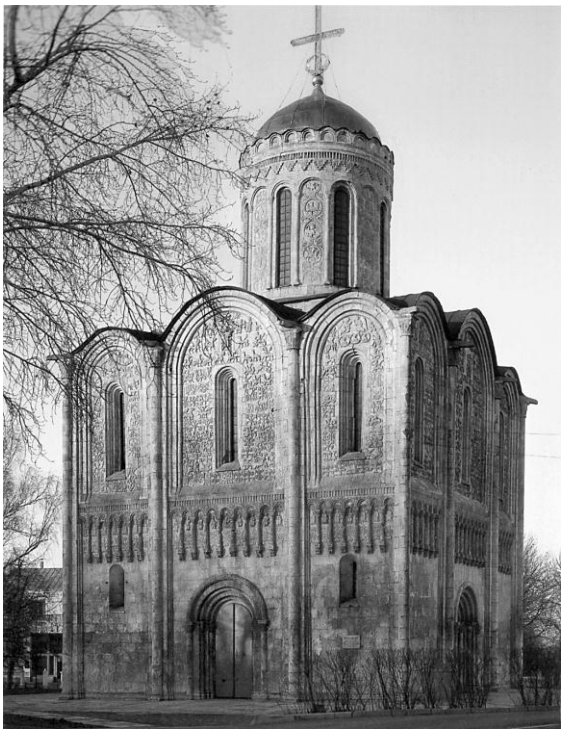
Усиление княжеской власти и политическое возвышение Владимира, особенно в период правления великого князя Всеволода (Димитрия) Юрьевича Большое Гнездо, отразились и на титуле владимирских князей, которые стали именоваться великими, и на церковном статусе города. Великий князь Всеволод Большое Гнездо в крещении Димитрий продолжил храмоздательную деятельность брата. После опустошительного пожара во Владимире в 1185 г. уничтожившего 32 церкви и повредившего Успенский собор, главный храм Владимирской земли

был не только восстановлен (к 1189), но и расширен за счет пристроек с севера, юга и запада. Отстроенная церковь была увенчана пятью куполами – центральным, позолоченным, и четырьмя по углам, покрытыми серебром. В старых стенах были проделаны широкие проемы. Получились столпы, соединенные между собой арками. В галереях между стенами устроили усыпальницу, в углублениях новых стен поместили гробницы почивших святителей, Владимирских князей и членов их семей. Греческие мастера, приглашенные из Константинополя, расписали собор фресками. 11 августа 1189 года, незадолго до своего престольного праздника в честь Успения Пресвятой Богородицы, собор был торжественно освящен епископом Лукой. В 1192 г. был заложен, в 1196 г. освящен храм в честь Рождества Богородицы и при нем основан мужской монастырь. В 1194–1197 гг. шло сооружение дворцового Димитрия Солунского собора, который князь украсил «дивно иконами и писаньем», в храм доставили «доску гробную из Селуня святаго мученика Димитрия, мюро непрестанно точащю» и сорочку мученика. В 1197 г. по повелению святителя Иоанна на вратах, ведущих в Успенский собор, была возведена церковь во имя Богоотцов Иоакима и Анны. В 1200 г. заложен, в 1202 г. освящен храм Успения Божией Матери во Княгинином женском монастыре во Владимире.

В распространении и укреплении христианства в Залесской Руси важное значение имеет деятельность владимирских князей как защитников и хранителей Православия.

8. Учреждение Владимирской епархии в 1214 году. Святитель Симон Владимирский и святой князь Георгий Всеволодович. До начала XIII в. на территории современной Владимирской митрополии находились две епархии – Ростово-Суздальская и Муромо-Рязанская. В 60-х гг. XII в. князь Андрей Юрьевич Боголюбский попытался основать независимую от Киева Владимирскую митрополию во главе с Феодором (Феодорцем), уже нареченным епископом Владимиро-Суздальским. Однако Константинопольский Патриарх Лука Хрисоверг не согласился на эти предложения владимирского князя. Только в 1214 г. при Святом благоверном Великом Владимирском князе Георгии Всеволодовиче была создана самостоятельная Владимирская епархия.

Владимирский кафедральный собор Успения Божьей Матери, 1158, 1189 гг.



Дмитриевский собор г. Владимира
1194–1197 гг.

Георгиевский собор
в г. Юрьев-Польском 1234 г.

Муромский Спасский монастырь. Основан ок. 1096 г.

Лестничная башня (колокольня) и Рождественский Собор в пос. Боголюбово близ г. Владимира 1165 г.

Церковь Покрова Богородицы на р. Нерль, с. Боголюбово Суздальского района 1165 г.

Разделение Ростовской епархии было связано, кроме всего прочего, с вопросами наследования Великого Владимирского княжения. Князь Всеволод III Большое Гнездо еще в 1207 году отдал под начало своего старшего сына Константина Ростов и 5 других городов. Наследником Владимирского княжения он сделал младшего сына – Георгия, которому отошли Владимир, Боголюбов, Суздаль, Москва, Городец, Соль Великая и Кострома. Некогда единая Ростовская земля распалась на ряд княжеств, принадлежащих сыновьям Всеволода Большое Гнездо. По кончине в 1212 г. своего отца князь Константин начал борьбу с братом за Владимирское княжение. К 1213 г. складываются две группировки. С одной стороны князь Константин, желающий получить стольный град Владимир и титул Великого князя, и поддерживающие его князья Святослав и Владимир. С другой – князья Георгий и Ярослав. Фактом этого противостояния стало разделение Ростовской епархии. Епископ Ростовский Иоанн, приводивший в свое время к присяге о передаче великокняжеского стола Георгию Всеволодовичу, не был допущен в Ростов и вынужден был переселиться во Владимир. По свидетельству летописца с 1214 г. «нача быти в Ростове епископ, а в Володимери и Суздале другий» [31].

Как отмечает А. В. Маштафаров Владимирская епархия «учреждена в 1214/15 г. с центром в Суздале (Суздальская и Владимирская). В 1274 г. кафедральным городом стал Владимир, епархия называлась Владимирской, Суздальской и Нижегородской» [32]. Таким образом, Владимирская епархия была выделена из состава Ростовской епархии. Первым ее епископом стал игумен Богородице-Рождественского монастыря во Владимире Симон [33].

Епископ Владимирский Симон был постриженником Киево-Печерского монастыря [34]. Епископом Владимирским и Суздальским стал в 1214 г. Его резиденция размещалась в Рождественском монастыре г. Владимира [35]. Святитель Симон известен как автор 8 повестей о печерских иноках, положивших начало Киево-Печерскому патерику – первому русскому «Отечнику». Возникновение в русской христианской литературе самого жанра “патерика” связано с Владимирской землей. Первоначально патериковые рассказы появились как переводы историй монастырских обителей и биографий известных подвижников. Самобытное произведение этого рода “Киево-Печерский патерик” появилось в первой трети XIII века как следствие переписки Епископа Симона и печерского монаха Поликарпа. Житие самого Ки-

ево-Печерский патерик оказал воздействие на создание Псково-Печерского, Соловецкого, Волоколамского и иных патериков. Перу епископа Симона принадлежит также “Повесть об основании Печерской обители”. Святитель Симон почил 22 мая 1226г. и был погребен в Успенском соборе г. Владимира [36]. Его житие представлено в сборнике Богородице-Рождественского монастыря.

14 марта 1227 г. епископом Суздальским, Владимирским и Переяславским становится игумен Рождество-Богородицкого монастыря Митрофан. При нем в 1230 г. была окончена роспись Рождественской церкви в Суздале, освящена Георгиевская церковь в Юрьеве-Польском, построенная князем Святославом (Гавриилом) Всеволодовичем. В 1237 г., накануне нашествия Батыя епископ Митрофан установил во владимирском Успенском соборе «над трапезою» «кивот» и «украси его златом и сребром», одновременно был расписан притвор храма. Наиболее значительным церковным событием этого времени было перенесение во Владимир «из Болгарьское земли» в 1230 или 1231 г. мощей мученика Авраамия Болгарского, помещенных в Княгинином монастыре во Владимире.

Святой благоверный князь Георгий II Всеволодович – последний князь домонгольской Руси, родился 26 ноября 1188 года в Суздале. Здесь в окружении тихой природы и белокаменных храмов он возрастал и мужал. В 1212 году стал Великим князем Владимирским. В междуусобной войне с братом кн. Константином, войска Георгия в 2016 г. потерпели поражение. Тем не менее, в 1218 г. князь Георгий вторично взошел на Владимирский престол и занимал его до своей кончины в 1238 г. Георгий Всеволодович продолжил традицию храмового строительства во Владимирской епархии. 6 мая 1218 г. «на торговище во Владимире» была заложена каменная Крестовоздвиженская церковь. В 1222 г. был заложен каменный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Суздале на месте разрушившейся Успенской церкви. 8 сентября 1225 г. Богородице-Рождественский храм был освящен. По воле великого князя Георгия и благословению епископа Симона в 1221 году на месте впадения реки Оки в Волгу был образован город Нижний Новгород, как форпост Русских земель на востоке. В Нижнем Новгороде, входившем во Владимирскую епархию, князь Георгий в 1225 г. заложил каменную Спасскую церковь. Погиб Великий князь Георгий в битве с монголами на реке Сить 4 марта 1238 года. Его тело князя было погребено в Ростове, а в 1239 году перенесено во Владимирский Успенский

собор. В 1643 году князь Георгий был канонизован в чине Святого благоверного князя. День памяти Благоверного князя 4 (17) февраля. В 1860 г. Успенском кафедральном соборе был устроен придел во имя Святого благоверного князя Георгия, соединивший собор с колокольней [37].

9. Нашествие хана Батыя и состояние церковной жизни в период после установления зависимости от Орды. Епископ Серапион и митрополит Максим. В декабре 1237 года полчища хана Батыя вторглись в русские земли и 3 февраля 1238 г. подошли к городу Владимиру. Основные силы Батыя расположились против Золотых ворот на раменском поле, а свой шатер хан поставил на опушке леса у подошвы Студеной горы. 4 февраля татаро-монголы сделали первую попытку ворваться в город через Золотые ворота, но их атаки были отбиты. В этот же день были захвачены, разорены и преданы огню Боголюбово и Суздаль. 5 февраля начался штурм города с западной стороны города, который продолжался весь день и был отбит оборонявшимися. 7 февраля с восходом солнца штурм города возобновился. На этот раз монголы наступали со всех сторон. До полудня неприятель овладел частью города от Золотых ворот до Мономаховой крепости. Монголы ворвались в центральную часть Владимира и захватили детинец. В Успенском соборе укрылись княжеская семья, княгиня Агафья с дочерьми, снохами и внуками, епископ Митрофан, которые погибли в огне и дыму пожара после взятия монголами собора. В сражении пали и оба князя – Всеволод и Мстислав. Город Владимир был разорен и сожжен. Те из защитников, кто не был убит, попали в плен.

После взятия Владимира Батый направил свои отряды для захвата Юрьев-Польского, Стародуба Клязьминского, Переяславль-Залесского и других городов. Весь февраль 1238 года горела Владимирская земля, в огне рушились города и села, исчезали деревни. Тем временем великий князь владимирский Георгий Всеволодович, узнавший о трагедии, постигшей столицу и княжескую семью, собирал силы для борьбы с монголами в северных волостях княжества. В старом городище неподалеку от Костромы, на берегу Сити князь разбил свой лагерь. 4 марта 1238 г. монголо-татарские войска внезапно напали на лагерь Георгия, и, несмотря на героизм русских воинов, одержали победу. В битве пали последний князь домонгольской Руси Георгий Всеволодович, воевода Жирослав и многие другие военачальники, а ростовский княжич Василько был взят в плен и замучен за отказ перейти на службу к Батыю. Началась мрачная эпоха монголо-татарского ига.

После Батыева нашествия Владимирской епархией управлял Ростовский епископ Кирилл II, а в 1250–1274 гг. – пребывавший во Владимире митрополит Киевский и всея Руси Кирилл. В 1274 году во Владимире прошел Всерусский церковный собор, восстановивший Владимирскую епархию (1274–1299 гг.) с кафедрой во Владимире.

Сам факт собрания высших иерархов церкви во Владимире свидетельствовал о высоком престиже и большом влиянии этого северо-восточного города на общерусские дела. На собор прибыли иерархи из Великого Новгорода, Полоцка, Владимиро-Суздальской Руси. Собор утвердил «Кормчую книгу» Митрополита Кирилла и принял 12 правил о церковных делах и исправлении духовенства. Было решено выбирать священнослужителей из числа людей достойных, предварительно выяснив, не грешны ли они «блудом, убийством, ростовщичеством». Епископом Владимирским, Суздальским и Нижегородским был избран Серапион, служивший архимандритом Киево-Печерского монастыря. Пробыл он во главе владимирской епископии всего год (1274–1275 гг.) и был погребен в Успенском кафедральном соборе

Руководствуясь «Ясой» Чингиз-хана, вводящей в качестве основного принципа религиозной политики Орды принцип веротерпимости, ханы Золотой Орды подтвердили привилегии и правовую автономию Православной Церкви, существовавшие в домонгольский период. Митрополиты в своем поставлении на Киевскую кафедру должны были получить от хана ярлык, что обеспечивало личную неприкосновенность и привилегии духовенства, а также охрану имущества церкви. В начале XIV в после утверждения ислама в качестве официальной религии Орды положение Церкви стало менее благоприятным, но в целом все ее права сохранились. Несмотря на это, Церковь испытала все тяготы и лишения ордынского ига.

Преемником митрополита Кирилла стал митрополит Максим, который управлял Русской митрополией тридцать лет в самое тяжкое время господства монголов. С его именем связано перенесение центра церковного управления из Киева во Владимир в 1299 г. Владимирская епархия вошла в состав Митрополичьей области, а ее управление осуществлял сам Митрополит. Митрополит Максим (1283–1305) по делам Церкви ездил в Орду, присутствовал на патриаршем соборе в Константинополе (1301), примирял воевавших князей и составил известное «Правило Максима, митрополита русского» для искоренения различ-

ных неустройств в русской жизни и церкви. В 1305 г. митрополит Максим почил и был погребен был не в Киеве, а во Владимире, в Успенском соборе.

С 1309 по 1325 гг. главой общерусской кафедры пребывал Митрополит Петр. В 1326 году при князе Иване Даниловиче Калите кафедра была перенесена из Владимира в Москву. В том же году последовала блаженная кончина Святителя Петра. При Митрополите Феогносте последовало окончательное утверждение кафедры в Москве. Владимирская епархия по-прежнему находилась в составе Митрополичьего диоцеза. Тем ни менее известны факты, когда для ее управления назначались отдельные епископы. Епископ Владимирский Алексий был поставлен на кафедру в 1352 г. , когда произошла епископская хиротония будущего Митрополита Московского и Всея Руси (1354г.) [38]. Святитель Алексий родился в Москве и был сыном черниговского боярина Федора Бяконта. В возрасте 20-ти лет он принял постриг в Московском Свято-Богоявленском монастыре. В 1354 году последовало назначение главой Русской митрополии. В 1362 г. Святителем Алексием был основан Константино-Еленинский монастырь в Добром селе. Образом своей жизни Святитель Алексий приобрел всеобщее уважение. 12 февраля 1378 г. Святитель Алексий блаженно почил о Господе. 20 мая 1431 г. были обретены его святые мощи (по данным Архиепископа Филарета, а по Митрополиту Макарию, в 1439 г.). Святитель Алексий один из самых чтимых угодников русских. Церковь празднует его память 12 февраля, а обретение мощей – 20 мая [39].

10. Святой благоверный князь Александр Невский. Великий князь Александр Невский был потомком Рюрика в 11 колене, сыном великого князя Ярослава Всеволодовича, внуком князя Всеволода Большое Гнездо, правнуком Владимира Мономаха. Имя Александр было весьма редким в домонгольский период в княжеском именослове. Князь был наречен во имя мученика Александра Римского (284–305 гг.), память которого отмечается 13 (26 нов. ст.) мая по юлианскому календарю. На свет будущий великий князь появился в Переславль Залесском 13 мая 1221 года [40]. В историю он вошел с прозвищем Невский во знаменование своей битвы со шведами. Первым косвенным летописным свидетельством о князе Александре является запись в Новгородской летописи под 1223 г. В 1228 году князь упоминается в связи с событиями в Новгороде, где он был оставлен князем Ярославом со своим братом Феодором. В 1234 году состоялся первый боевой поход князя Александра в рядах войск своего отца князя Ярослава против

ливонских немцев. С 1236 года князь Александр Ярославич начинает свою самостоятельную политическую деятельность [41]. 15 июля 1240 года состоялось известное сражение русских войск со шведами, вошедшее в историю как Невская битва. В этом же году князь получил от своего отца Ярослава на княжение Переславль-Залесский и затем вновь вернулся на северо-восток Руси. В 1241 году по просьбе новгородцев, изгнал чужеземцев, грабивших их земли, и освободил Псков от захватчиков. 5 апреля 1242 года на границе с ливонским орденом произошло Ледовое побоище. В 1245 году были отражены набеги литовцев под водительством Миндовга. Шестилетняя защита князем Александром Невским северо-западной Руси заставила неприятелей отказаться от самой мысли о завоевании русских земель.

В 1247 году после кончины своего отца князь Александр с братом Андреем впервые поехал в Орду на поклонение к Батыю. В 1250 году братья вернулись на Русь с ярлыками на княжения: младший из братьев Андрей по воле хана получил Владимирский престол. Князю Александру Невскому достались в управление киевские и новгородские земли. В 1252 году на русские земли двинулись татарские войска под командованием царевича Неврюя. В это время князь Александр находился в Орде, где получил ярлык на Великое Владимирское княжение. На Владимирском престоле он находился около 11 лет. Своим заступничеством он охранял землю Русскую, выкупал пленных и способствовал возвращению своего брата Андрея Ярославича на Русь, где он стал Суздальским князем. В 1261 г. тщанием митрополита Кирилла и содействием великого князя Александра Невского была учреждена в столице Золотой Орды Сарайская епархия Русской Православной Церкви, выполнявшая миссию христианизации языческих и иноверных народов. Четырежды князю приходилось быть в Орде у хана, дабы «отмолить» людей от беды.

В 1262 году во Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле Залесском, Ярославле и других русских городах начинается восстание против монгольских баскаков. Убийство сборщиков дани грозило карательной акцией монголов. Князь Александр Ярославич совершает свой последний поход в Орду, избавивший Русскую землю и церковь от очередного татарского погрома. Более того, он добился освобождения от участия в военных походах монголов. Отправляясь из Орды, уже будучи больным, князь преставился в Городце Волжском в Федоровском монастыре, приняв перед этим схиму с именем Алексий. Это событие произошло 14 ноября 1263 года. Князь был погребен под сводами белокаменного Богородице-Рождественского собора Богородицкого монастыря во Владимире

[42]. Канонизирован великий князь в лике благоверных при митрополите Макарии на Московском Соборе 1547 года. В 1724 году по повелению императора Петра Великого мощи Александра Невского были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург в Троицкий собор Александро-Невской лавры [43]. Многие храмы в настоящее время посвящены памяти святого благоверного великого князя Александра Невского [44]. Множество их и на лике Владимирской земли [45]. Это Александро-Невский храм села Барсово Киржачского района, часовня Александра Невского поселка Новки Камешковского района, храм Александра Невского города Судогды, Александро-Невский храм села Ново-Александрово Суздальского района, надвратный храм Богородице-Рождественского епархиального монастыря города Владимира. Во многих храмах имеются приделы в честь Александра Невского. Это придел Александра Невского в Троицком храме города Карабаново Александровского района, придел Александра Невского в Богородице-Владимирском храме поселка Мстера Вязниковского района. Среди мемориальных памятников, связанных с жизнью князя Александра Невского можно назвать Успенский собор во Владимире [46], где находится гробница его отца князя Ярослава Всеволодовича († 1252 г.) и где сам князь Александр был «венчан» на Великое владимирское княжение [47]. Успенский собор Княгинина монастыря является усыпальницей супруги князя Александры и его дочери Евдокии [48]. Мать Александра Невского Феодосия нашла свое упокоение в Георгиевском монастыре города Владимира, где до сих пор находится ее гробница [49]. Богородице-Рождественский собор, служивший более четырёх столетий местом упокоения князя Александра, был разрушен в 1930 году. В ходе работ по его возрождению в 1997 году на южном фасаде собора ученые обнаружили старинные захоронения. По мнению археолога В. П. Глазова один из саркофагов являлся местом его первого захоронения Александра Невского [50].

В 1999 году после трехлетний археологических изысканий на месте древних фундаментов начинаются работы по строительству нового собора Рождества Богородицы, который является храмом-памятником. Наблюдательный совет утвердил концепцию восстановления собора, в соответствие с которой западный притвор храма-памятника был воссоздан с учетом возможности экспозиционного показа белокаменных столпов XII века [51]. В августе 2004 года собор был освящен и ныне вновь под его сводами звучат славословия святому благоверному князю Александру Невскому. В 2008 году в ходе опроса мнения граждан России

князь Александр Невский избран «именем России». В этом выборе символа нации отразилась неразрывная связь Церкви и общества, объединенных исторической памятью, так и вызовами современного мира.

11. Преподобный Сергий Радонежский и Владимирский край. Преподобный Сергий Радонежский по месту своего рождения в селении Варницы в окрестностях Ростова Великого связан духовными корнями с Владимиро-Суздальской Русью и ее религиозной традицией. Именно Ростов в суровые годы монгольского нашествия стал хранителем Владимиро-Суздальского культурно-исторического наследия. Город на озере Неро и его окрестности не подверглись разорению от орд Батыя [52]. По древнему ростовскому преданию, боярин Кирилл – отец Преподобного был по происхождению потомком древнего киевского рода Симоновичей. В свите князя Юрия Долгорукого потомки Симона оказались на земле Залесской Руси. Таким образом, киевская и владимирская традиции органично сочетались в жизни преподобного Сергия с традициями Руси Московской, становящейся духовным и политическим центром всех Русских земель.

Жизненный путь преподобного Сергия связан с Нагорным Борисоглебским монастырем в Переславле Залесском [53]. Здесь преподобный Сергий был поставлен епископом Волынским Афанасием в иподиакона и иеродиакона, а позже, Владыкой Афанасием, – в иеромонаха, а затем и в игумена [54]. Сергий Радонежский дважды посещал Владимирскую землю в ее современных границах [55]. В 1354 году он был вынужден покинуть Троицкий монастырь на холме Маковец. С проводником преподобный Сергий уходит на берега реки Киржач, где в 1355 году им был основан Благовещенский монастырь [56]. В дальнейшем вокруг обители образуется монастырская слобода, получившая статус города Киржача в XVIII веке [57]. Возвратившись по просьбе иноков в Троицкий монастырь преподобный оставил Благовещенском монастыре в качестве настоятеля своего ученика Романа Киржачского [58]. В 1365 году по просьбе Великого князя Димитрия Московского отправляется в Нижний Новгород с целью примирения враждующих братьев – нижегородского князя Бориса Константиновича и суздальского князя Димитрия Константиновича. Причиной ссоры между ними стало владение землей. В разгар борьбы за Владимирское княжение между московским и суздальским князем Борис нанес удар своему брату, захватив Нижний Новгород. В 1364–1365 гг. в нижегородских пределах свирепствовала эпидемия чумы, распространившаяся далее по всей Северо-Восточной Руси [59]. Невзирая на это преподобный Сергий отправляется в путь. Прибыв в Нижний Новгород, он

«затворил» все храмы. Столь крайняя мера заставила гордого князя смириться и пойти на уступки своему брату. Отношения между московским и суздальским князьями были скреплены браком 15-летнего князя московского Димитрия Иоанновича с дочерью суздальского князя Димитрия Константиновича Евдокией. Во время этого опасного путешествия преподобный Сергий основал в Гороховском уезде пустынь и воздвиг в ней храм во имя Святой Живоначальной Троицы [60]. Кроме этого в 1365 году по возвращении из Нижнего Новгорода им был создан ныне возрождённый Георгиевский скит под Гороховцом.

Преемником преподобного Сергия в Троицком монастыре стал Никон, уроженец г. Юрьев-Польского. Преподобный Никон родился в 1352 году [61]. Ученик преподобного Сергия, второй игумен Троицкого монастыря много потрудился, сохраняя и преумножая славу Сергиевой обители. Его трудами был воздвигнут каменный Троицкий собор, в стенах которого пребывали мощи преподобного Сергия. Духовный наставник Андрея Рублева он благословил его на написание образа Святой и Живоначальной Троицы в честь преподобного Сергия. Скончался Никон на 73 году своей жизни. В настоящее время память о преподобном Никоне не угасает на родной земле. В городе Юрьеве-Польском создан Свято-Введенский-Никоновский монастырь.

12. Преподобный Андрей Рублев и Владимирский край. Преподобный Андрей Рублев (ок. 1360 г.–17 октября 1428 г.), жизнь и творчество которого неразрывно связаны с историей Владимирской земли, родился, как предполагают, в Московском княжестве и по своему прозвищу Рублев [62], вероятно, происходил из среды ремесленников. Постриг он принял с именем святителя Андрея Критского в Троицком монастыре, настоятелем которого был преподобный Никон, ученик святого **Сергея Радонежского.** Известно, что Андрей Рублев жил в Троицком монастыре, исполняя высокое церковное послушание создания святых образов. В изобразительном творчестве Андрей Рублев стал наследником двух традиций «богословия в красках» – греческой и русской.

Сохранились скупые летописные свидетельства трудов и жизни преподобного Андрея Рублева. Впервые его имя упоминается в 1405 году в связи с росписью Благовещенского собора Московского Кремля в одном контексте со знаменитым иконописцем Феофаном Греком и Прохором-старцем. Через три года уже второй раз он упоминается в русском летописании в связи с росписью Успенского собора во Владимире. Здесь Андрей Рублев предстает как руководитель артели иконописцев, которую пригласил московский князь Василий Дмитриевич,

взявшийся за восстановление главного кафедрального храма всей Руси. Названо имя и Даниила Черного. По указанию преподобного Иосифа Волоцкого, иконник Даниил Черный был наставником преподобного Андрея Рублева в иконописи.

Трудами Андрея Рублева, Даниила Черного и мастеров андреевой артели во Владимире был создан грандиозный иконописный ансамбль, ставший образцом для остальных русских православных храмов. По указанию преподобного Андрея был воздвигнут высокий многоярусный иконостас, где над иконами местного ряда и царскими вратами располагался деисусный ряд, праздничный и ряд пророков [63]. Иконостас Успенского собора – один из самых больших дошедших до нас. Так деисусные иконы имеют высоту 3,14 м. Деисус является центром гигантской композиции «Библии в красках». Идейный замысел композиции деисуса (в переводе с греческого «деисис» обозначает «моление») связан с темой «Страшного суда» и отражает мысль о заступничестве и молении святых за род человеческий перед Христом-Богом. На центральной иконе деисуса «Спас в Силах» изображен Господь Иисус Христос с раскрытым текстом Евангелия, восседающий на престоле. Из 25 икон праздничного ряда сохранились иконы Благовещения Божией Матери, Сошествия во ад, Вознесения Господня, Сретения и Крещения Господня. Из пророческого ряда – образы ветхозаветных пророков иконы Софонии и Захарии.

Через два года после завершения работ в 1410 году был совершен набег татар на Владимир и иконостас в своем первозданном виде не сохранился. В 1768–1775 гг. в ходе реставрации Успенского собора по указу императрицы Екатерины он был заменен новым, существующим в настоящее время резным деревянным иконостасом в стиле барокко. Иконы древнего иконостаса были проданы в село Васильевское Шуйского уезда. В 1919–1922 г. в ходе научной экспедиции иконы были вывезены в Москву и после реставрации вошли в собрания Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея. В настоящее время стенопись 1408 г. сохранилась частично и занимает площадь более 200 кв. метров. Это единственный документально подтвержденный и точно датированный памятник творческого наследия преподобного Андрея Рублева. Остальные иконы имеют атрибуцию как произведения мастеров «круга Рублева». Сохранившиеся фрески представляют фрагмент грандиозной композиции Страшного суда, занимавшей западную подхорную часть храма. Центр композиции – образ Христа Второго Пришествия, пришедшего во славе как Бог и Судия

человечества. Пред престолом суда предстоят Богородица и Иоанн Предтеча, а ниже припадают прародители всего человеческого рода – праотец Адам и праматерь Ева.

В 1420-х гг. преподобный Андрей Рублев вместе с Даниилом Черным упоминается в третий раз в связи с росписью в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря. Последнее, четвертое упоминание имени преподобного связано с работами в Спасском соборе Спасо-Андроникова монастыре в Москве в 1428 году. Скончавшись 17 октября 1428 года от морового поветрия, Андрей Рублев был погребен в Андроникова монастыре возле колокольни.

Творческое наследие Андрея Рублева является образцом для православного иконописания, что было утверждено решением Стоглавого Собора Церкви в 1551 году. Соборные постановления 1551 года признали его равным самым известным греческим иконописцам, сформировавшим церковный канон, и предписали «писать живописцам иконы с древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев». В конце XVI века при составлении Строгановского иконописного подлинника Андрей Рублев был назван преподобным. В своих иконах и фресках Андрей Рублев воплотил то, что называют «богословием в красках».

С XVI века преподобный Андрей Рублев чтился как местночтимый святой. Юбилейным Поместным собором Русской Православной Церкви в 1988 году он был канонизирован в лике преподобных святых. День памяти преподобного Андрея Рублева совершается совершается трижды в год:

4 (17) июля – Преставление преподобного Андрея (Рублёва) Московского иконописца;

6 (19) июля – Память преподобного Андрея (Рублёва) Московского в Соборе Радонежских святых.

В неделю перед 26 августа (8 сентября) – Память преподобного Андрея (Рублёва) Московского в Соборе Московских святых.

Реальные представления о иконописном искусстве Андрея Рублева появляются после реставрационной расчистки иконы «Троица» в 1904 году и фресковой живописи Успенского собора во Владимире в 1918 году. 1960 год был объявлен ЮНЕСКО годом 600-летия древнерусского иконописца преподобного Андрея Рублева. В связи с этим в СССР по сценарию Андрея Тарковского и Андрея Кончаловского «Страсти по Андрею» был снят фильм, получивший в прокате название «Андрей Рублев». Фильм рассказывает о жизни русского иконописца. Повествование,

разделённое на 8 новелл-эпизодов с 1400 по 1423 год, рассказывает о жизни Руси XV века, увиденной глазами монаха-иконника. Отдельные новеллы представляют общую картину Руси XV века. Историческая кинодрама снималась во Владимирской области. 8 мая 1965 года во Владимире начались и продолжались с перерывами больше года съемки этого фильма. Всего работа над картиной продолжалась с 1964 по 1966 годы. Наиболее важные сцены фильма снимались во Владимире, Боголюбове и Суздале. Историческая драма «Андрей Рублёв» входит в список ста лучших фильмов за всю историю кинематографа.

В 1995 году в центре Владимира на Соборной площади при входе на Пушкинский бульвар был открыт памятник преподобному Андрею Рублеву скульптора О. К. Комова (г. Москва).

13. Святая праведная Иулиания Лазаревская. В сонме святых в земле Владимирской просиявших Церковь прославляет святую праведную Иулианию Лазаревскую (Муромскую). Первое описание ее жития принадлежит ее сыну – Дружине (Каллистрату) Осорьину [64]. Это, собственно говоря, не канонический текст, построенный по законам агиографического жанра, а записи биографического характера. Родилась праведная Иулиания в городе Плосне предположительно в середине 30-х гг. XVII века [65]. Прожила она около 70 лет и преставилась в преддверии «Смутного времени» в 1604 году. Родители праведной Иулиании были людьми благочестивыми и занимали высокое социальное положение. В возрасте шести лет Иулиания осиротела [66] и была взята на воспитание в Муром своей бабкой со стороны матери, после кончины которой она переходит на воспитание к своей тетке Наталии. В возрасте 16 лет она была выдана замуж за состоятельного и добродетельного человека Георгия Осорьина (Осоргина) [67].

Первая половина XVI века была относительно благоприятна для жизни людей. Но, как сообщают летописи, в 1557 году разразился голод, охвативший всю Русскую землю. Сохранилось послание митрополита Макария по поводу этого голода [68]. Иулиания у родных испрашивает для себя пищу, которую раздает нуждающимся. Она сама занимается погребением умерших от голода и заказывает по ним сорокоусты. Вслед за голодом Русь посетила моровая язва. Праведная Иулиания берет на себя попечение о несчастных, которых сторонились все, не исключая ближних. Она ухаживает за заразными больными и собственноручно моет их.

В семейной жизни праведная Иулиания не имела себе утешения. Четверо сыновей и три дочери ее умерли в младенчестве. Двое из ее

сыновей погибли уже взрослыми насильственной смертью [69]. Дети приносили ей много горя и печали. Среди домашних, детей и слуг не редкими были ссоры. После гибели своего сына на царской службе праведная Иулиания стала просить мужа отпустить ее в монастырь. Но супруг указывает ей на необходимость завершить дело воспитания детей. По кончине своего супруга праведная Иулиания раздает деньги нищим. Творение Иисусовой молитвы она не оставляет даже во сне. В 1601–1603 гг. при царе Борисе Годунове наступил страшный голод, во время которого были даже зафиксированы случаи людоедства. Воцарившийся на царском престоле Борис Годунов [70] пытался оказать помощь бедствующим, но это приводило к результатам, прямо противоположным и усугубляло степень бедствия [71]. На этом мрачном фоне Иулиания, раздав все возможное, сама оказалась в крайней степени нищеты. Она отпустила на волю своих рабов и переселилась в свою Нижегородскую вотчину. Пришлось для пропитания собирать лебеду и древесную кору.

В тяжелые годы голода многие люди страдали не только телесно, но и духовно. Все эти три года голода праведная Иулиания не только заботилась о голодающих, но являла образ сострадания и сердечной любви. В Рождество Христово 1604 года праведная Иулиания почувствовала приближение конца своего земного пути. После своей праведной кончины она была погребена около церкви праведного Лазаря. На этом месте в последствии был воздвигнут Михаило-Архангельский храм. Со времени обретения мощей начинается почитание святой праведной Иулиании Лазаревской. В XVII веке были составлены житие и служба святой праведной Иулиании Лазаревской [72].

Храм в селе Лазаревском, где пребывали мощи святой, был закрыт в 1930 году. Мощи были переданы в Муромский краеведческий музей. В настоящее время они находятся в храме Николы-Набережного города Мурома.

14. Святитель Арсений Суздальский. Святитель Арсений родился близ г. Трикала (северная Греция) в январе 1550 года в семье священника Феодора. Основные сведения об Арсении содержатся в его сочинениях и греческом житии святителя. 21 февраля 1584 г. Арсений был избран архиепископом Димоника и Элассона, в XVI в. входивших в Ларисскую митрополию. В 1585 г. Патриарх Феолипт II включил святителя Арсения в состав греческой делегации, направленной в Москву на помин царя Иоанна IV. В России участники греческого посольства были приняты царем. На обратном пути из России в мае

1586 г. святитель Арсений Элассонский совершил остановку во Львове, где по просьбе членов Львовского православного братства в течение 2 лет преподавал греческий и церковнославянский языки. Для братской школы им была составлена учебную программу («Порядок школьный»), написана двуязычная «Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка» («Ἀδελφότης») (Львов, 1591).

Во второй раз Арсений Элассонский приехал в Москву в 1588 г. с посольством константинопольского патриарха Иеремии II. Он участвовал во всех переговорах с московским правительством по поводу учреждения патриаршества в России, а затем в избрании и рукоположении первого русского патриарха Ионы. На приеме греческих послов у царя Федора Ивановича он получил разрешение остаться в Москве. Вся дальнейшая жизнь Арсения оказалась связанной с Россией. Став суздальским Архиепископом, Арсений принимал участие в интронизации первого русского Патриарха. В конце 1596-начале 1597 гг. он становится архиепископом кремлевского Архангельского собора, активно участвует в русской церковной жизни. На свои средства он строит и украшает храмы, делает многочисленные вклады в русские и греческие монастыри. Святитель Арсений написал на новогреческом языке «Описание путешествия, предпринятого Иеремией 2-м, Патриархом Константинопольским, в Московию, и об учреждении Московского Патриаршества» и автобиографические заметки [73]. Описал интронизацию первого Московского Патриарха – святителя Иова, составил греческую службу св. Василию Блаженному.

После ареста поляками 1 мая 1611 г. Патриарха Гермогена архиепископ Арсений стал главой православного духовенства в Москве. В этом качестве 5 октября 1611 года участвовал в переговорах боярского правительства с королем Сигизмундом III. 27 ноября 1612 года он во главе московского духовенства с Владимирской иконой Божией Матери приветствовал вступавшее в Москву русское войско. 2 мая 1613 г. вместе со всем духовенством святитель Арсений встречал близ Москвы Михаила Феодоровича Романова и его мать Марфу и сопровождал их к царским гробницам, где служил молебен. 11 мая он поставил свою подпись на грамоте об избрании царем Михаила Феодоровича и 11 июля участвовал в венчании юного царя. В 1613 году он назначается на Тверскую кафедру. Время перевода Святителя Арсения на Суздальскую кафедру точно не известно. На Суздальской кафедре Святитель Арсений пробыл около десяти лет с 1615 г. Почил он 29 апреля 1625 г. и был погребен в кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы.

По благословению Патриарха Алексия II 23 августа 2005 г. в Богородице-Рождественском соборе г. Суздаля при архиепископе Евлогии (Смирнове), ныне митрополите Владимирском и Суздальском были обретены мощи святителя Арсения Суздальского. Были обнаружены кирпичная стенка и переложенный свод склепа, остатки деревянного гроба, хорошо сохранившиеся мощи святителя Арсения, которые были извлечены из старого захоронения и помещены в новую раку. Расчистку погребения проводили представители епархии, главный археолог Московского Патриархата С. А. Беляев, сотрудники Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Были обнаружены фрагменты облачения святителя, культовые предметы византийского и русского лицевого шитья XV-XVII вв. с изображением Боголюбской Богоматери и Суздальских святых. Сейчас все предметы из захоронения Арсения Элассонского были реставрированы специалистами из «Московского Кремля» и Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Д. В. Пежемским было проведено комплексное антропологическое исследование мощей Арсения Элассонского, а С. А. Никитиным осуществлена научная реконструкция его внешнего облика. Частица мощей святителя Арсения была передана делегации Греческой Церкви Патриархом Московским и всея Руси Алексием в начале июня 2006 г.

15. Церковное управление Владимирским краем в X- первой половине XVIII века. Как уже упоминалось, до начала XIII в. на территории современной Владимирской митрополии располагались две епархии – Ростово-Суздальская и Муромо-Рязанская. В 60-х гг. XII в. князь Андрей Юрьевич Боголюбский попытался основать независимую от Киева Владимирскую митрополию во главе с Феодором (Феодорцем), уже нареченным епископом Владимиро-Суздальским. Однако Константинопольский Патриарх Лука Хрисоверг не согласился на эти предложения владимирского князя. В 1198 г. была установлена Епископия Муромская и Рязанская с кафедрой в Муроме. В 1291 году кафедра была перенесена в Рязань.

В 1214 г. при князе Георгии Всеволодовиче была создана самостоятельная Владимирская епархия. В 1299 году в связи с переносом центра церковного управления из Киева во Владимир Владимирская епархия вошла в состав митрополичьей области и управление ею было утверждено за митрополитом Русской митрополии. В 1330 г. из состава Владимирской епархии последовало учреждение Суздальской епархии (1330–1798 гг.) и установление Суздальской Епископии (1330–1374 гг). В 1374г. последовало установление Архиепископии Суздальской,

Нижегородской и Городецкой (1374–1394 гг.). В 1406 г. – установление Епископии Суздальской и Тарусской (1406–1589 гг.), с 1589г. – Архиепископия.

В течение 468 лет Суздальская епархия существовала параллельно с Владимирской до их воссоединения в 1798 году [74]. В 1589 г. Борис Годунов от имени царя Феодора Иоанновича, с целью учредить в России Патриаршую кафедру, предложил Константинопольскому Патриарху Иеремии II, находившемуся тогда в Москве, поселиться во Владимире и возглавить Русскую Православную Церковь. Но Патриарх ответил отказом, считая пребывание вне столичного города недостаточным для своего положения. В связи с установлением патриаршества изменился церковно-административный статус земель Владимирского края и города Владимира, которые в составе Владимирской епархии вошли в Патриаршую область. В 1681–1682 гг. на церковном Соборе по предложению царя Феодора Алексеевича поднимался вопрос об учреждении новых епархий, в т. ч. о восстановлении Владимирской, но этот вопрос не был решен.

В 1701 г. Патриарший дом и духовное управление населением Патриаршей области были переданы Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Стефану (Яворскому). В 1708 г. Россия была поделена на восемь губерний. Города Владимирского края – Владимир, Суздаль, Юрьев-Польской, Переславль, Муром и Шуя вошли в состав Московской губернии, а г. Гороховец и Вязниковская слобода (принадлежавшая дворцу) – в состав Казанской губернии. После второй территориально-административной реформы в 1719 г. все города Владимирского края (к ним были отнесены также Ростов и Лух) составили 4 провинции Московской губернии. В таком виде административное деление просуществовало до последней четверти XVIII в., до губернской реформы Екатерины II. В 1721 г. после создания Святейшего Правительствующего Синода была учреждена на основе Патриаршей Синодальная область. В 1742 году бывшая Патриаршая область была разделена на Санкт-Петербургскую и Московскую епархии [75]. Московской епархией с 1742 по 1748 гг. управляли Архиепископы Московские и Владимирские [76]. В синодальный период число епархий не успевало за ростом народонаселения на территории Российской империи. В 1744 г. в Синодальной области насчитывалось 5000 храмов и 200 монастырей. Возникла необходимость распределения епархий в соответствии к потребностям церковной жизни.

16. Владимирская епархия в XVIII-первой четверти XX столетий. В 1744 году при императрице Елизавете Петровне было совершено восстановление Владимирской епархии в качестве самостоятельной церковной единицы, которая была выведена из состава Синодальной области. Указом от 16 июля 1744 года была учреждена Владимирская и Яропольская епархия [77]. На Владимирскую кафедру был назначен Епископ Владимирский и Яропольский Платон (Петрункевич), рукоположенный во епископа 20 марта 1748 года. С этого времени и начинается фактически новое историческое бытие древней Владимирской церкви. В 1744 г. во Владимирской епархии насчитывалось 684 храма. В 1753 г. их количество составило 830, а в конце этого столетия было уже 1083–1092 церкви [78].

Владыка Платон происходил из дворян Черниговской губернии. В Киевской духовной академии будущий Владимирский архиерей получает фундаментальное богословское образование. В 1742 г. он был переведён во Владимирский Богородице-Рождественский монастырь и стал членом Святейшего Синода. Дела в Синоде занимают много времени, но Владыка уделяет значительное внимание управлением Епархией и устройством церковной жизни. В 1749 году епископ Платон произвёл ревизию важнейших монастырей, находившихся во Владимире и его окрестностях. Ревизия выявил многие непорядки. В исправление их владыка приписал приходские дворы к Георгиевской церкви, а другой Богородицкий монастырь распорядился отстроить для учреждения семинарии. Местом для проживания епархиального архиерея был определен Владимирский Богородице-Рождественский монастырь. В конце 1754 г. владыка Платон вновь совершает ревизию Владимирской епархии. Было отмечено в ходе ревизии, что часто в храмах и домах прихожан встречаются старые иконы с двуперстным сложением креста. Был издан указ, по которому следовало все старые иконы «переписать и переисправить всеконечно». Кроме этого важной заботой епископа Платона стало положение и состояние древнего Боголюбского монастыря. При владыке Платоне началось восстановление этой святыни Владимирской земли. В 1756 г. закончилось строительство нового храма и он был освящён Преосвященным Платоном. На следующий год строительные работы в древнем монастыре продолжились: там приступили к восстановлению Андреевского храма. Но освятить его владыке Платону уже не пришлось. 16 апреля 1757г. Епископ Владимирский и Яропольский Платон (Петрункевич) скончался в Москве

Указами Екатерины II (1788г.), Павла I (1799г.) и Александра I было установлено совпадение границ епархий с границами губерний. Такое положение действовало до 1917 г. 7 ноября 1775 г. был издан манифест «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», на основе которого вся территория была разделена на 50 губерний с населением по 300–400 тыс. душ мужского пола в каждой; в свою очередь в губерниях выделялись уезды с населением по 20–30 тыс. душ мужского пола. Во главе областной администрации стоял наместник или генерал-губернатор, управлявший двумя-тремя губерниями, каждую из которых возглавлял губернатор. Указом 1 сентября 1778 г. было учреждено Владимирское наместничество, состоявшее из Владимирской, Тамбовской и Пензенской губерний.

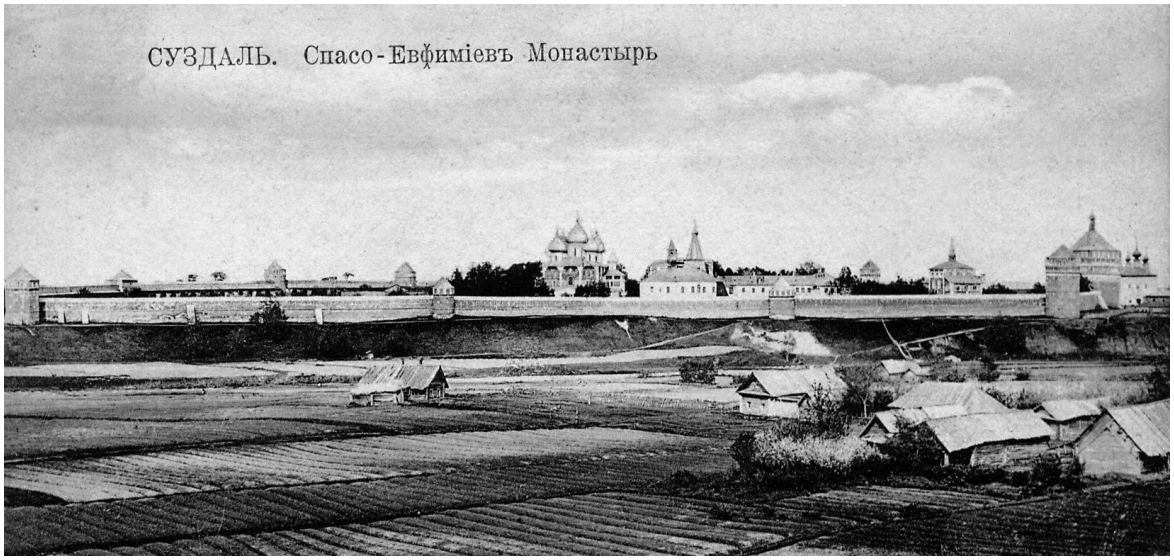
5 июля 1763 года на Владимирскую кафедру был назначен архимандрит Павел (Гребневский) – духовник императрицы Екатерины II. 6 июля 1763 г. состоялась хиротония в епископа Владимирского и Яропольского. В следующем 1764 году был изменен титул епархиального архиерея Владимирской епархии в связи с включением в состав Владимирской епархии города Мурома и Муромского уезда. Епископ Павел стал именоваться епископом Владимирским и Муромским. В этот период на территории Владимирской епархии насчитывалось 696 храмов. В 1764 году в рамках мероприятий по изъятию церковной собственности, так называемой секуляризации, проведенной императрицей Екатериной II, Владимирская епархия была к 3-му классу в числе 15 других епархий. Произошло перераспределение городов и уездов по епархиям. Теперь во Владимирской епархии числились города Владимир, Арзамас, Гороховец, Муром, Починки, Темников и Ярополч с Вязниковской слободой.

Императрица Екатерина II, посетила в 1767 году Владимир во время своего путешествия из Казани в Петербург. 13 июня 1767 года она присутствовала на богослужении в Успенском кафедральном соборе г. Владимира. По ее распоряжению из средств Коллегии экономии были выделены 14 тысяч рублей на проведение реставрационных работ во Владимире. 6 мая 1788 г. императорским указом Святейшему Синоду было дано предписание по возможности привести границы епархий в соответствие с границами губерний. В связи с этим Владимирская и Переславль-Залесская епархии были присоединены к Суздальской епархии. Епархиальным архиереем был определен Владимирский епископ Виктор (Онисимов) с титулом Суздальский и Влади-

мирский. В результате этой церковно-административной реформы границы Суздальско-Владимирской епархии совпали с границей Владимирской губернии. 3 мая 1798 г. указ императора Павла I предписывал епископу Виктору пребывать во Владимире как месте архиерейской кафедры. 27 сентября 1799 года согласно доклада Святейшего Синода, утвержденного императором Павлом, Суздальская епархия была переименована во Владимирскую и Суздальскую и кафедральным городом вновь стал Владимир [79].

Во время Отечественной войны 1812 года во Владимире находились вывезенные из занятой французскими войсками Москвы чудотворные Владимирская и Иверская иконы Божией Матери. Епископ Владимирский и Суздальский Ксенофонт (Троепольский) ежедневно служил молебны перед этими иконами. 21 августа 1821 года на владимирскую кафедру был назначен епископ Владимирский и Суздальский Парфений (Чертков), который находился во главе Владимирской епархии более 28 лет с 1821 по 1850 гг. В 1833 году он был возведен в сан архиепископа. Большое значение архиепископ Парфений придавал образовательному цензу духовенства и их социальному положению. Особое внимание уделялось заботе о детях-сиротах священников. Воспоминания об архиепископе Парфении в мемуарах «Былое и думы» оставил Александр Иванович Герцен, который жил в 1838–1840 годах в ссылке во Владимире. Архиепископ Парфений дал согласие на венчание А. И. Герцена с Натальей Захарьиной. В 1853 году владыка скончался в Воронеже, где был погребен. С 1850 по 1863 гг. на Владимирской кафедре находился епископ Иустин (Михайлов).

24 августа 1858 г. Владимир посетил император Александр II. По его распоряжению начались масштабные строительные работы во владимирском Рождество-Богородицком монастыре. В ноябре 1859 г. начинается первая в России научная архитектурная реставрация в белокаменном храме Рождества Богородицы в Богородице-Рождественском монастыре. К сожалению, это здание было разрушено в годы гонений в 1930 году.


СУЗДАЛЬ. Спасо-Евѳиміевъ Монастырь

Виды Вязниковъ.
Вязниковскій Казанскій Соборъ.
Фот. Ив. Козинъ.

г. МУРОМЪ. Троицкий и Благовещенский монастыри

г. Гороховецъ

Владимирскую кафедру в XIX столетии прославили виднейшие церковные деятели, архипастыри и богословы. В их числе архиепископ Парфений (Чертков), святитель Феофан Затворник (Говоров), архиепископ Феогност (Лебедев), архиепископ Сергий (Спасский). Архиепископ Феогност (Лебедев) пребывал на Владимирской кафедре с 1878 по 1892 гг. Он принимал участие в короновании Императора Александра III. 15 мая 1883 года был возведен в сан архиепископа. За время своего служения во Владимирской епархии занимался активной деятельностью по строительству новых храмов, народному просвещению и церковной миссии. При владыке Феогносте были созданы церковно-исторические древлехранилища и церковно-приходские школы, а так же учреждены просветительные братства. Особенную заботу архиепископ Феогност проявил в деле памятникоохранительной деятельности Церкви, реставрации древних исторических храмов, включая научную реставрацию Успенского кафедрального собора во Владимире. В последней четверти XIX века при епископе Феогносте (Лебедеве) проводились масштабные реставрационные работы по воссозданию исторического облика Успенского собора во Владимире [80]. В ходе реставрационных работ, завершившихся в 1884 году, были обнаружены древние росписи и осуществлено приведение «в первоначальный вид» гробниц. В 1886 г. с одобрения Московского археологического общества начались внешние реставрационные работы на Успенском соборе. Техническое руководство реставрацией осуществляли губернский инженер И. О. Карабутов и епархиальный архитектор Н. Д. Корицкий. Научное руководство проведением реставрационных работ было возложено на членов Московского археологического общества И. Е. Забелина и Н. В. Никитина. Зимой 1888 года начались подготовительные работы. В 1890 г. производилось реставрационное восстановление глав и крестов собора. По проекту И. О. Карабутова осуществлялось устройство орнаментальных подзоров [81]. По завершении реставрационных работ в верхней части собора начались работы на его стенах. В июле 1891 г. реставрация Успенского собора, продолжавшаяся около пяти лет, была завершена [82]. 29 сентября 1891 года было произведено торжественное освящение Успенского кафедрального собора.

21 ноября 1892 года Архиепископом Владимирским и Суздальским стал Сергий (Спасский) – известный духовный писатель, богослов и историк. Он являлся автором ряда научно-богословских трудов, Почетным членом Императорского Православного Палестинского общества. 20 ноября 1904 г. архиепископ Сергий (Спасский) скончался и был погребен в Успенском кафедральном соборе г. Владимира.

С 24 марта 1916 г., в связи с учреждением Суздальского викариатства происходит изменение титула епархиального архиерея. Архиепископ Алексий (Дородницын) был титулован как Владимирский и Шуйский. В управлении Владимирской епархией помощь епархиальному архиерею оказывали викарные епископы. В XIX-нач. XX в. во Владимирской епархии существовали 3 викариатства. В их числе были Муромское, учрежденное в 1868 г., Юрьевское, созданное в 1912 г., а так же Суздальское, учрежденное в 1916 г.

Вторая половина XIX и начало XX столетий особый период в истории Владимирской епархии, когда Церковь в лице Епархиального управления и духовенства оказывается сопричастной изменениям в общественной жизни страны, обусловленными проводимыми правительством преобразованиями. В этот период границы Владимирской епархии и Владимирской губернии совпадали. Владимирская губерния административно делилась на 13 уездов и 222 волости. На ее территории находилось 15 городов, 1 посад и 8227 различных иных поселений. По переписи 1897 г. в Владимирской губернии было 1570733 жителей обоего пола. Владимирский край в своей основе был представлен православным русским населением. Православие (вместе с единоверчеством) исповедовало подавляющее большинство населения – 94%. Наиболее значительными являлись города Иваново-Вознесенск (54 тыс.), Владимир (28 тыс.) и Шуя (19 тыс.) [83]. В XIX- нач. XX вв. росло количество храмов в епархии и численность духовенства.

В 1870 г. во Владимирской епархии насчитывалось 1155 храмов. В клире епархии состояло 1249 священнослужителей.

В 1888 г. на территории 970 православных приходов находилось 1192 храма (из них 18 соборов, 26 домашних церквей, 1036 сельских храмов и 112 приходских городских и кладбищенских церквей).

В 1890 г. количество храмов увеличилось до 1322. В клире епархии насчитывалось 1168 священнослужителей

Кроме этого на территории Владимирской губернии находились иные немногочисленные религиозные объединения, объединявшие своих приверженце в основном по религиозно-этническому признаку, В их числе Лютеранско-Евангелическая церковь во Владимире и 2 еврейских молитвенных дома.

В 1900 году во Владимирской епархии числилось церквей – 1449, (в том числе каменных – 1398 и деревянных – 51) и 754 часовни. В епархии находилось 18 мужских и 11 женских монастырей. Имелись 3 женских общины монашествующих. В штате епархии состояло 2495

лиц служащего духовенств, включая 67 протоиереев, 1173 священников, 418 дьяконов и 1137 псаломщиков. Заштатного белого духовенства было 9 протоиереев, 70 священников, 71 дьякон и 116; псаломщиков. В общем числе монашествующих 2154 человек числилось 197 монахов, 312 послушников, 346 монахинь и 1211 послушниц.

В систему церковного просвещения входили Владимирская Духовная семинария (605 воспитанников), Владимирское Епархиальное женское училище (385 воспитанниц), 5 мужских духовных училищ (968 воспитанников), 6 второклассных школ, 10 двухклассных, 466 одноклассных, 184 школы грамоты, 3 воскресных, 2 школы иконописания и курсы церковного пения. В церковно-приходских начальных школах обучалось 25700 детей. В церковную библиотечную систему входили 1 епархиальная библиотека, 60 при благочиннических округах, 10 монастырских и 1000 приходских библиотек. Большую просветительную и миссионерскую работу проводило Епархиальное братство святого благоверного великого князя Александра Невского. Епархия вела большую благотворительную деятельность в 7 больница (90 койко-мест) и 4 богаделен (на 40 человек) при монастырях. В 47 приходских богадельнях содержалось до 920 человек.

17. Благотворительная деятельность во Владимирской епархии и социальное партнерство Церкви и местного самоуправления. Благотворительные учреждения и дела милосердия осуществлялись на епархиальном, благочинническом и приходском уровнях. Большое внимание делу милосердия и благотворительности уделяли монастыри. В 1823 г. было основано епархиальное попечительство о бедных духовного звания. Епархиальное попечительство осуществляло надзор и содержание богадельни в Вязниках, а так же женского епархиального училища во Владимире. В 1853–1855 гг. на территории владимирского Успенского женского монастыря действовал приют для девочек. В 1881 г. на денежные средства, собранные духовенством в ознаменование 25-летия царствования императора Александра II, был основан епархиальный приют для больных и престарелых священнослужителей на 10 человек В 1884 г. открылась эмеритальная касса духовенства Владимирской епархии. В 1897 г. членство в кассе стало обязательным для всего духовенства.

22 октября 1892 г. во Владимире при местном отделении Всероссийского общества Красного Креста была учреждена община сестер милосердия во имя благоверного великого князя Георгия Всеволодо-

вича. Задачами общины милосердия были служение немощным, раненым, борьба с эпидемиями. Отделения Свято-Георгиевской общины действовали почти во всех уездных городах и крупных селениях. Трудами сестер милосердия были обустроены амбулатории и больничные стационары. Члены сестричества самоотверженно работали в противохолерных санитарных отрядах, участвовали в создании санитарных отрядов для борьбы с эпидемиями и последствиями неурожаев во Владимирской и других губерниях. С 1897 г. община направляла сестер в бригады по медобслуживанию переселенцев в Сибирь, вдоль строящейся Транссибирской магистрали, участвовала в создании полевых госпиталей во время русско-японской и Первой мировой войны.

В начале XX в. в епархии действовали 4 странноприимных дома и 12 богаделен для призрения вдов и сирот священно- и церковнослужителей. С 1889 г. в с. Сергееве Шуйского уезда при Феодоровском женском монастыре действовал детский приют. С 1892 г. в уездном городе Суздале работало благотворительное общество равноапостольного князя Владимира. В 1905 г. Суздальское благотворительное общество организовало Суздальскую богадельня, а в 1909 г. сиротский учебно-ремесленный детский приют. В 1900 г. во Владимирской епархии существовали 34 церковноприходских попечительства, собиравшие пожертвования на нужды церковноприходских школ, храмов и причтов, а также занимавшиеся устройством богаделен, чайных-читален, благотворительных обществ.

Важное значение имело социальное партнерство Церкви с местным самоуправлением Владимирской губернии. Правовой статус священно и церковнослужителей в России в XVIII-XIX вв. определялся рядом актов в духе петровских преобразований [84]. До начала 70-х гг. XIX в. участие духовенства в городском общественном управлении было невозможно в соответствии с положениями «Жалованной грамоты» городам 1775 г. Екатерины II. Среди преобразований 1860–70-х гг. важную роль сыграли реформы в церковно-государственной сфере. Законом от 16 апреля 1869 г. предусматривалось изменение статуса духовенство в российском обществе, расширение круга его общественной деятельности, включая «право читать публичные лекции» [85]. Дальнейшим шагом в этом направлении стал новый закон о гражданских правах духовенства от 26 мая 1869 г. Реформа местного самоуправления позволила лицам из духовного сословия участвовать в избирательной кампании. Новый закон о городском самоуправление 1870 г. открыл перед духовенством Влади-

мирской епархии возможности священнического служения. По городовому положению 1870 г. священнослужители получили право участвовать в работе городских избирательных собраний и быть избранными в гласные городских дум. В ходе выборов по трем разрядам налогоплательщиков 4, 5 и 7 декабря 1870 г. были избраны 72 гласных Владимирской городской думы. В списки гласных Думы вошли 2 священнослужителя – священники Воскресенский Евгений Михайлович и Сервицкий Александр Ильич – избранные по третьему избирательному съезду [86]. В 1871–72 гг. «Городовое положение» вводится в других городах и посадах Владимирской губернии.

В списках гласных во многих из городских Дум мы находим имена священнослужителей. Так в г. Суздале избирается гласным городской Думы протоиерей Богородице-Рождественского собора Михаил Иванович Херасков – благочинный церквей и приходов Суздаля [87]. Свою общественную и гражданскую позицию протоиерей Михаил Херасков выражал на страницах местной периодической печати [88]. Лица духовного сословия оказывали благотворное воздействие не только в качестве гласных представительных органов, но в своем непосредственном и прямом священническом служении. В деятельности городских дум и управ гласные из лиц духовного сословия прежде всего поддерживали социально-значимые проекты, способствующие социальному миру в российском обществе, поддерживающие социально – незащищенных горожан. Так в г. Шуе по инициативе уездного исправника С. П. Гессе и председателя съезда мировых судей Д. К. Бальмонта 29 мая 1880 г. на пожертвования был открыт дом для нищих. Общая стоимость вместительного одноэтажного, крытого железом дома, составила около 5 тысяч рублей серебром.

Следует отметить, что влияние Церкви в органах городского общественного управления было возможно не только благодаря непосредственному участию священнослужителей в деятельности ее органов – городских дум и управ, но и позиции церковных старост, избиравшихся в состав гласных и часто занимавших место городского головы. Так во Владимире около 20 лет городской головой являлся потомственный купец 1-й гильдии Андрей Никитич Никитин, являвшийся старостой Борисоглебской церкви и Дмитриевского собора. На украшение и благоустройство этих храмов он внес большие суммы из личных средств.

На территории Владимирской губернии городские думы действовали на началах Городового Положения 1892 г. 24 года с 1892 по 1917 г. в 6 созывах по 4 года. Городовое Положение 1892 г., учитывающее опыт

реализации правовых норм, заложенных предыдущими законодательными актами, затруднило возможность избрании духовенства в состав гласных городских дум. Тем не менее были найдены формы, позволявшие Церкви оказывать свое позитивное воздействие на решения, принимаемые городскими думами и зачастую непосредственно затрагивавшими интересы Церкви в области образования, благотворительности и т.д. В наше время ценнейший опыт российских реформ второй половины XIX века может и должен быть востребован, включая сферу церковно-общественных и церковно-государственных отношений.

18. Духовное просвещение и средства массовой информации во Владимирской епархии. Система духовного образования создается в XVIII веке. В этот период были открыты Духовные школы в Суздале (1723г.), во Владимире (1770 г.), Вязниках (1791 г.), Муроме (1781г.) и Юрьеве-Польском (1792 г.).

Духовный Регламент вменял архиереям в обязанность заботиться о духовном просвещении и учреждении семинарий. Назначенный на Владимирскую кафедру епископ Платон (Петрункевич) решает вопрос об открытии в центре епархии Духовной семинарии. К началу 1750 г. Владимирская духовная семинария была открыта. В 1788 году епархии Суздальская, Переславская и Владимирская объединяются в одну с центром в Суздале. С этим связано объединение трех семинарий – Суздальской, Владимирской и Переславской. Вместе с перемещением кафедры епархиального архиерея в Суздаль туда же переведена была и духовная семинария. Во Владимире остались только низшие духовные училища.

В 1790 году епископ Виктор (Онисимов) открывает духовное училище в здании бывшей Владимирской семинарии. Содержание учащихся обеспечивалось родительскими взносами. В 1798 году в связи с возвращением кафедры епархиального архиерея во Владимир была возвращена и духовная семинария. К этому времени в ней насчитывалось 1012 человек. В течение XVIII столетия происходит становление семинарии, решаются вопросы учебно-воспитательной деятельности и содержания системы духовного образования. Важное значение имеет Указ от 1764 года о прекращении епархиальных хлебных и денежных сборов и о содержании семинарии на особых штатных окладах. В 1785 году в семинарии открывается направление высшей школы – богословский класс для подготовки будущих преподавателей. Была создана семинарская библиотека.

В начале XIX века во Владимирской духовной семинарии число учащихся превышало полторы тысячи человек. Начинается строительство нового семинарского корпуса, который был освящен 15 июля 1808

года. Большой вклад в развитие духовного образования внёс епископ Ксенофонт (Троепольской), находившийся на Владимирской кафедре с 1800–1821 гг. В 1808–1814 году был разработан план реформы духовного образования при участии выпускника Владимирской духовной семинарии М. М. Сперанского. Согласно этому проекту при Святейшем Синоде была создана Комиссии духовных училищ как особый орган для заведования духовными школами. Низшие классы семинарии были преобразованы в духовные училища, а сами семинарии подчинены близлежащим духовным академиям. В 1814 году эта реформа коснулась и Владимирской духовной семинарии.

В 1839–40 гг. изменился учебный план семинарии, в который ввели новые предметы практического плана. В семинарии стали преподаваться сельское хозяйство, медицина и геодезия. В ходе реформ императора Александра II сложилась административно-учебное устройство духовного образования, которое с некоторыми исправлениями в 1884 году существовало до революционных потрясений 1917 года.

В 1863 году во время управления Владимирской епархией святителем Феофаном (Говоровым) во Владимирской духовной семинарии было открыто общежитие на 150 мест для учащихся. Численность учащихся Владимирской духовной семинарии в период между 1900 и 1917 годом составляла около 700 человек. Так в 1901 году в семинарии обучалось 605 воспитанников, было 23 преподавателя, в фундаментальная библиотека насчитывала свыше 11500 названий книг, ученическая – до 5000.

На протяжении всей своей истории (1750–1917 гг.) Владимирская духовная семинария играла большую роль в жизни епархии. Многие из ее воспитанников (М. М. Сперанский – государственный деятель, К. Н. Тихомиров – археолог и историк, В. И. Доброхотов и Я. Е. Протопопов – историки-краеведы и др.) достигли высоких ступеней в церковной и гражданской деятельности [89].

На территории Владимирской губернии располагались образовательные учреждения различного типа – государственные, земские, частные и церковные школы [90]. По данным за 1887 год в губернии существовали 2 мужские гимназии (451 учащийся), 2 реальных училища (219 учеников), 1 духовная семинария (639 семинаристов), 6 духовных училищ (1004 учащихся), 3 женских гимназии (575 учащихся), 3 женских прогимназии (357 учащихся), епархиальное женское училище (297 учащихся), 2 технических и ремесленных заведения. В 1889 году насчитывалось 258 церковноприходских школ с 5364 учащимися. Были открыты 93 школы грамотности с 1040 обучающимися.

Приходские школы занимали достойное место в системе образования Владимирского края. При епископе Феогносте (Лебедеве) принимались активные меры по распространению духовно-нравственного просвещения. 16 ноября 1879 г. по его инициативе было учреждено братство во имя великого князя Александра Невского, имевшее около 30 миссионерских отделений. В этот период в епархии проводились внебогослужебные собеседования и духовно-нравственные чтения, организовывались приходские библиотеки. Братство заботилось о распространении церковноприходских школ и школ грамоты, до 1917 г. оно открыло 258 церковноприходских школ. Помимо школ иконописи в слободах Холуй и Мстёре братство учредило училище церковного пения (1883), курсы церковного чтения и пения (1887), Епархиальную библиотеку, насчитывавшую до 22 тыс. книг, центральный иконно-книжный склад со 119 отделениями в разных местах епархии, школу пчеловодства. В 1886 г. во Владимире при Александро-Невском братстве в Богородице-Рождественском монастыре открылся церковный музей – Древлехранилище, в котором находились рукописи, старопечатные книги, иконы и памятники лицевого шитья XVI-XVII вв., полученные из церквей и монастырей епархии. В XX столетии музейная коллекция церковного Древлехранилища составила основу коллекции Владимиро-Суздальского музея.

С 1879 г. братство организовывало публичные религиозно-нравственные чтения и внебогослужебные собеседования по всей епархии, большое внимание на них уделялось противодействию распространения старообрядчества и сектантства. Большое внимание уделялось вопросам здорового образа жизни и народной трезвости. 2 октября 1916 г. был открыт специализированный музей трезвости. При обществе действовала «трезвенническая» библиотека и распространялись «листки трезвости». К 1 января 1915 г. во Владимирской епархии существовало 35 приходских обществ трезвости. Против пьянства боролись также кружки «ревнителей Православия» при приходских храмах.

Во Владимирской епархии существовали многочисленные просветительские организации, занимавшиеся делом народного просвещения и развития культуры. 24 мая 1870 г. во Владимире начал работу епархиальный комитет православного Миссионерского общества. Делу духовно-нравственного просвещения служил епархиальный отдел императорского Палестинского православного общества (ИППО), открывшийся 9 апреля 1895 г. Им организовывались просветительские чтения по ознакомлению с историей и культурой Владимирского края. При

непосредственном участии архиепископа Алексия (Дородницына) в сентябре 1916 г. начало работу владимирское отделение Общества восстановления художественной Руси, занимавшееся популяризацией памятников русской старины и возрождением национальных ремесел. Общество участвовало в устроении при епархиальном женском училище учебно-показательных мастерских вышивки и плетения кружев.

Среди владимирского педагогического наследия XIX века имеются имена, открытые в наше время. К их числу относится имя протоиерея Михаила Ивановича Хераскова (1836–1901) [91]. С 1878 по 1888годы он был ректором духовной семинарии, а затем на протяжении 23 лет служил инспектором женского духовного училища. Достаточно долго преподавал во Владимирской мужской гимназии, был воспитателем в пансионе при этой гимназии. Все это позволило М. И. Хераскову создать оригинальную систему духовно-нравственного воспитания. Огромную роль Херасков придавал самовоспитанию учащихся и их включению в жизнь христианского сообщества. Результаты, которых добился протоиерей Херасков и его коллеги, были очевидны: сотни воспитанников Владимирской духовной семинарии, женского епархиального училища посвятили себя по окончании учебы бескорыстному служению народу, Отечеству [92].

Церковная журналистика XIX века стала новым явлением церковно-общественной жизни в России. Яркую страницу в ее становлении и развитии сыграли периодические издания Владимирской епархии. Прежде всего, речь идет о газете «Владимирские епархиальные ведомости». Впервые в свет в свет «Епархиальные ведомости» вышли в свет в 1860 году в Ярославской епархии. К началу XX столетия они издавались фактически в каждой епархии. Исключениями являлись только Туркестанская и Финляндская епархии [93].

В 1865 году в свет вышел первый номер газеты «Владимирские епархиальные ведомости». Первыми редакторами газеты были священники А. Сервицкий и К. Надеждин. Газета выходила в свет два раза в месяц. В год издавалось 24 номера [94]. В 1860-х гг. редакторами газеты были архимандрит Павел и А. Сервицкий; в 70-х гг. – Н. Беляев, в 70–80 гг. – В. М. Орлов; в 80-х гг. XIX века Н. Беляев.

Содержание издания определялось особой программой, утвержденной Святейшим синодом, и предполагавшей 2 части: официальную и неофициальную. В первой части печатались распоряжения духовного и гражданского начальства, а также информация к сведению священно- и

церковнослужителей Владимирской епархии. Во второй – публиковались материалы богословского характера, проповеди, церковно-исторические исследования, освещались крупнейшие события церковной жизни. По страницам «Владимирских епархиальных ведомостей» можно последовательно проследить жизнь епархии и судьбу священнослужителей и выпускников семинарии. Важное значение имели материалы церковно-исторического и краеведческого характера.

Газета и сегодня является ценным историческим источником по истории Владимирской епархии, дающим возможность полновесно и всесторонне оценить различные стороны церковно-общественной жизни второй половины XIX и первой четверти XX вв. [95].

Заключение

История Владимирского края неразрывно связана с историей Церкви. В зримых архитектурных образах, в названиях улиц и площадей, в планировке городов Владимирской области выражается представление человека о месте своего жительства и в свою очередь сами исторические наименования и архитектурные сооружения являются свидетельствами «воцерковленности» Владимирской земли, глубокой православной веры наших предков. Составляющими *исторического культурного ландшафта* Владимирского края, сложившегося к середине XIX века, является совокупность уникальных исторических территорий [96]. Культурное и природное наследие составляет единый, взаимосвязанный комплекс, который имеет глубокое образовательное, личностно-формирующее значение. Характеристика жителей Владимирского края, кроме социально-экономических, психологических и бытовых черт, включает в себя определения, связанные с историко-архитектурной, культурно-этнографической спецификой территории.

Во Владимирской области имеются различные типы уникальных исторических территорий:

– *монастыри (монастырские комплексы)* – Боголюбовский, Стефано-Махрищский, Благовещенский (Киржач), Лукианова пустынь, Смоленская Зосимова пустынь, Троице-Никольский (Гороховец), Успенский (Александров), Спас-Преображенский и Троицкий (Муром), Космин (Небылое) и т.д.;

– *малые города* (Суздаль, Гороховец, Вязники и т.д.);

– *исторические села и деревни* (сс. Кидекша и Весь Суздальского р-на, с. Сима Юрьев-Польского р-на и т.д.);

– *сельские и городские усадьбы* (в список памятников истории и культуры Владимирской области внесено 38 усадебных ансамблей [97] – имение Воронцовых-Дашковых в с. Андреевском Петушинского р-на, имение Храповицких в пос. Муромцево Судогодского р-на и т.д.;

– *исторические центры городов* – Владимир, Муром и т.д.;

– *древние исторические пути* – Стромынка, Владимирка и т.д.;

– *природные охраняемые территории* – Боголюбовский луг и т.д.

Духовным центром края является город Владимир, основанный святым равноапостольным князем Владимиром – Крестителем Руси и Залесского края, как город христианский, несет в себе идею освящения края светом веры. С X до середины XVIII веков города Владимирского края развивались в соответствии с нормами и традициями византийского и древнерусского градостроительства – "Закон градский" (Прохирон). Планировку древнерусского города обусловливали принципы – центричности (город всегда центричен) и "прозрачности", т. е. включенности зданий и архитектурных ансамблей в окружающий ландшафт.

Со второй половины XVIII века осуществляется перепланировка городов в соответствие с принципами западно-европейского "регулярного" строительства, сочетающимися с древними традициями градостроительства. Для Владимирского края характерна удивительная насыщенность пространства памятниками истории и православной культуры. В каталог памятников (археологии, архитектуры, искусства и т.д.) включены сведения о 3439 памятниках [98]. История становления и развития Владимирской земли и города Владимира неразрывно связана с эмблемами, характеризующими край, город и его жителей. Духовное содержание культурно-исторического пространства Владимирского края в наиболее сжатой и краткой форме выражает эмблематика – совокупность символов и эмблем.

К числу важнейших символов Владимирского края относятся чудотворные иконы:

- *образ Владимирской Божией Матери*(XII в.) – икона византийских мастеров, главный палладиум России, перенесена из Киева во Владимир князем Андреем Боголюбским, в настоящее время находится в Москве (с 1395 г.);
- *образ Боголюбской Божией Матери* (XII в.) – икона русских мастеров, написана по указанию князя Андрея Боголюбского как знак Покрова Богоматери Владимирской земле, первая русская икона, в настоящее время находится в Успенском соборе Княгинина монастыря г. Владимира;

• *образ Максимовской Божией Матери* (1299 г.) – написана по указанию митрополита Максима в связи с перенесением кафедры Митрополита из Киева во Владимир, находится в экспозиции Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

К официальным символам Владимирского края относятся гербы и флаги Владимирской области и городов края. Герб и флаг – символы древнего города на Клязьме являются не только данью исторических традиций, но, сохраняя культурную и духовную преемственность поколений, отвечают на вопросы современников – « Кто я? И куда я иду?». Особое значение среди этих символов имеет изображение льва. Владимир, основанный Святым равноапостольным князем Владимиром Святославичем в 990 году как центр христианской миссии в северо-восточной Залесской Руси, органично связан с христианскими цивилизациями Востока, миром Библии. Лев является символом одного из колен Израиля – колена Иуды (Быт.,49,8 ; Чис.,24,9 ; Откр.,5,5). Из племени Иуды был избран царем Давид. Мессианские ожидания были, согласно ветхозаветным пророчествам, связаны с потомками царского дома Давида. Лев – это символ Мессии. В гербе Владимира отражаются два основных значения этого символа: лев – образ царственной власти и крест – символ христианства и спасительной жертвы Мессии. Владимирская эмблематика свидетельствует, что в XXI век Владимирский край входит, сохраняя культурную и духовную идентичность, преемственность поколений.

Библиография

1. Варфоломей (Минин С.Н.) иеромонах. Церковно-историческое краеведение во Владимирской области: традиции и современность // Пятые всероссийские краеведческие чтения. (Москва-Владимир, 27–28 мая 2011 г.). – М., 2012. С. 330–337.

2. Преп. Ефросиния Суздальская, † 1250 г.; Святитель Афанасий Ковровский,†1962 г.

3. Преп. Илия Муромей; Св. благоверный князь Андрей Боголюбский; Св. благоверный князь Георгий; Св. благоверный князь Александр Невский и др.

4. Свв. благоверные князь Петр и княгиня Феврония.

5. Св. праведная Иулиания Лазаревская.

6. Святитель Симон, †1226 г.; Святитель Серапион, † 1275г.; Святитель Феофан Затворник, †1894 г.

7. Минин С., свящ. Очерки по истории Владимирской епархии. (X-XX вв.). – Владимир, 2004.

8. Владимирская и Суздальская епархия РПЦ. – http://www.pravenc.ru/-text/154964.html

9. Валентин епископ. Исторический очерк Владимиро-Суздальской земли. – Владимир, 1988. – С. 4.

10. *Татищев В. Н.* История Российская. – М.-Л., 1963. – Т. II. – С. 57.

11. Летопись принадлежала митрополиту Ростовскому Димитрию (1705 г.), далее купцу П. В. Хлебникову (1800–1865 гг.), после своей пропажи в XIX веке дошла до нас в отрывках краеведа А. А. Титова. (Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. – М., 1885.

12. Ежегодник. – Изд. Влад. губ. стат. комитета. – Т. I. – Вып. I. – С. 228.

13. К вопросу о дате основания г. Владимир. – Владимир, 1992. – С. 5.

14. Археологическая карта России. Владимирская область. – М., 1995. – С. 55.

15. История Владимирского края с древнейших времен до конца XVII века.– Владимир, 1998. – С. 47–48.

16. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии.

17. *Сизов Е. С.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятника письменности XVI в. // ТОДРЛ. – М., Л., 1966. – Т. 22. – С. 275–276.

18. История Владимирского края с древнейших времен до конца XVII века. – Владимир, 1998. – С. 39.

19. *Федоров Ананий.* Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // ВОИДР. Кн. 22. Отд. материалы. – С. 32–34, 191–196;

20. ПСРЛ, 1962. – Т. I, ст. 457.

21. Там же. Ст. 512.

22. Памятники литературы древней Руси. XII век. – М., 1980. – С. 482

23. *Минин Сергий диакон.* Под Покровом Божией Матери // Наш современник. – 1993. – № 12. – С. 244–246.

24. Патерик Владимирского Богородице-Рождественского монастыря. – Владимир, 2000. – С. 7–17.

25. *Назаренко А. В.* Андрей Юрьевич Боголюбский // Православная энциклопедия. – М., 2001. – Т. II. – С. 393.

26. http://nesusvet.narod.ru/ico/books/vladimirskaya.htm

27. См. по вопросу отношений княжеской власти и местного боярства: Кривошеев Ю. В. Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование. – СПб., 2003. – С. 20–28.

28. Интернет-ресурс «Изборник», http://litopys.narod.ru/lavrlet/lavr18.htm.

29. Православная энциклопедия. – Т. II. – М., 2001. – С. 396.

30. *Варфоломей (Минин) иеромонах.* Утрате не подлежит //Легенды Владимирского края. – Владимир, 2014. – С. 4.

31. ПСЛР. – М., 2001. – Т. 1. Стб. 438.

32. *Маштафаров А. В.* Владимирская и Суздальская епархия РПЦ // Православная энциклопедия. – Т. IX. – М., 2005. – С. 38.

33. Патерик Владимирского Богородице-Рождественского монастыря. – Владимир, 2000. – С. 26–27.

34. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып I (XI – первая половинаXIV в.) – Л., 1987. – С. 392–396.

35. Монастыри на Руси появились в середине XI в. В Залесской Руси древнейшими монастырями были Муромский Спасо-Преображенский монастырь (с 1096 г.), Боголюбовский монастырь (1158 г.), Богородице-Рождественский

(1191 г), Феодоровский и Успенский Княгинин (1200 г.) монастыри во Владимире, Дмитриевский, Козьмодемьянский и Ризоположенский монастыри в Суздале. В первой трети XIII в. во Владимиро-Суздальском княжестве насчитывалось 23 монастыря.

36. Во многих исследованиях не учитывается, что под именем Святителя Симона в исторических источниках упоминается как Святитель Симон I – епископ Суздальский и Ростовский, живший в начале XII в. и бывший третьим или (по другим летописцам) пятым епископом Ростовской области, так и Святитель Симон II Владимирский. Тело Симона I в почивает в киевских пещерах; Симон II погребен во Владимирском Успенском соборе. Архиепископ Сергий в брошюре «Св. Симон, епископ владимирский и суздальский» (Владимир, 1899) устанавливает существование Святителя Симона I и Симона II. Он делает предположение, что празднование 10 мая памяти Святителя Симона установлено в Киеве первоначально в честь Симона первого (суздальского), почивающего в Печерской лавре. В дальнейшем (не позднее XVII в.) на основании Киево-Печерского патерика или послания Симона II Поликарпу (в Патерике) сложилось представление, что почивающий в Киево-Печерской лавре и есть Симон Владимирский.

37. *Войнаков В. протоиерей.* Успенский собор во Владимире. – М., 1995. – С. 20.

38. По одними данным, Святителем Феогностом в 1345 г. Владыка Алексий был рукоположен во епископы Владимирские. В 1348 г., по смерти митрополита Феогноста, он отправляется в Константинополь для посвящения в митрополиты. В 1354 г. Святитель Алексий возводится в этот сан. По мнению Митрополита Макария (Булгакова) это событие произошло 6 декабря 1352 г.

39. См.: Энциклопедия Брокгауза и Эфрона; Макарий (Булгаков) Митрополит. История Русской Церкви. Кн.3. – М., 1995. – С.32–49.

40. Большая советская энциклопедия указывает датой рождения 13 мая 1221. По мнению В. Н. Татищева – это суббота, 30 мая 1220 года. По мнению В. А. Кучкина 13 мая 1221 года См.: *Кучкин В. А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. – 1986. – № 2. – С. 174–176.

41. *Кривошеев Ю. В.* Александр Невский. Эпоха и память: ист. очерки. – СПб., 2009.

42. Патерик Владимирского Богородице-Рождественского монастыря. – Владимир, 2000.

43. *Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. – М., 1893. – С. 197.

44. Солнце земли Русской: (к 780-летию великого князя Владимирского Александра Невского) : методико-библиографические материалы. – Владимир, 2000.

45. Александр Невский. По материалам городского краеведческого конкурса «Знай и люби родной Владимир», посвященного 780-летию со дня рождения великого князя Владимирского Александра Невского – Владимир, 2003.

46. Устремленный в вечность. Патерик Свято-Успенского кафедрального собора града Владимир. – Владимир, 2008.

47. *Тимофеева Т. П.* Город Владимир – столица Великого Владимирского княжения (XIV в.) // Владимир: история и современность : материалы восьмой городской краеведческой конференции. – Владимир, 2013. – С. 35.

48. Успенский Княгинин монастырь во Владимире. – М., 1995.

49. *Сперанский М. А. свящ.* Древние гробницы Георгиевской церкви в губ. г. Владимире // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. IV Владимир, 1902. С.1–18 ; *Миловский Н. М. свящ.* К статье свящ. М. А. Сперанского «Древние гробницы Георгиевской церкви в губ. г. Владимире» // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. VI – Владимир, 1904. С. 157–160.

50. *Майоров М.* Археологи обнаружили саркофаг великого князя Александра Невского // Молва. – 1997. – 13 сент.

51. *Трофимов А. Н.* Новые концепции в современном храмостроительстве // Свет Невечерний. – 2001. – № 1. – С. 30.

52. *Борисов Н.* Преподобный Сергий Радонежский и духовные традиции Владимиро-Суздальской Руси // Журн. Московской Патриархии. – 1992. – № 11–12. – С. 48–49.

53. *Лещинский А.* Преподобный Сергий и святые места России // Журн. Московской Патриархии. – 1992. – № 10. – С.24.

54. *Борисов Н. С.* И свеча бы не угасла. – М., 1990. – С. 101–107.

55. История Владимирского края с древнейших времен до конца XVIII века. – Владимир, 1998. – С. 100–101.

56. *Аверьянов К. А.* Преподобный Сергий Радонежский и Владимирский край // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран. Материалы I Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 25–26 мая 2009 г. – Владимир, 2009.

57. *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое описание города Киржача Владимирской губернии в связи с церковно-археологическим обзором священных достопамятностей этого края со времени святого преподобного Сергия Радонежского чудотворца, и его ученика Романа Киржачского. – М. 1884.

58. Житие преподобного Романа, ученика преподобного Сергия, игумена Благовещенского Киржачского монастыря. – М.,1997.

59. ПСРЛ,Т.XVIII. – Симеоновская летопись. – СПб., 1913. – С. 102–103.

60. *Цыпин Владислав протоиерей.* Преподобный Сергий Радонежский и русское монашество // Журнал Московской Патриархии. – 1993. – № 7. – С. 53–54.

61. Древние святыни города Юрьев-Польского. – М., 2002. – С. 10.

62. «Рубель» – инструмент для накатки кож. Существует и иной вариант происхождения личного прозвища от древнерусского слова «рубель», которым обозначали длинную жердь, прижимающую погруженную на воз солому (сено, хлеб в снопах) и стягиваемую через концевые зарубки канатом.

63. *Лазарев В. Н.* Андрей Рублёв и его школа. – М., 1966.

64. *Руди Т. Р.* Повесть о Иулиании Осорьиной // ТОРДЛИ. – М. – Т. 41.

65. *Трофимов А.* Святые жены Руси. – М., 1994. – С. 121.

66. *Ключевский В. О.* Добрые люди древней Руси // Богословский Вестник. – 1892. – № 1.

67. *Скрипиль М. О.* Повесть о Иулиании Осорьиной. (Комментарии и тексты) // ТОРДЛИ. – Т. 6. – М.-Л., 1948.

68. *Макарий (Веретенников) архимандрит.* Московский митрополит Макарий и его время. – М., 1996. – С. 29–30.

69. *Трофимов А.* Святые жены Руси.– М., 1994. – С. 122.

70. *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». – М., 1981. – С. 142–145 .

71. *Масса И.* Краткое известие о Московии // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003. – С. 126.

72. Житие святой Иулиании Лазаревской // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. Первая. – М., 1989.

73. Труды и странствования смиренного Арсения, архиеп. Элассонского, и повествование об установлении Московского патриаршества // БТ. – 1968, сб. 4.

74. *Валентин епископ.* Исторический очерк Владимиро-Суздальской земли. – Владимир, 1988. – С. 15

75. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. – М., 2003. – С. 16.

76. *Архиепископ М.и В. Иосиф (Волчанский)*. С 1.09.1745 г. по 10.06.1745 г.; Архиепископ М. и В. Платон (Малиновский) с 10.06.1745 по 14.04.1748 г. [Макарий (Булгаков) Митрополит. История Русской Церкви. Кн.8.Ч.1. – М., 1996. – С. 716].

77. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч.1. – М., 1996. – С. 662.

78. *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв. – Казань, 1897. – Т. 2. – С. 369, 384–385, 569, 583, 849.

79. ПСЗ. 1 собрание. – СПб., 1830. Т. 25. № 19156. – С. 813, 820.

80. *Тимофеева Т. П.* Реставрация Успенского собора в 1888–1891 годах // Материалы исследований ВСМЗ. – Владимир, 2005. – С. 94–101.

81. ГАВО. – Ф. 593. – Оп. 1. – Д. 43, л. 45.

82. *Виноградов А. И.* История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. – Владимир, 1905. – С. 106.

83. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1892, – Т. Via. – С. 634.

84. *Цыпин В. протоиерей.* Церковное право. – М., 1994. – С. 304.

85. Несколько слов о новой реформе в духовенстве, по закону 16 апреля 1869 года // Владимирские епархиальные ведомости. – 1870. – № 1. – С. 39.

86. ГАВО, ф. 14, оп. 3, д. 2389, л. 58.

87. *Горбатова Г.* Благочинный протоиерей Михаил Херасков // Православный Суздаль. – № 8(10). – 1999. – С. 4.

88. *Херасков М. прот.* Мысли пастыря Церкви о современном построении общества (по случаю тезоименитства Гос. Императора Александра III) // Владимирские епархиальные ведомости. – 1881. – № 20. – С. 599–614 .

89. *Малицкий Н. В.* Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии 1750–1900. (История Владимирской духовной семинарии. Вып. 3) – М., 1902. II.

90. *Косаткин В. В.* Исторический очерк народного образования в городе Владимире и его области // Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии. Кн. III. – Владимир, 1901.

91. *Коскина В. Н.* Исправь в себе прегрешение. Педагогическая система М. И. Хераскова. – Владимир, 2001. – 48 с.

92. *Коскина В. Н.* Исправь в себе прегрешение. Педагогическая система М. И. Хераскова. – Владимир, 2001. – С. 42–45.

93. *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). – М., 1991. – С. 1920.

94. Алфавитный указатель распоряжений и известий духовного и гражданского начальства, помещенных в официальной части Владимирских епархиальных ведомостей за 15 лет их издания 1865–1879 г. Составил В.Экземплярский. – Владимир, 1881.

95. *Экземплярский В.* Алфавитный указатель официальной части за 15 лет 1865–1879 гг. – Владимир, 1881 ; *Извольский С.* Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части за 16 лет 1865–1880 гг. – Владимир, 1882.

96. *Лучкова В. И.* Эталонный русский ландшафт// Памятники истории и культуры. – Вып. 3. – Ярославль, 1988. – С. 109–113.

97. Памятники истории и культуры Владимирской области. Каталог. – Владимир, 1996. – С. 7.

98. Памятники истории и культуры Владимирской области. – Владимир, 1996. – С. 3.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Владимирское старообрядчество

1. Истоки церковного раскола на Владимирской земле. Основной причиной возникновения старообрядчества в России следует считать социальные противоречия начала XVII века, которые разделили традицию «русского благочестия» на «официальное православие» и «раскольников» («старообрядчество»). Непосредственной причиной церковного раскола послужили геополитическое противостояние Московского княжества, усилившегося после распада «Золотой Орды» и осознавшего себя «Третьим Римом», с Речью Посполитой и Оттоманской империей, учреждение Московского патриархата, отметившего свое превосходство как «сияющего благочестия» над «греками», «латинами» и «лютерами» (протестантами). Царь Алексей Михайлович надеялся завоевать Константинополь, реставрировав «правоверную империю», положив начало многовековым попыткам реализовать амбициозный «греческий проект». Он собрал вокруг себя кружок «ревнителей благочестия», в который вошли наиболее образованные люди той эпохи, включая будущего патриарха Никона и лидера «раскола» Аввакума. Выходец из нижегородских земель, соседних с Владимиром, Никон, титул которого с 1652 года звучал как «патриарх Московский и всея Руси, Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя России и всеа северныя страны и помориа и многих государств Патриарх» (1605–1681), начал унификацию русских и греческих церковных обычаев. Тех, кто последовал за Никоном, в народе стали называть «никонианами», или «новообрядцами», а тех, кто продолжал отстаивать «традицию отцов», последователи Никона стали прозывать оскорбительной кличкой «раскольники».

Не обошла стороной эта борьба и территорию современной Владимирской области, которую по праву можно отнести к одному из мест, где формировалось старообрядчество. Сам легендарный лидер старой веры – протопоп Аввакум – начинал свою проповедь в годы священнического служения рядом – в Юрьевце на Волге в середине 50-х годов XVII века [1,83].

В «Винограде Российском» Семена Денисова названы старообрядческие учителя, выходцы из Владимирщины: Никита Добрынин из

Суздаля и Капитон из Вязников, учение которого связывают еще с дораскольническими сектантскими движениями. В состав кружка ревнителей богочестия, сложившегося за несколько лет до начала раскола, входили еще два видных представителя Владимирского края – настоятель Богородице-Рождественского собора в Суздале Никита Добрынин и священник Логгин (оба уроженцы г. Мурома). Они приняли участие в начатой по решению патриарха Иосифа «правке» богослужебных книг, которая, вскоре застопорилась из-за споров среди ее участников о методах и направлениях деятельности.

Участники «правки церковных книг», возвращаясь в свои города, были враждебно встречены местной властью. Так в Суздале, епископ Стефан отстранил вернувшегося после правки из Москвы Никиту Добрынина от должности. А после того как Никита вместе с протопопом Аввакумом (одним из видных деятелей раскола), написал челобитную царю Алексею Михайловичу, он подвергся еще более жестокому наказанию – заключению в темницу [2].

После того, как власти заточили протопопа Аввакума в тюрьму, раскольников фактически возглавил Добрынин, получивший позднее оскорбительное прозвище «Пустосвят» за то, что не смирился с лишением сана и продолжал совершать священнодействия. В отличие от искреннего и эмоционального Аввакума, последовательно отстаивавшего свои убеждения, Добрынин не был единогласно признанным лидером раскола. Зачастую он проявлял непоследовательность, шел на компромиссы с властями, отрекаясь от идей раскола. Однако, выходя на свободу, он вновь брался за старое. Именно Добрынин возглавлял оппозицию во время знаменитых «Прений о вере» 26 мая 1682 года в Грановитой палате Московского Кремля [3,95], которые закончились прямым столкновением Добрынина и его сторонников с никонианами. Добрынин был и казнен на Лобном месте. Впоследствии его останки с места казни были выкрадены раскольниками и захоронены в г. Гжатске (ныне – г. Гагарин Смоленской обл.). Следует отметить, что именно в Суздале на первом этапе раскола у Добрынина было немало последователей, но благодаря энергичной противораскольничей деятельности властей, впоследствии их влияние на религиозную жизнь города было подавлено.

Упоминание о раскольниках на Владимирской земле в литературе, впервые появляется летом 1666 г., когда старец Борисоглебского монастыря под Вязниками Серапион написал «извет» царю Алексею Михайловичу Романову. В нем он писал: «...от тех богомерзких пустынников и лживых учителей... и твоему царскому величеству хула идет

вечная... исходит в мир такое учение: не велят жениться ни мужем с женами жити, ни попов в дом пущати ни церквам божиим не велят ходити, ни причащаться святых» [4,24].

Вязниковский край по праву можно считать одним из старообрядческих центров, располагавшихся на Владимирской земле. Ещё до раскола Вязниковская слобода представляла собой крупный религиозный центр, где с 1622 года находилась чудотворная икона Казанской Божией матери, совершившая, согласно преданию, около 300 исцелений.

Архиепископ Нижегородский и Алаторский Питирим писал кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову о Вязниковской слободе, «..что возле города Ярополча в расколе подобна Керженцу» [5,17]. В Вязниках располагалось два монастыря, один из которых (Благовещенский, основанный самим царем Михаилом Федоровичем в 1664 году был мужской, а другой, основанный в 1629 году семейством бояр Милославских) – женский. В содержании этих монастырей помогали царь Алексей Михайлович, его духовник Стефан Внифантьев и Никон, тогда еще архимандрит Новоспасского монастыря, которые входили в высший круг известного кружка «ревнителей благочестия».

Настоятельница Введенского монастыря в Вязниках Игуменья Марфа, вскоре после возведения Никона в патриарший сан, предупрежденная духовником Стефаном Внифантьевым о предстоящих реформах, учила монахинь не ходить в «новую» церковь и не причащаться в ней. После смерти Марфы, последовавшей предположительно в начале, 1660-х гг., часть монахинь покинула вязниковскую обитель. Путь некоторых из них, как стало известно впоследствии, пролегал в заклязьменские леса, на озера Юхро и Кщара, места известные проповедью старца Капитона и его учеников.

Многие историки отмечают, что Муром по началу, также мог стать одним из центров раскола. Здесь основным действующим лицом был протопоп Логгин, которого русские и зарубежные историки называют среди главных ересиархов раскола и одним из его вожаков. Логгин входил в московский кружок староверов, к которому принадлежала и Феодосья Морозова. Староверы считали его одним из основных «справщиков» богослужебных книг, а справщиков в народе уважали, считали «самыми высшими мудрецами, богословами, законниками» [6,3]. Признание православия государственной религией предполагало, что любое несогласие с официальной точкой зрения на церковные реформы, должно квалифицироваться как тяжкое преступление, поэтому старообрядцы были подвержены не только гонениям, но и карательным мерам.

Правительство на протяжении всего периода гонений старобрядцев объявляло розыск бежавших раскольников, сотни из них были схвачены, осуждены и отправлены в ссылки или сожжены. Только на территории Вязниковского края было сожжено более 30 заклязьменских скитов, но полностью уничтожить лесное движение не удалось.

Ловить владимирских старообрядцев по лесам первоначально поручали московским стрельцам, их конные отряды направляли во Владимир, Суздаль, Вязники, Гороховец, Муром, Шую и т.д. В 1662–1663 гг. вязниковскими лесами заинтересовался Приказ Тайных дел. К сожалению, об этом первом розыске имеется самое смутное представление, так как его документы до наших дней не дошли. Зато хорошо сохранился корпус документов последующего сыска, проводившегося 1665–1666 гг. Поводом для него послужило убийство священника Введенского монастыря о. Василия Федорова, подавшего в 1665 г. митрополиту Павлу «извет» на проживающих в лесах людей.

В это время правительством уже принимались меры по борьбе с «раскольниками». Из Москвы на берега Клязьмы в 1665 году приехал боярин князь Иван Семенович Прозоровский, который возглавил особую следственную комиссию. С Прозоровским прибыл и отряд столичных стрельцов под командованием головы стрельцов, полковника Авраама Никитича Лопухина. Сначала действия этого отряда проходили в пустынных Чернеевских, Нижегородских, Костромских и Муромских лесах, в окрестностях Шуи, Гороховца, Мурома, Вязников и Костромы, где только с декабря 1665 до середины января 1666 годов выловлено около 100 человек, не принявших реформ Никона. Однако по мере усиления раскола, во время царствования Федора Алексеевича, действия отрядов Авраамия Лопухина и стрелецкого головы Артемона Матвеева, были перенесены из лесов в густонаселенные местности низовьев Оки и Клязьмы.

27 декабря 1665 года Лопухин с конным отрядом стрельцов окружил пустынь на озере Кщара. Начался настоящий штурм. Как сообщает Лопухин: «… И те государь люди из изб рогатинами и из луков стрелами и застрелили моево приказу пятидесятника Федьку Яковлева…». Далее Лопухин докладывает: «… все у них сожгли». Сколько человек было сожжено, неизвестно. По словам задержанного ранее пустынника Леонида, в этой обители могло быть «человек с 310 и больши». Задержанным оказался и старец Вавило Молодой, который по сообщению Лопухина сразу же «был пытан и клещами жжон и с пытки… ничево не говорил». 11 января Вавило по приказу Прозоровского за «неистовые, злохульные и страшные» речи был сожжен на площади в Вязниках [7, 5].

Троицкая старообрядческая церковь во Владимире

Старообрядческая церковь Успения Богородицы Владимира

Старообрядческая часовенка («столбик»), сохранившаяся в д. Выезд Гороховецкого района. Фото А.А.Шашкиной. 2016 год

Епископ уральский и оренбургский Арсений (Онисим Швецов)

Иван Александрович Шорин (1860–1918), крестьянин-предприниматель из д. Выезд Гороховецкого уезда

Сын И.А.Шорина – Михаил Иванович Шорин, управляющий котельно-судостроительным заводом

За Клязьмой, в одной из возникших в XVII веке лесных пустыней, в 1662–63 годах погиб известный в истории раскола Капитон Даниловский. Его учение, распространилось на Владимирский, Суздальский и Гороховецкий уезды еще до Никона, вступившего на патриарший престол в 1652 году. Следует отметить, что П. И. Мельников (Андрей Печерский) не считал Даниила истинным старообрядцем, так как еще до возникновения раскола при патриархе Никоне этот пустынножитель проповедовал, будто ни церковь, ни таинства не нужны для спасения. Для этого, по мнению Даниила достаточно одной молитвы и других личных подвигов богоугождения. В 50-х годах XVII века сторонники Капитоновского направления сразу же отреагировали на реформы Никона резко отрицательно и после Чумного бунта в Москве в 1654 году число поселившихся в скитах за Клязьмой сильно возросло.

2. География старообрядческих поселений. В 1677 году распоряжением царя Феодора Алексеевича большое число противников Никоновых новин из города Ярополча и села Вязников (Вязники), а так же Муромского уезда было выселено в глухие места. Они и составили деревни и села «новопоселенной» волости по реке Унже. Однако переселение не принесло ожидаемого результата: мещане и крестьяне не перешли на новый обряд. После переселения меленковские и вязниковские старообрядцы поддерживали между собой духовные и хозяйственные отношения. В результате этих переселений на владимирской земле образовался новый центр старообрядчества – Меленковский.

В 1729 году иеродиакон вязниковского Благовещенского монастыря Пахомий бежал в Меленковские леса, где основал мужской монастырь. Там же в окружении старообрядческих селений по реке Унже возникает женский монастырь, который возглавила черница Девора из рода Нарышкиных. К сожалению, монастыри эти, как и многие другие не сохранились до наших дней. В Шуйском уезде старообрядчество было известно уже со 2-й половины XVII в., там в верховьях р.Тезы «…у села Калбацкого в середине 50-х гг. основал свою пустынь старец Капитон» [1, 86]. Из Шуи происходил и известный керженецкий деятель раскола – поп Дионисий Шуйский – один из создателей поповского направления в старообрядчестве.

Позднее свою главную задачу власти стали видеть не в ликвидации раскола, а лишь в воспрепятствовании его дальнейшему распространению. Такое изменение государственной противораскольнической политики связано с именем митрополита Суздальского Иллариона (1631–1707), бывшего духовником Алексея Михайловича, Федора

Алексеевича, а затем и Петра I и оказавшего значительное влияние на государственные дела [8, 601].

Илларион сумел убедить государственную власть в том, что проблема «старых обрядов» не является чем-то второстепенным, что силовые меры против раскольников не могут принести желаемого эффекта, а только способствуют росту их популярности в народе. Кроме того, он пытался убедить, что высылка вождей раскола на окраины страны, где государственная власть была намного слабее, чем в столичных городах, делают эти места центрами старообрядчества. Илларион предлагал предоставить раскольникам ограниченную свободу, разрешив селиться неподалеку от Москвы, но при этом в зародыше пресекать бунты и распространение еретических идей. Ранее возникшие раскольничьи поселения, подобные вязниковским скитам, предполагалось сохранить, но при условии, что раскольники откажутся от богословских «мудрствований». Таким образом, воплощением замысла митрополита Иллариона стало создание полукольца старообрядческих сел, слобод и скитов, охватывавшее Москву: судогодские деревни и вязниковские скиты стали одним из важных его звеньев, соединявшим знаменитую подмосковную Гуслицкую волость с не менее знаменитыми Керженскими лесами под Нижним Новгородом

Помимо вязниковских скитов, в это же время (т.е. в 80-е гг. XVII в.) на Владимирской земле возникли старообрядческие поселения под Судогдой [9, 82], которые сохранились до нашего времени. Так, в деревне Зуево основным населением были старообрядцы, переселившиеся из Выговской пустыни и поддерживавшие с ней духовную связь. Это были потомки поморских раскольников – христиан-поморцев брачного согласия [10, 54].

В XVII в. еще одним центром проживания старообрядчества на территории Владимирской губернии становится Гороховецкий уезд. После раскола приверженцы старых обрядов, подвергавшиеся жестоким преследованиям, пытались бегством спастись от расправы Никона. И одним из таких укрытий для старообрядцев становились дремучие леса и бескрайние просторы Нижегородского края. В выгодном положении здесь оказались соседние мало заселенные Гороховецкие земли. Сюда и стали стекаться переселенцы из различных мест.

Но и в этих глухих лесах, староверов ждали преследования со стороны властей. Так, в делах тайного приказа находится «Сыск про Гороховецких богомолов», относящийся к 1673 году. По царскому указу в Гороховецкий уезд в январе 1673 года была послана военная команда.

Как только прошел слух среди населения о том, что «в Гороховец приехали стрельцы для богомолов и отьимать кресты», в уезде начали отмечаться случаи самосожжения. Сохранился документ о том, что: «Гороховецкого уезду Красносельской волости деревни Шубина крестьяне, собрався в ночи на овине ис пяти дворов мужески полу и женска двадцать шесть человек, сожглись до смерти». Оставшийся в живых, сын одного из погибших Лука, показал, что товарищи его отца «собрались на тот овин да и зажглись. А к церкви божий они ходили» [11].

3. Внутриконфессиональное разделение старообрядчества. Поскольку много лет старообрядцы вынуждены были скрываться от преследования властей, они не имели достаточного общения между своими группами, поэтому среди них образовалось несколько различных толков, или согласий.

В Гороховецком и Вязниковском уездах Владимирской губернии распространялись учение нетовского и поморского согласий. Не́товцы – одно из беспоповских направлений старообрядчества, возникшее в конце XVII века в среднем Поволжье. Основным отличием нетовцев от большинства старообрядческих толков явилось то, что, они считали православную церковь еретической, при переходе православного в нетовщину, они требуют не повторного крещения, а только произнесения семипоклонного начала и обещаний без их согласия «ни с кем не молиться и не сообщаться в пище, а также блюсти некоторые обычаи в молитве и одежде». Нетовцы не только принимают новых членов без повторного крещения, но и своих новорожденных крестят у православного священника. Это связано с тем, что нетовцы, не имея своих священников (так как беспоповцы), считают, что крещение должен совершать «какой бы ни был, но всё-таки поп, а не простой мужик». Хотя некоторые толки от крещения со временем стали отказываться. За принятие крещения от православного священника нетовцы подвергались резкой критике со стороны других старообрядческих толков [11].

Поморское согласие (или толк) – старообрядческая доктрина, возникшая вскоре после образования раскола среди населения Поморья, от которого она и получила свое название. Основные пункты Поморского согласия сложились под влиянием тех, условий, в которые было поставлено население Поморья. Разбросанные небольшими кучками, жители пустынного севера давно уже привыкли обходиться без иерархии, сами крестили младенцев, хоронили усопших и вступали в брачное сожитие без благословения священников, нередко сами же отправ-

ляли службы в часовнях. Это способствовало образованию первого основного пункта согласия, перенятого впоследствии и другими беспоповщинскими толками.

В тесной связи с ним возникло деление таинств на «нужно-потребные» для спасения (крещение, покаяние и причащение) и просто «потребные» (остальные четыре), без которых, однако, спасение возможно. Таинства могут быть совершаемы и мирянином (что было дозволено еще Аввакумом). С течением времени поморцам в леса стали стекаться раскольники из разных местностей. Наряду со всеми беспоповцами поморцы требуют от своих последователей полного разрыва с церковью и всех обращающихся к ним от церкви «греко-российской» перекрещивают. Отчужденность религиозная ведет к обособленности в гражданском отношении, идеал жизни поморцев – в прошлом, в строе XVI и XVIII в. Важное значение в истории поморской секты имеет учение о браке. Так как это таинство могут совершать только священники, а священников у поморцев нет, то сначала они совершенно отвергали супружество. Развившийся вследствие этого разврат побудил лучших из поморян подумать о какой-либо форме открытого и дозволенного брачного сожительства. Поморские настоятели не признавали этих браков законными, но оказывали им терпимость и крестили у них детей. Поповское согласие представляет собой наиболее древнюю и наиболее полную из систем беспоповщины; большинство остальных толков вышло из недр этого согласия [11, 375].

В целом в XVII–XIX веках в уездах Владимирской земли преобладали два основных течения старообрядцев – поповцы и безпоповцы. Безпоповцы считают, что в мире воцарился антихрист, и истинное священство исчезло после смерти последнего из священников, рукоположенного до реформ. Из их богослужения были исключены все элементы, которые полномочен выполнять только священник или дьякон. В организациях безпоповцев сложился институт мирян-наставников, выполняющих функции духовных отцов. Большинство безпоповцев полагают новообрядцев еретиками «первого чина», для приема которых в молитвенное общение требуется повторное крещение.

Поповцы полагают новообрядцев еретиками «второго чина», для приема которых в совместное моление достаточно миропомазания, но при условии, что крещен человек был погружательно. При этом у поповцев, как правило, сохраняется и духовный сан лица, переходящего в старообрядчество [12,97].

4. Владимирское старообрядчество в Новое время. В начале XVIII в., руководствуясь практическими интересами, правительство решает отказаться от жестокого преследования старообрядцев. Петр I впервые дал старообрядцам право гражданства, при условии открытой записи в раскол. Но по Указу 1716 г. за эту милость с лиц, придерживавшихся старых обрядов, налоги взыскивались в двойном размере: «с посадских лиц по 40 алтын (1 руб. 20 коп.), а с крестьян по 70 коп., а с лиц женского пола бралась половинная сумма»[12, 4].

Свидетельством применения закона о двойном окладе во Владимирской губернии служат дела, разбираемые Владимирской Духовной консисторией. Так, в 1735г. рассматривалось дело о недоимке разных сборов, в том числе и двойного оклада с раскольников [13,1]. В том же году разбирали дело о взыскании с находящихся в расколе «мужеска и женска пола разного звания людей двойного оклада»[14,1], в 1780 г. разбиралось дело о записи в двойной раскольничий оклад крестьянина Суздальского уезда Петра Федорова с семьей в связи с уходом из православия»[15], в 1779 г. рассматривались дела уже об отмене двойного оклада в связи с переходом из старообрядчества в православие крестьянина Киржачского уезда И. Изотова и крестьянина Павла Константинова с женой.

Позже, по указу 30 августа 1732 г. дополнительная подать с «записных раскольников» из купцов стала исчисляться не из размера подушной подати, а из величины их гильдейских окладов, определяемых внутримирской раскладкой общепосадского подушного оклада с учетом хозяйственной состоятельности тяглецов. При этом с женского пола плата взималась «против мужеских персон окладу в полы» [13, 5]. Кроме двойного оклада старообрядцев принудили носить иной, чем у остального населения, головной убор – его украшали рога. Плюс к этому в старообрядческой среде хранилась верность бороде (как символ образа Божьего в человеке), за что еще с 1705 года взимался дополнительный налог. Это нашло отражение в пословицах и поговорках, бытовавших во Владимирском крае: «без рубля бороды не отрастишь», «режь наши головы, но не тронь наши бороды» и т. п. [23, 61].

Сторонников старой веры лишали так же некоторых гражданских прав, предоставляемых посадскому населению: участия в выборах и права занимать выборные должности. Вспомогательным средством для выявления раскольников служил тот же указ 1716 года об обязательной для каждого исповеди. В случае отказа человек зачислялся в раскольники. Описи дел Владимирской Духовной консистории еже-

годно фиксируют отчеты настоятелей храмов о не пришедших на исповедь жителях сел и деревень [17]. О мерах против тайных раскольников рассказывает письмо нижегородского губернатора Ржевского Петру I: «...они же и указу твоему учинилися противны, и положеннаго окладу платить не хотят, и отреклись необратно и за то биты кнутом и вынуты ноздри, и посланы в каторжную работу» [18, 195].

С учреждением Синода все дела по расколу были переданы ему. Те, кто принадлежал к официальной церкви и был послушен ей во всем, но не использовал троеперстия, должны быть записаны в раскол. Двоеперстное сложение считалось столь опасным, в такой степени еретичным, что ни повиновение церкви, ни принятие всех церковных таинств не спасало двоеперстников от позорного клейма «раскольников». Повелевалось казнить раскольников за совращение хотя бы одного православного.

В 1725 г. была создана особая раскольничья контора, в которую перешли административно-полицейские дела. Духовный Регламент установил: «По всей России никого из раскольников не возводить на власти... до последнего управления, чтобы не вооружать нам на себя лютых неприятелей» [19, 704]. Указами же 1727 г. за то же самое решено было отсылать на галеры, в 1736 г. – отсылать в тяжелую горную работу. С 1745 г. раскольникам все же стали давать паспорта [13, 10].

Самым же громким делом первой половины XVIII в. был сыск 1736–1741 гг., затронувший весь Владимирский край [26, 19]. Главным лицом в этом деле стал уроженец Вязников Василий Васильевич Кореннов, происходивший из старообрядческой семьи, помнившей, судя по всему, ещё розыски Алексея Михайловича. Первоначально он промышлял мелочной торговлей, а затем в 1716–18 гг. служил приказчиком у вязниковского купца-старообрядца К. Морозова, который поддерживал связь с заонежскими старцами.

Двое из этих старцев, К.Максимов и П. Мстерский, постоянно бывали в Вязниках, проповедовали здесь свое учение. Благодаря им, в Вязниках утвердилась беспоповщина. Беспоповского направления в старообрядчестве придерживались ведущие вязниковские купеческие роды – Горшковы, Захаровские, Климовы, Кондаковы, Коряковцевы, Котельниковы, Малешины, Молодиковы, Наместовские, Слугины, Рукавшиниковы, Халевины, Хилковы. Проповедуя аскетизм, старообрядцы-купцы считали, что соблюдение религиозных норм своего согласия служит залогом богатства. В. Кореннов, желавший «за крест и за свою старую веру страдать в настоящее время гонимое», не разделял

их взгляда на Петра I как на антихриста, и с этого начались разногласия. Возможно, поэтому он в 1735 г. донес игумену Благовещенского монастыря Иосифу на местных старообрядцев. Так началось дело против староверов юго-восточной части Владимирского края, растянувшееся на 5, в течение которых было осуждено более 100 человек.

В царствование Екатерины II произошло ослабление религиозных гонений. Костер и ссылка, тюремное заключение и содержание в яме перестали быть единственными средствами защиты православия [20, 259]. В 1763 г. была упразднена раскольничья контора, а 15 сентября того же года Синод издал другой указ о двоеперстниках, совершенно противоположный Указу 15-го мая 1722 г.

С целью возвращения бежавших за границу раскольников под их поселения отводились хорошие земли в Новороссии и Поволжье. Указом 1762 г. всем вернувшимся старообрядцам и их детям предоставлялось право записи в купечество (при наличии соответствующего капитала) независимо от прежнего состояния. Владимирский архив сохранил несколько дел, рассматривающих переход в купечество из других сословий. Так в 1780 г. в муромское купечество были записаны монастырские служители Софон Никифоров и Петр Абрамов; в вязниковское купечество записан крестьянин дворцового ведомства Никита Михайлов. Из кузнецов в купечество Переславля записаны Петр Михайлович Денисов с сыном Яковом [21]. С 1788 г. старообрядцам дозволялось открытое исповедание веры, отменялся двойной оклад, разрешалось занимать общественные должности.

При Александре I, происходит дальнейшее смягчение отношения власти к иноверцам. Во Владимирском архиве сохранилась копия с указа Святейшего Синода за 1801 г., где говорится о «кротком обращении с уклоняющимися от правоверия» [14, 34].

С новой силой гонения на старообрядцев возобновляются в царствование Николая I и Александра III. В это время им запрещалось почти все: строить храмы, учить детей, служить литургию, отпевать и погребать умерших в присутствии священника. Уже построенные храмы опечатываются. Епископов, священников заключают в тюрьмы. Замирает литургическая жизнь, службы совершаются втайне по ночам. Видимо поэтому в селе Илькино старообрядцев называли долгое время мыльниками, так как в целях самосохранения молельни располагали под банями (одна сохранилась до сих пор).

5. Старообрядческие приходы. Религиозная жизнь старообрядцев сосредоточена в часовнях и молельнях. Для светских и церковных

властей, старообрядческие молитвенные дома и часовни представляли собой «публичное доказательство раскола» и способствовали «уклонению православных в раскол» [29, 26]. Поэтому их количество было строго регламентировано. В соответствие с законодательством старообрядцам было запрещено строительство новых молитвенных зданий. Разрешалось пользоваться теми, которые были построены до 17 сентября 1826 года, при условии, что они «остаются в настоящем их положении, но переделка или возобновление старых подобных зданий, ни по какому случаю не дозволяется» [29, 27]. Внешне молеля ничем не должна была походить на церковь. Запрещались наружные колокола и кресты, а по Постановлению от 28 апреля 1836 года частные дома не могли служить публичными молельнями [29, 27].

Изгнанные после раскола из больших и малых древних храмов, постоянно преследуемые, ревнители древлеправославия собирались тайно на общую молитву в чьем-то доме. Богатые старообрядцы обустраивали целые комнаты – моленные, в которых проводился весь суточный круг богослужений. Когда прекратились открытые гонения, моленные дома существовали полулегально, на них, по законам, не должно было быть никаких внешних отличительных признаков православного храма: ни куполов, ни колоколен, ни даже главки с крестом. Поэтому молитвенные дома у беспоповцев имеют наружный облик большого жилого здания. Непременной принадлежностью любой избы старообрядцев являются иконы. Домашний иконостас, как правило, – это восточный угол дома или комнаты, где размещаются домашние иконы и богослужебные книги. По старой традиции, которой придерживаются старообрядцы, иконы в доме должны быть закрыты (занавешены) от посторонних глаз.

Одним из результатов смягчения государственной политики во второй половине XVIII в. стало возведение соборных молелен и часовень, главной чертой которых являлось отсутствие алтаря. Кроме богослужебной, старообрядческая молельня выполняет учительную и вероисповедную функцию. Поэтому в ее интерьере большое большое значение приобретают текст, знак, информация. Отсюда – обилие икон, использование поучительного лубка, наличие мест для сидения.

После манифеста 1905 г. в крупных центрах старообрядчества развернулось сооружение соборных молелен и часовень. Во Владимире в 1913 г., рядом с Золотыми воротами, общиной Белокриницкого согласия (РПСЦ) была заложено здание старообрядческой церкови. Совет об-

щины, подавшей прошение о застройке, возглавил А. Ф. Шмыров, товарищем председателя был Калашников, членами совета – купцы и предприниматели Куликов, В. арасов, С. Арзамасов. Проект храма разработал потомок старинного старообрядческого рода, архитектор С. Жаров, окончивший Императорскую Академию Художеств. К сентябрю 1916 года храм в целом был построен, 30 сентября последовал освидетельствования, подписанный губернским архитектором С. Федоровым.

В начале XX в. Во Владимирской губернии существовало семь основных центров старообрядчества: в селе Левино Собинского района, в селе Головино и деревне Рогино Судогодского района, в селе Коняево, в Меленках, Суздале и в селе Рытово. В годы Советской власти действовал лишь последний.

6. Менталитет и духовная жизнь старообрядцев. Длительное пребывание старообрядцев во враждебной среде, жесткий фискальный гнет со стороны казны налагали на их жизнь всевозможные ограничения и способствовали выработке таких черт как аскетизм, трудолюбие, целеустремленность.

Сопротивление разного рода нововведениям, строгое следование традициям наложили отпечаток внешность и образа жизни старообрядцев. Быт многих старообрядческих групп сохранил архаические черты: ношение бороды, неприятие курения, запрет сквернословия. В обиходе предпочитались посуда и утварь старого образца. Старообрядцы долгое время не пользовались вилками, очень поздно в их жизнь вошли картофель и чай. Старообрядческие праздники проходили значительно скромнее, чем у православных. Еще в начале XX века не допускалась игра на гармошке и танцы. Незыблемым оставался авторитет старшего поколения и патриархальные отношения в семье. Старообрядческие захоронения легко определить по надгробным сооружениям в виде небольшого сруба с двускатной крышей и «голубцом» (или «часовщиком) – столбиком с иконой на нем.

Многие особенности повседневного поведения – необщительность, настороженность подозрительность – сформировались в ответ на преследования со стороны властей и официальной церкви. Так, неприязнь к иноверцам выразилась в обычаи пользоваться только своей посудой, не допуская к ней других.

Поскольку старообрядческие толки обычно обособлялись не только от иноверцев, но и друг от друга, то в одном селении могло быть несколько погастов. Так, в Ковровском уезде в 1805 г. старообрядцы

беспоповцы ходатайствовали об отводе им отдельных кладбищ. На одном из них, недалеко от деревни Суханихи Ковровского уезда, неплохо сохранились ров и подобие вала, а также несколько надгробных памятников из известкового камня со старославянскими надписями.

Важной особенностью старообрядчества является бережное отношение к книгам. Библиотеки некоторых общин насчитывали не одну сотню «соборных книг». Книги приобретались как общинами, так и отдельными людьми для семейного пользования – домашней молитвы, поучительного чтения детям, обучения грамоте. Знание священного Писания высоко ценилось в среде старообрядцев. Потребность в духовной литературе как правило удовлетворялась переписыванием. Сложилось несколько крупных центров, из которых рукописные книги расходились по разным уголкам России. Эти книги продавались в лавках, развозились коробейниками по старообрядческим селениям, приобретались на многолюдных ярмарках, например, Нижегородской, наряду с иконами и другими культовыми предметами.

7. Вклад старообрядцев в экономическое развитие Владимирского края. Уравнивание в правах, начавшееся в екатерининский период, открыло для старообрядцев возможность активной хозяйственной и предпринимательской деятельности. Одновременно, сохранение для них подушной подати, сословной отчужденности и религиозной обособленности порождало чувство корпоративной солидарности. В результате начал формироваться особый социальный слой – старообрядческое купечество, оказавшее заметное влияние на экономическое развитие многих регионов страны. Так, во Владимирской губернии во второй половине XVIII-начале XIX вв. насчитывалось около 40 предпринимательских династий старообрядческого происхождения. Большая их часть занималась текстильным производством, около 20% – изготовлением продукции из стекла, хрусталя и фарфора, небольшая часть – мелким производством (свечным и т.п.), розничной и оптовой торговлей.

В укреплении экономического влияния предпринимателей-староверов определенную роль играли традиции старообрядческой общины, которая исключала принцип индивидуального наследования. Например, члены федосеевского согласия, распространенного в меленковском районе, были обязаны имеющиеся денежные средства возвращать в общую казну в увеличенном размере. Это побуждало саму общину оказывать разностороннюю поддержку своим начинающим предпринимателям. В отчете Владимирского православного братства Александра Невского за 1907–1908 годы подчеркивалось, что взаимопомощь и зажиточность

большинства старообрядческих семейств не только удерживают их в расколе, но и побуждают к принятию старообрядчества.

В начале XX века Меленковский уезд стал деловым центром владимирского старообрядчества. Купечество составляло около 10 % населения Меленок. Начинались будущие купеческие роды, как правило, с предприимчивых крестьян. Мещанин или крестьянин, скопив денежные средства, записывался в купцы низшей (сначала третьей, потом второй) гильдии. Полученное свидетельство давало право заниматься торговлей. Иногда начальный «капитал» проматывался (пропивался). Такой купец становился «разгильдяем», его выдворяли из гильдии, и он становился опять крестьянином или мещанином. Среди старообрядцев такие случаи практически неизвестны. Зато среди владимирского купечества именитыми являлись семьи Зайцевых, Валенковых, Мельниковых, Суздальцевых, Бугениновых, Роджины, Мироновых купцов второй гильдии Волковых, Солдаткиных, Брандт. К купеческой гильдии принадлежали также меленковские торговцы – Шепелевы, Борисовы, Смирновы, Казневы, Колчины, Каманины, Гусевы, имевшие свои лавки и торговавшие на ярмарках.

Меленковские предприниматели активно занимались благотворительностью. К наиболее видным меленковским меценатам принадлежали «пионеры русской промышленности» – Мальцевы, которые в первой половине XIX в. владели 24 стекольными предприятиями, составлявшими четверть всей стекольной промышленности России. Среди принадлежавших мальцевым предприятий на территории Меленковского уезда, был основанный в 1756 г. Гусевской стекольный завод. Благодаря деятельности крупного государственного чиновника и предпринимателя И. С. Мальцева завод стал одним из центров хрустальной промышленности. В январе 1857 года министр финансов Брок предоставил И. С. Мальцеву право помещать на вывесках и изделиях Гусевского завода герб Российской Империи как знак высочайшего качества производимых изделий.

Беспоповцем федосеевского согласия являлся купец и фабрикант Ефим Грачев (1743–1819). В 1800 г. он обладал огромным по тем временам капиталом – 100 тыс. рублей, что позволяло ему не только поддерживать одноверцев, но и практиковать широкую благотворительность. Иногда он раздавал милостыню до 1000 человек сразу. На рубеже XVIII-XIX вв. выходец из крепостных графа Шереметьева, раскольник Грачев жил в двухэтажном каменном доме, обнесенном стеной, имел свою конюшню и фруктовый сад.

На пожертвования российских купцов-старообрядцев и старообрядцев-промышленников возводились храмы, больницы, учебные корпуса, создавались библиотеки, музеи, картинные галереи, поддерживались талантливые ученые, художники, писатели.

Одним из наиболее известных купцов и меценатов является Савва Васильевич Морозов, происходивший из крестьян старообрядческой деревни Зуево Богородского уезда. Накопленные за счет ростовщичества деньги позволили Морозову за 17000 рублей вместе с пятью сыновьями откупиться от помещика Н. Г. Рюмина [26, 24]. Получив вольную, он в 1823 году приобрел земли на правом берегу Клязьмы, куда перенес из Зуева купленные в 1830 году товароотделочную и красильную мануфактуру. В местечке Никольское Морозов возвел каменные трехэтажные суконно-прядильную и ткацкую фабрики. Конечно, свою известность Савва Морозов получил благодаря меценатству в Москве, но начало процветанию и благотворительности Морозовых было положено во Владимирской губернии.

Другим представителем владимирского старообрядчества является владелец фарфоро-фаянсовых предприятий Яков Васильевич Кузнецов. На рубеже XVIII и XIX веков вместе с сыновьями он построил у д. Гжель небольшой фарфоровый завод, а в 1832 году на земле, купленной у д. Дулево Покровского уезда Владимирской губернии, им был построен еще одно предприятие. Впоследствии его внук – Сидор Терентьевич – стал владельцем уже четырех заводов, которые находились в Тверской губернии, в Риге, в Харьковской губернии и в селе Дулево.

Еще одной купеческой династией среди старообрядцев Владимирской губернии является семья текстильных предпринимателей Бурылиных, генеалогическое древо которых просматривается с начала XVIII века. Их дело было основано Диодором Андреевичем, который в 1812 г. основал небольшую ситценабивную фабрику близ с. Иваново Шуйского уезда. Его товар продавался на Нижегородской, Ирбитской и Ростовской ярмарках. Капитал Бурылиных в начале XIX в. составлял более 200 тыс. рублей. Один из них – Дмитрий Геннадьевич Бурылин (1852–1924) – стал известным меценатом, создателем музея, посвященного истории Владимирского края. Главным сокровищем коллекции Д. Г. Бурылина были образцы ивановских и владимирских ситцев (так называемый «текстильный фонд»), сохранивший свое значение до настоящего времени, а также уникальное собрание русского фарфора и фаянса первой половины XIX века. Его коллекция картин включала полотна Айвазовского, Верещa-

гина, А.Бенуа, Клевера, Маковского, Поленова, Шишкина. Среди старопечатных книг и рукописей особую ценность имел «Апостол» И.Федорова, его «Псалтирь» с гравюрами Дюрера 1521 г., первое издание Данте, небольшая коллекция эльзевиров (издания знаменитых типографов Амстердама XVI-XVII веков, несколько инкунабулов (первопечатные книги до 1500 г.), большое собрание Библий на всех европейских языках. Д. Г. Бурылин явился основателем и содержателем Иваново-Вознесенского политехнического института. В 1919 г. были национализированы его фабрики и музей. Оставаясь главным хранителем музея, Д. Г. Бурылин работал до 1923 г. в газете «Рабочий край». 13 сентября 1924 г. он скончался. В 1987 г. после реставрации родового дома Д. Г. Бурылина в нем открылся Музей ивановского ситца, а в 1993 г. музей был переименован в Ивановское государственное объединение историко-краеведческих музеев имени Д. Г. Бурылина.

Таким образом, старообрядческое купечество Владимирской губернии играло важную структурообразующую роль в экономической жизни регионального социума, способствовало превращению Владимирской губернии в один из промышленных и культурных центров Российской империи.

Библиография

1. *Шашков А. Т.* Аввакум Петров// Православная энциклопедия. – М. : Церковно-научный центр Русской православной Церкви «Православная Энциклопедия», 2000. – Т. 1.

2. *Денисов С.* Виноград Российский. – URL: http://www.samstar.ru/document.-xphp?document_id=993

3. Русская православная церковь // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр Русской православной Церкви «Православная Энциклопедия», 2000.

4. *Арсенина О. В.* Старообрядчество Меленок // Свеча 2004. Истоки: природа, наука, религия и образование : материалы междунар. конференций. Владимир, 2004. – Т. II.

5. *Соколова Е. И., Тельчаров А. Д.* В расколе подобна Керженцу (Вязниковская слобода. Из истории Яропоческой дворцовой волости Владимирского уезда) // Старообрядчество: история, культура, современность. – Вып. 7. – М., 1999.

6. *Минин С. Н. священник.* Очерки по истории Владимирской епархии (X–XX вв.). – Владимир : Издательство «Нива», 2004.

7 *Анкудинов А. И.* Церковный раскол в Гороховецком уезде. XVII век // Да будет Время с нами вечно! : сб. краеведческих работ по итогам IX Булыгинских литературно-краеведческих чтений. Вып. 8. – Гороховец : МБУК «Межпоселенческая библиотека» Гороховец. р-на Владим. обл., 2013.

8. *Иларион, митрополит Суздальский* Христианство : энцикл. словарь : в 3 т. / редкол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М. : Большая росс. энцикл., 1995. – Т. 1.

9. *Топоров А. В.* Старообрядческие поселения Судогодского района // История населенных мест Владимирской области : материалы обл. Краеведч. конф., 19 апр. 2002 г. – Владимир, 2003.

10. *Петров В. М.* Воспитание в семьях и общинах старообрядцев Богородского края // Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты : тез. докл. и выступл. науч.-практич. конф. – Орехово-Зуево, 1997.

11. *Андреев Н. И.* Гороховецкий край. Очерки прошлого. Накануне упадка. Гороховец в период Петровских реформ и послереформенное время. [Электронный ресурс]. МБУК «Межпоселенческая библиотека» http://www.grhlib.ru/kraeved_grh/book0210.html

12. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

13. *Козлова Н. В.* Купцы – старообрядцы в городах европейской России в сер. XVIII века // Отечественная история. – 1999. – № 4.

14. *Сахаров Ф. К.* Хронологическая опись дел о расколе, хранящаяся в архивах Губернии города Владимира. 41. 1720–1855 гг. – Владимир, 1905. – С. 1.

15. ГАВО. Ф.15, опись 2, дело 634.

16. *Иванов Ю. А.* Шуйские раскольники. – Шуя, 1997.

17. ГАВО. Ф.556.

18. Письмо Ржевскаго Нижегородского Вице-Губернатора // Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. – СПб., 1863. – Т. 2.

19. *Тальберг Н.* История Русской Церкви. – М., 1997.

20. История России с древнейших времен до 1861 года / под ред. Павленко Н. И. – М., 2003. – Ч. 1.

21. ГАВО. Ф.15, опись 2, дело 702.

22. *Козлова Н. В.* Государственная власть и частный капитал в XVIII в. : характер взаимоотношений // Отечественная история. – 1998. – № 6.

23. *Иванов Ю. А.* Шуйские раскольники. Шуя, 1997.

24. ГАВО. Ф. 14, оп.3, д.2062

25. ГАВО. Ф.556. Оп.107. Д.212. Л.885–886об. Ф.556. Оп.107. Д.73. Л.170об

26. *Сыроежкина Л. Н.* Становление текстильных предприятий фабрикантов Морозовых в Орехово-Зуеве (конец XVIII–XIX вв .) // Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты. (Юбилейные Морозовские чтения 20–22 февраля 1997 г.) : тез. докл. и выступл. науч.-практ. конф. – Орехово-Зуево : РИО Упрполитграфиздата Администрации Московской области, 1997.

27. ГАВО. Ф.14, оп.3, д.5 Ю1

28. *Лизунов В. С.* Орехово-Зуево – историческая родина Морозовых // Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты. (Юбилейные Морозовские чтения 20–22 февраля 1997 г.) : тез. докл. и выступл. науч.-практ. конф. – Орехово-Зуево : РИО Упрполитграфиздата Администрации Московской области, 1997.

29. *Ершова О. П.* Развитие законодательной системы в области раскола в 50–60-е годы XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 1995. – Вып. 4.

2. Ковровское старообрядчество

1. История раскола в Ковровском уезде Владимирской губернии – это одна из интересных страниц истории русского старообрядчества, насчитывающей к настоящему времени уже свыше трех с половиной столетий.

Ковровский уезд с административным центром в городе Коврове был образован Указом Екатерины II от 1 сентября 1778 г. одновременно с созданием Владимирского наместничества. До этого территория Ковровского уезда и тогда еще село Коврово входила в состав Московской губернии Суздальской провинции.

Если вновь образованный тем же царским указом соседний Шуйский уезд ведет историю раскола на своей территории с самого начала, с 50–60-х гг. XVII в. [1, 5], то первые документальные свидетельства о староверах в Ковровском уезде датируются рубежом XVIII и XIX столетий, что вовсе не означает, что они здесь не селились и ранее.

Первый известный нам документ 1809 г. констатирует проживание в Ковровской округе раскольников двух толков: «спасовщины или беспоповщины и некоторой части перекрещенцев» [2, д. 974, л. 99об.], отдавая численное превосходство первым. При этом проживали они исключительно в сельской местности, в городе до середины 1860-х гг. ревнителей старой веры не зафиксировано. В социальном плане раскол в Ковровском уезде, по сути, носил крестьянский характер. Это позднее, когда некоторые из наиболее успешных ковровских крестьян-предпринимателей запишутся в купечество, он приобретет еще и купеческую окраску. Тем не менее, за пределы этих двух социальных групп до 1917 года раскол так и не выйдет.

Прежде чем давать характеристики обоим течениям, договоримся о терминологии. В России изначально с XVII в. раскол наиболее четко проявился в двух течениях – это поповцы, приверженцы старых дониконовских обрядов, поэтому их называли старообрядцами; и беспоповцы, для которых сохранение «старых обрядов» вовсе не казалось обязательным, а в основе их убеждений лежало учение об антихристе, уже пришедшем в мир, поэтому их причисляли к староверам. Таким образом, будет ошибкой назвать поповца старовером, а беспоповца старообрядцем.

Беремся предположить, что распространение в Ковровском уезде среди крестьян такого течения раскола как беспоповское Спасово согласие имеет под собой исторические корни, уходящие в XVII век, хотя документальных свидетельств пока не обнаружено. Наше предположение мотивируется двумя обстоятельствами.

Первое – это близкое соседство с землями Шуйского уезда, где уже до времени патриарха Никона была распространена так называемая капитоновщина. Главные черты ереси старца Капитона: суровейший аскетизм, отрицание института священства и некоторых таинств при сохранении авторитета «Священного писания», связывают это учение с поздними беспоповскими староверами. В конце 50-х гг. XVII в. в Шуйском, Вязниковском, Гороховецком и Суздальском уездах властями были проведены первые сыски раскольников. Среди пойманных оказалось немало последователей учения монаха Капитона – людей, отрицавших необходимость профессионального духовенства и церковных властей [1, 5]. Заметим, что территория Ковровского уезда тогда входила в состав Суздальского уезда Московской провинции, а маршрут передвижения старца Капитона не мог миновать той местности в Ковровском уезде, где уже в XIX столетии получило наибольшее распространение беспоповское Спасово согласие, а именно д. Ильина гора и вокруг ее расположенные населенные пункты. Как известно, до середины 50-х гг. Капитон пребывал в Шуйском уезде у с. Колбацкого, а потом переселился в вязниковские леса, где и погиб в 1663 году в одной из лесных пустыней за рекой Клязьмой [3].

Второе обстоятельство, в принципе, уже обозначено выше. Это географическое расположение тех местностей, где раскол в Ковровском уезде получил самое раннее и наибольшее распространение. Они находились на большой дороге в Керженские скиты и Макарьевский монастырь.

Помимо основополагающего деления на поповцев и беспоповцев в расколе существует также разделение согласий и толков по вопросу приема в «старую веру» – на «перекрещенцев» и «перемазанцев». «Перекрещенцы» – это общее название для целого ряда толков беспоповского старообрядчества, последователи которых принимали переходящих к ним из православной церкви по так называемому первому чину, совершая над ними повторное крещение. Такая практика объяснялась представлением о том, что все духовенство православной церкви, приняв «новый обряд», перешло на службу антихристу, следовательно, никакое таинство, совершенное православным священником, не может считаться действительным. К перекрещенцам относятся представители поморского, федосеевского, филипповского, страннического и других толков [4]. В отличие от них приверженцы Спасова согласия демонстрировали отсутствие практики перекрещивания вновь приходящих из других деноминаций.

Таким образом, в начале XIX в. в Ковровском уезде проживали главным образом раскольники различных толков беспоповского течения.

Большое количество толков приводило к некоторой путанице в документах. Например, в ведомости 1865 г. перекрещенцы уже обозначаются как поморцы, а беспоповцы Спасова согласия как нетовцы [5, д. 1199, л. 54–58]. Основным отличием нетовцев от большинства старообрядческих толков является то, что, считая православную церковь еретической, тем не менее, при переходе православного в нетовщину, они требуют не повторного крещения, а только произнесения семипоклонного начала и обещаний без их согласия «ни с кем не молиться и не сообщаться в пище, а также блюсти некоторые обычаи в молитве и одежде». Нетовцы не только принимают новых членов без повторного крещения, но и своих новорожденных крестят у православного священника. Это связано с тем, что нетовцы, не имея своих священников (так как беспоповцы), считают, что крещение должен совершать «какой бы ни был, но всё-таки поп, а не простой мужик». За принятие крещения от православного священника нетовцы подвергались резкой критике со стороны других старообрядческих толков.

2. Социально-демографический портрет ковровского старообрядчества. Отношение царской власти к раскольникам постоянно колебалось, количество запретительных мер то увеличивалось, то уменьшалось. Особенно тяжелым для них был период царствования Николая I, когда был введен постоянный правительственный надзор за жизнью и действиями приверженцев старой веры. В 1826 году по уездам поступило предписание министра внутренних дел «о доставлении сведений о старообрядческих часовнях, молельнях и других сего рода заведениях, по Владимирской губернии существующих» [6, 67]. На местном уровне это распоряжение вылилось в регулярные ежегодные отчеты о числе раскольников различных течений в уезде, а также их кладбищ, молелен и преступлений, совершенных ими. Под последними подразумевался уход в раскол, совращение в раскол и захоронения по старому обычаю. По городу сведения подавала градская полиция, а по уезду – земский суд. Сохранившиеся в архиве документы позволяют составить представление о направлениях развития раскола в Ковровском уезде в XIX веке.

Сразу отметим, что Ковров и Ковровский уезд ни в коей мере нельзя отнести к крупным центрам старообрядческого поселения. Число старообрядцев никогда не превышало 1% от общего количества населения в уезде. Так, по данным 1836 г., в самом городе «старообрядцев и раскольников не имелось», но они проживали в уезде. «Ведомость старообрядческих сект по Ковровскому уезду» на 1836 год выглядела следующим образом: «перекрещенцев разных сословий – 91,

помещичьих крестьян – 2; беспоповщина разных сословий – 510, помещичьих крестьян – 83; поповщина разных сословий – 12. Всего: 698» [2, д. 4963, л .7, 67]. По самым грубым подсчетам, они составляли 0,7% населения уезда. Как видим, сохраняется тенденция явного преобладания в уезде староверов беспоповского течения.

Что касается расселения раскольников по Ковровскому уезду, то центами перекрещенцев являлись деревни Федулово и Дубровка, где, соответственно, проживало 19 и 26 человек. Беспоповцы Спасова согласия кроме уже известной нам д. Ильино (53 чел.), проживали еще и в юго-западной части уезда. Деревня Бельково по количеству староверов (67 чел.) превзошла даже исторический центр, д. Ильино, в соседней д. Суханиха проживало 50 человек. Поповцы, которых было всего 12 человек на уезд, сосредоточились в богатом селе Большие Всегодичи.

Кроме этого, таблица 1836 г. красноречиво показывает, что основной социальной средой, питавшей старообрядчество, было не помещичье, оброчное крестьянство, а государственные и удельные крестьяне. Они не являлись крепостными, это была самодеятельная и мобильная часть крестьянского населения.

Преследования раскольников, достигшие своего пика при Николае I, отразились на численности старообрядческой диаспоры в Ковровском уезде: 1836 – 698 чел., 1837 – 698 чел., 1840 – 385 чел., 1841 – 386 чел., 1842 – 349 чел., 1843 – 292 чел., 1844 – 153 чел.,1845 – 293 чел., 1855 – 128 чел., 1856 – 128 чел. [2, д. 4963, л. 67; д. 4964. л. 8–10об.; д. 5507, л. 6об., 36–37; д. 5866; д. 6178, л. 1; д. 6582, л. 1; 7, д. 226, л. 137; д. 232, л. 191; д. 339, л. 101; д. 346, л. 95]. Резкое уменьшение числа представителей старой веры в отчетах, вероятно, не отражает реальной картины дел, особенно у беспоповцев, которым проще было скрывать свои убеждения. Но при этом внутренняя расстановка осталась неизменной – беспоповцы явно превалировали над поповцами. В 1840 году в отчете зафиксированы два представителя единоверческой церкви [2,. д. 5507, л. 5об.-6об]. Позднее эта позиция из отчетов по Ковровскому уезду исчезла совсем, что говорит о том, что единоверческая церковь не получила распространения в Ковровском уезде.

После отмены крепостного права и с началом реформ Александра II отношение к раскольникам несколько смягчилось. 15 октября 1858 г. император одобрил выработанное министерством внутренних дел «Наставление для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам, до раскольников относящимся», сделавшегося на все царствование

Александра II главным руководством по раскольничьим делам [8, 87]. Раскольников «природных» нельзя стало преследовать за веру; им только запрещалось распространять ее и уклоняться от исполнения общих правил благоустройства. Гражданское начальство должно заботиться о том, чтобы раскольники не исполняли богослужения и треб явно. Просьбы о разрешении раскольникам вступать в брак и хоронить по их обрядам должны быть оставляемы без внимания, с объявлением, что правительство не вмешивается в заблуждения, противные правилам истинной церкви. Раскольничьи «лжепопы» не должны допускаться из-за границы. Новые скиты и молельни заводить запрещалось, но преследование раскольников за совращение в раскол производилось общим порядком. С изданием этой инструкции приверженцам старой веры стало легче.

Казалось, власти начали понимать бесполезность исключительно карательных мер по отношению к старообрядцам, но при этом контроль над ситуацией с их стороны не ослаб. Для эффективного рассмотрения положения дел со старообрядчеством в губернии был разослан секретный правительственный циркуляр от 23 апреля 1865 г. за № 48 министра внутренних дел статс-секретаря П. А. Валуева, который предписывал, чтобы «была составлена карта, на которой по имеющимся уже готовым сведениям все местности …, где живут раскольники, покрыть густо красным, где население заявило о прикосновении к расколу, но записано в православии, – синим». К карте предписывалось приложить следующие сведения: 1) число населения по каждому полу; 2) местонахождение молелен, скитов и т.п.; 3) к какому толку раскольники принадлежат» [9].

Нами обнаружена подобная карта по Ковровскому уезду, которая позволяет относительно объективно составить представление о положении дел в среде ковровских раскольников к 1865 году. Приведем ее полностью.

Таблица 1

Ведомость о раскольниках в Ковровском уезде [5, д. 1199, л. 54–58]

Название населенного пункта	**Общее количество населения в приходе**		**Число раскольников**		**Направление раскола**
	М.	**Ж.**	**М.**	**Ж.**	
Ведомство благочинного г. Коврова Алексея Радугина (м. – 1396, ж. – 496)					
С. Клязьминский городок	185	250	5	17	Поморцы: Коноводит Илья Иванов, сторонние приходят из д. Ильиной и М. Всегодич

В приходе с. Санниково (священник Михаил Бугуславов)	291	371			нетовцы
Д. Мартьяниха	37	31	-	1	Нетовцы
Д. Князь Михайловская	52	52		1	Нетовцы
В приходе с. Овсянниково (священник Федор Дмитриевский)	379	400			Поморцы
Д. Прудищи	54	58	1	1	
Д. Загородки	67	68		1	
В самом городе и других селах нет Ведомство благочинного села Большие Всегодичи священника Василия Казанского					
В приходе с. Б. Всегодичи	1951	2194	2	7	Нетовцы Коноводит крестьянин д. Дубровка Мартын Якимов, у которого имеется молельня. «Вообще раскол поддерживается богатыми торжествами… и тем местным убеждением: якобы, кто будет раскольником, тот будет и богатым»
Д. Широково			13	3	Снохи купцов Большаковых родственники купцов Першиных
Приход с. Малые Всегодичи (свящ. Николай Молитвословов)	1054	1029			
Д. Ильина	167	214	40	64	Нетовцы
Д. Зыблино	79	74		1	Нетовцы Поддерживается раскол сей домом богача Першина
По части священника Александра Смирнова Д. Дубровка	40	50	5	20	Поморцы Коноводит крестьянин д. Дубровка Мартын Якимов
Д. Коромыслово	53	54	1	2	
Д. Речная	57	64	1	2	
Д. Мартыновка	47	45	1	2	
Корзино	78	90		1	
В приходе с. Михайловой пустыни (свящ. Сергей Доброхотов)	575	669			Нетовцы «Зловселят на них дом Першиных»
Д. Панино	70	80	2	2	
Д. Смехра	69	91	8	17	
Д. Высоково				1	

В приходе с. Шапкино (свящ. Петр Скворцов) Д. Горячево	111	120	1 2	1 8	Поморцы Нетовцы Коноводит по секте нетовщины крестьянин д. Б. Мокрушино Яким Семенов, д. Горячевой девки Дарья Григорьева и Наталья Иванова
По части свящ. Ивана Колерова Д. Горячево	75	84		3	Нетовцы
Д. Бреховская	63	65	1	4	Нетовцы
Д. Набережная	122	179	2	2	Нетовцы
Д. Ермаково	42	136	1	-	Нетовцы Коноводит д. Бреховской крестьянин Петр Иванов, поп их Яким Семенов из д. Б. Мокрушино. В доме его собрания.
В приходе с. Лучкино по части свящ. Матвея Вознесенского С. Лучкино	114	144	1	2	Нетовцы
Д. Редкино	41	56	1	5	Нетовцы Коноводит Яким Семенов, который приходит в их дома и читает псалтырь и каноны, особенно по усопшим, а на праздники в доме девки Анны Матвеевой в д. Редкине собирается из разных мест много лиц, особенно женского пола и после совершения молитвы делаются для всех богатые обеды, что служит соблазном для православных, бедных особенно.
По части свящ. Ивана Дьяконова в с. Лучкино			3	4	Нетовцы. Семья Алексея Федорова, совращает жена Алексея Федорова Анна Максимова.
В приходе с. Алексино по части священников Василия Троицкого, Петра Рождественского,			2	5	Коноводит Яким Семенов, который всюду ходит и совращает в раскол

Федора Соловьева, Стефана Петропавловского					
В приходе с. Дубакино священник Симеон Пришлецов Д. Бизяиха	88	96	-	2	Коноводит д. Дубровки крестьянин Мартын Якимов, у которого в доме молельня
В приходе с. Егорье, что в Завалье по части свящ. Иоанна Лекторского Д. Филатово	84	67	3	1	
Д. Высоково	22	29	2	2	Поповцы «Попом Чижевский крестьянин Евланий Матвеев, контролирует тут д. Филатовой крестьянин Максимов».
В приходе с. Плесец свящ. Глеб Робустов	1619	1899	3	6	Нетовцы В д. Малыгиной семейство Павла Петрова, в д. Сергейцевой – Егора Васильева
Свящ. Егор Остроумов	513	587	2	9	Поморцы
Свящ. Михаил Соляр-ский	587	410	1 1	7 3	Нетовцы Поморцы У поморцев коноводит д. Федуловой крестьянин Михаил Максимов, читает им книги и службы отправляет. В его доме молельня. Имеет общение с раскольниками других приходов и даже уездов.
Ведомство благочинного Лаврентия Соколова					
В приходе с. Щербово, свящ. Евлампий Тихомиров Д. Поповская	74	88	3	1	Поповцы
Д. Деденки	60	60	1	1	Поповцы Коноводит крестьянин, отставной солдат д. Поповской Федор Трифонов, а в д. Деденки девка Екатерина Илларионова
В приходе погоста Шижегды свящ. Ефим Студницкий Д. Медвежьево	13	20	2	1	Поповцы Лжесвященник Евгений Чижевский наезжает сюда требы исправлять

В уезде на 1865 год селились раскольники двух течений: поповцы и беспоповцы, последние, в свою очередь, подразделялись на поморцев и нетовцев. Всего раскольников обнаружилось 321 человек, из них: нетовцев – 231, поморцев – 77, поповцев – 13. При этом таблица явно демонстрирует, что у раскола в Ковровском уезде было «женское лицо»: соотношение мужчин и женщин в расколе 34,6% к 65,6%. В данном случае ситуация не расходилась с общероссийской: в России в расколе XIX в. численно преобладали женщины. Как отмечал в 1863 г. сотрудник Министерства внутренних дел, делая обобщения из наблюдений особых чиновников за численностью и распространением раскола: «Раскол свободнее и сильнее укореняется между женщинами, мужчины, большей частью, равнодушны к нему» – и далее: «Цифры удостоверяют, что раскол поповщины и беспоповщины преобладал более в женском поле, чем в мужском, т. к. число женщин по многим губерниям показано иногда значительно больше, чем мужчин. Известно, что и теперь раскол очень часто держится там и сям, в особенности в отдельных семействах, женщинами. Причины этого столь известного явления очень естественны: женщины впечатлительнее и восприимчивее, легче поддаются постороннему влиянию, особенно если это влияние облечено таинственностью и запрещением, женщины между нашими простолюдинами более невежественны, чем мужчины, менее видели свет и людей и поэтому менее способны к размышлению, женщины, быть может, уступают мужчинам и в интеллектуальном отношении, а это все необходимо для принятия такого невежественного учения, как раскол» [10]. Подобные ментального плана аргументы вызывали полемику среди специалистов еще в XIX веке.

Обращает на себя внимание разный уровень преобладания женщин в расколе по территориям. Такой высокий как в Ковровском уезде демонстрирует еще Ярославская губерния, а средний по России, по данным переписи 1897 г., составил 7–10% [10, 9]. Думается, объяснение следует искать еще и в экономических особенностях регионов, занятиях их жителей. Владимирская и Ярославская губернии относятся к нечерноземным губерниям европейской части России, одной из общих специфических особенностей развития которых была высокая занятость населения неземледельческими видами деятельности. Данные статистики свидетельствуют, что внеземледельческим трудом во Владимирской губернии занималось около 80% населения [11, 18–19], остальные крестьяне сочетали труд в сельском хозяйстве с занятиями промыслами, или, порвав связь с землей, уходили в города. Многие

крестьяне-отходники часть года жили в городе и возвращались в деревню, другие по несколько лет не бывали дома, особенно те, кто занимался таким видом отходничества как офенство. Отсюда, и преобладание среди раскольников женского населения, что как раз характерно для офенских селений, где большинство мужчин большую часть года находились далеко от дома.

Для наглядности выберем из документов те селения, в которых жители занимались офенством, и одновременно в них наблюдались представители старой веры, и составим следующую таблицу. При этом мы не будем разделять раскольников на течения, которые имели место, а дадим их суммарное число по селениям.

Таблица 2

№ п/п	Селения с офенями	Количество раскольников 1837 г.	Количество раскольников 1865 г.
1.	Алексино	2	7
2.	Лучкино	5	3
3.	Изотино	3	-
4.	Малышево	6	-
5.	Максимово	12	-
6.	Набережное	11	4
7.	Пучково	3	-
8.	Редькино	3	6
9.	Смехры	40	25
10.	Сергеево	9	-
11.	Жуково	2	-
12.	Клязьминский городок	6	22

Пробелы против ряда селений в графе за 1865 год не означает отсутствия сведений. Данная статистика вполне соответствует общей ситуации в старообрядческом мире в Ковровском уезде: если, согласно ведомостям, в 1837 году раскольников зарегистрировано 698 человек, то в 1865 – 284. В таблице обращает на себя внимание такая особенность, что все указанные в ней селения, за исключением двух (с. Клязьминский городок и д. Малышево) входили на тот момент в состав Алексинской волости, которая, как мы отмечали выше, являлась центром офенского промысла. Мало того, офенские селения находились буквально в окружении сел и деревень, в которых зарегистрировано значительное число раскольников. Назовем только те, что относились к Алексинской волости: Горячево – 46 чел., Бреховская – 7 чел., Федьково – 3 чел., Бабашкино – 1 чел., Гремячево – 7 чел., Горюшкино – 6 чел., Ермаково – 9 чел., Б. Мокрушино – 10 чел. и т.д.

Преждевременно делать какие-либо выводы, тем не менее, подобные совпадения вряд ли случайны. Занятие офенством способствовало проникновению и дальнейшему распространению раскола в Ковровском уезде, и в какой-то мере объясняет его очевидно женский характер.

3. Предпринимательская и благотворительная деятельность ковровских староверов. Законодательные послабления раскольникам в 1860–1870-е гг.: наделение с 1864 г. части, менее опасных сектантов, общегражданскими правами; издание 19 апреля 1874 г. закона о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников, в т. ч. признание браков для беспоповцев, совершенных по их обрядам без венчания в православном храме, но существующих длительное время, способствовало открытому переходу в раскол части представителей старой веры. Так, лидеры ковровских староверов Спасова согласия купцы Першины из д. Ильино открыто перешли в раскол в 1866 году [5, д. 1212, л. 3], и с тех пор в отчетах появились сведения о наличии раскольников в самом городе Коврове.

С переездом Першиных в Ковров вокруг них постепенно формируется небольшая старообрядческая диаспора, отличавшаяся крепкой общинной спаянностью и оказывавшая сильное влияние на жизнь городского общества, несмотря на свою малочисленность. В городе они поселились в пределах одного квартала. Здесь же, в этом квартале ими была открыта на собственные средства старообрядческая богадельня в 1879 году [12, д. 4555], и в 1890 году, после разрешающего указа 1883 г., моленная ковровских староверов-спасовцев [13, д. 497]. Это такие фамилии ковровских купцов как Большаковы, Федоровские, Лаптевы, Носковы, Кисловы, Друндины и др.

Сами Першины, а именно братья Николай и Андрей Дмитриевичи, уже в 1824 году записались во 2-ю гильдию ковровского купечества. Основным родом их деятельности являлась хлебная и рыбная торговля, их суда доходили до низовьев Волги, они владели землей в Самаре и Уфе. К концу XIX в. Торговый дом «Александр и сыновья Дмитрия Иван и Севериан Першины» производил торговлю в городах по Оке и Волге с годовым оборотом до 10 тысяч рублей [14, д. 1]. Купец 1-й гильдии Иван Федорович Першин с матерью имел в Коврове лавку по скупке хлебных товаров с оборотом до 15 тыс. рублей [14, д. 104], а Матвей Федорович Першин занимался ломкой известкового камня, имел собственное предприятие. Помимо этого Першиным принадлежало 2000 десятин земли в Ковровском и Судогодском уездах.

Не менее предприимчивыми были и купцы-староверы Большаковы из д. Широковой все той же Всегодической волости Ковровского уезда. Большаковы начинали с торговли лесом, сплавляя его вниз по Клязьме и далее, обратно везли зерно. Весь Ковровский уезд жил привозным хлебом, поэтому обороты их торговли достигал сотни тысяч рублей, что позволило им записаться в 1-ю гильдию купечества. В Коврове Большаковым принадлежала крупная и единственная в городе паровая мельница. Около 1874 г. поселились в Коврове судогодские купцы-староверы Федоровские, построив один из самых богатых и красивых домов городе. В Судогодском уезде им принадлежало 4000 десятин земли, хрустальные и конезаводы. Позднее, когда Першины породнились с рязанскими купцами Лаптевыми, они тоже поселились в Коврове. Оборот их торговли достигал 180 тыс. рублей [15].

Успешную предпринимательскую деятельность староверы Коврова сочетали с активной работой на поприще городского и земского самоуправления. Самыми заметными фигурами здесь были все те же купцы Першины. Николай Дмитриевич Першин в 1851–1854 гг., еще до официального ухода семьи в раскол, занимал пост ковровского городского головы, много лет был попечителем городской больницы [12, д. 299]. Его племянник Николай Андреевич Першин, по определению Владимирского православного братства Александра Невского, «сила местного раскола», на заседании Ковровской городской думы 26 февраля 1874 г. также был избран на пост городского головы. Но, несмотря на многократные ходатайства городского общества, его кандидатура так и не была утверждена Министерством внутренних дел, которое посчитало «неудобным иметь на посту городского головы старообрядца при большинстве православного населения» [16, 161]. Другой представитель семьи Першиных – Федор Андреевич, являлся с 1874 по 1883 год директором Ковровского общественного банка [12, д. 3138].

В 1870-х гг. в Коврове сложилась такая ситуация в местном самоуправлении, что почти десятилетие городом управляла старообрядческая диаспора: пять из них, три брата Першины и двое Большаковых, составляли городскую Думу, представители этих же фамилий возглавляли Ковровский общественный банк [12, д. 2460].

Весной 1866 г. в Ковровском уезде открыли свои действия земские органы самоуправления. С самых первых выборов неизменно гласными Ковровского земства становились представители раскола – это Першины, Большаковы, Носковы, Шорыгины. Например, в земское трехлетие с 1873 по 1875 год из 34 гласных 9 были староверами, т.е.

26,5% [17, с. 307–308], а в 1876–1877 гг. председателем Ковровской земской управы являлся купец 1-й гильдии, владелец крупной текстильной фабрики в с. Горки Ковровского уезда, потомственный почетный гражданин старовер Полиевкт Тихонович Шорыгин [17, 318].

Росту авторитета староверов в городе способствовала также их широкая благотворительная деятельность. Об открытии ими женской богадельни мы уже писали выше. Так, в период Крымской войны 1853–1856 гг. сделал значительные пожертвования Н. Д. Першин: 30 руб. серебром в пользу раненых, 50 руб. – на ковровскую дружину № 127 народного ополчения, 300 руб. – на обмундирование стрелкового полка, 150 руб. – на государственное ополчение. За такие благие дела он единственный из жителей Коврова был награжден шейной медалью на Аннинской ленте «В память войны 1853–1856 годов» [18, 104]. Как видим, это случилось еще до того, как Першины объявили себя раскольниками.

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. старовер С. П. Большаков, купец 1-й гильдии, вместе с таким же ковровским купцом, но православным, П. Г. Герасимовым, выстроили и оборудовали на свои средства дома для прибывающих с фронта раненых. За это Российским обществом Красного Креста они были представлены к награждению золотыми шейными медалями на Станиславской ленте. Получил медаль только Герасимов, награждение же Большакова утверждено не было по причине его принадлежности к старой вере [12, д. 4060].

Таким образом, во второй половине XIX в. староверы беспоповского Спасова согласия занимали лидирующее положение в социально-экономической жизни города, его местном самоуправлении, пользовались высоким авторитетом у горожан. В свою очередь сами они, несмотря на существующее гражданское неравноправие, были лояльны к власти и активно участвовали в общественной жизни города.

Лидерами ковровских староверов оставались купцы Першины, которые с середины XIX в. стали принимать активное участие еще и в реформирование Спасова согласия в России, одного из толков беспоповщины, к которому они принадлежали. Таким образом, благодаря религиозной деятельности Першиных Ковров и Ковровский уезд во второй половине XIX столетия превращаются в центр новоспасовщины, вновь возникшего старообрядческого толка

В 1840-х гг. обострилась полемика между спасовцами и поморцами, особенно о крещении в православной церкви. В Симбирске, Сызрани и других поволжских городах собирались соборы спасовцев, главной темой которых стало рассуждение о принятии приходящих от «никониан».

В те годы наставник спасовцев из Симбирска А. В. Светов сообщал своим единомышленникам из Горбатова Нижегородской губернии, что нашёл в «отеческом писании» ясное наставление о том, как принимать «еретиков-никониан» в своё согласие: необходимо читать вместо проклятия яковитской ереси в чине принятия еретиков из Большого Потребника патриарха Иосифа проклятие патриарху Никону. Далеко не все спасовцы согласились с таким решением, и согласие разделилось на сторонников нового чинопринятия («большого начала»), которых стали называть новоспасовцами или отрицанцами, и его противников (староспасовцев, подначальников), сохранивших седмипоклонный («малый») начал. У истоков появления «большеначальных» спасовцев стояли ковровский купец Н. А. Першин и начётчик А. А. Комиссаров из Пошехонья. Окончательное отделение новоспасовцев произошло в 1882 году. В 1887 г. в г. Коврове Владимирской губернии прошёл их первый собор, в котором участвовали Першин и Комиссаров. В решениях собора были сформулированы установления нового согласия: полный отказ от контактов с православным духовенством: «христианом ко всем разноверцем еретикам за таинствами и всякими потребностями не ходить», приходящих «от разноверцев» принимать через чин проклятия ересей, наставникам управлять всеми духовными требами в своих местностях, не касаться других общин, отлучать «от сообщества» всех мужчин, бреющих усы и бороды, женщин с непокрытой головой, всех сообщающихся с еретиками «(в) еде, и питии, и разных увеселительных компаниях, курящих и нюхающих табак» [19, л. 171–174].

Наряду с порядком приема в общину бурную полемику между ново- и староспасовцами вызвал вопрос о правомочности иночества. Новоспасовцы приняли чин пострижения и устроили скиты. В Ковровском уезде таких скитов было два: женский в Коврове и мужской, который располагался в глухом месте в лесу в двух верстах к югу от станции Новки Московско-Нижегородской железной дороги [20, 114–115].

Усиление старообрядчества встревожило власти. 3 мая 1883 г. был утвержден новый закон «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» [21, № 1545]. Им было разрешено молиться по старым обрядам только в частных домах и на кладбищах. Раскольникам запрещалось «распространять свои заблуждения», организовывать крестные ходы, строить наружные колокольни при храмах, помещать иконы над их входами. Но одновременно паспорта всем раскольникам стали выдаваться на общем основании. Им было доз-

волено вести торговлю и заниматься промыслами. Изменено было и положение купечества: теперь ежегодное предоставление свидетельства о вероисповедании при объявлении капиталов заменялось на единовременное, при первом объявлении капиталов для вступления в гильдию.

Число раскольников в этот период в Ковровском уезде хоть незначительно, но росло: 1886 г. – 166 чел., 1887 г. – 178 чел., 1889 – 217 чел. [12, д. 6259, л. 228; д. 6260, л. 215; 23, д. 209, л. 238]. Это составляло 0,2% населения, во Владимирской губернии в целом эта цифра была несколько выше – 2,2%. Но согласимся с исследователем истории раскола в соседнем Шуйском уезде Ю. А. Ивановым, что судить о реальном числе раскольников уезде только по данным официальной статистики, сложно. Например, по мнению церковных властей, «главное затруднение при исчислении раскольников заключается в том, что среди населения Владимирской губернии встречается много лиц, которых в строгом смысле слова нельзя признать ни православными… ни раскольниками… Религиозное состояние этих колеблющихся лиц верно выражается местным названием – «никудышники» [1, 33].

В сравнении с общей ситуацией в стране и другими уездами, где проживали приверженцы старой веры, Ковровский уезд не был так сильно заражен расколом. Особенно в сравнении с Гороховецким уездом, где староверы-беспоповцы составляли 12,98% населения. Особенностью ковровского раскола второй половины XIX в. и последующего времени является его перемещение из сельской местности в город.

Одним из методов борьбы светских и церковных властей с расколом во второй половине XIX в. становятся православные братства, правила об учреждении которых были утверждены в 1864 году. Первым во Владимирской губернии, в том же году, было создано Богоявленское православное братство в слободе Мстере Вязниковского уезда, где четверть населения относила себя к староверам [22, № 3, с. 195]. В ноябре 1879 г. было открыто епархиальное православное братство Александра Невского [23, № 23, с. 657], главной задачей которого, как и всех церковных братств, являлось противодействие посягательствам на права православной церкви со стороны иноверцев и раскольников. В 1880–1890-е гг. в Ковровском уезде действовало уже три отделения братства Александра Невского: в Коврове, селах Лежневе и Малых Всегодичах. «Противораскольничья» библиотека мало-всегодического отделения считалась образцовой: здесь составили особый книжный каталог, копии с которого были во всех церквах благочинического округа. Связано это было с тем, что

здешние староверы, нетовцы и поморцы, жили разбросанно по селам и деревням среди православного населения [24, 391].

Характерной формой работы братства среди раскольников во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX в. стали публичные «беседы о вере старообрядцев и православных». Такие беседы имели место и в Коврове. Только для диспутов с такой «силой местного раскола» как купец Н. А. Першин, братству пришлось выписать известного московского «противораскольничьего миссионера» слепца А. Шашина, а помогал ему владимирский миссионер Т. Николаев. В конечном итоге, каждая сторона посчитала себя победительницей в состоявшейся дискуссии [25, № 19, 20].

Самым же распространенным методом работы православных братств, направленным на борьбу с расколом, стала организация внебогослужебных собеседований и публичных духовно-нравственных чтений.

Внебогослужебные собеседования проводились в праздничные и воскресные дни по заранее составленным священниками программам. Священники также должны были присылать в Совет братства отчеты о проведенных ими внебогослужебных собеседованиях. В Ковровском уезде за 1892–1893 год было организовано 35 пунктов для подобных собеседований, в них в течение года проведено 801 мероприятие со средним числом слушателей в 3776 человек [26, 175]. Сразу отметим, что средний показатель посещаемости таких собеседований невысок: 4,7 на одно мероприятие в Ковровском уезде и 4,4 в целом по Владимирской епархии.

Несмотря на всю активность, деятельность православных братств, ожидаемых результатов не принесла. Число раскольников продолжало расти. Этому способствовал и Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» [27, 25]. Еще более решительные изменения внес знаменитый Указ от 17 октября 1905 г., которым раскольникам было предоставлено право «свободного исповедания веры» [8, 451]. Так, в Коврове и Ковровском уезде в 1904 году зарегистрировано 260 раскольников и не было ни одного молитвенного здания [28, д. 20117, л. 3]. В 1908 году уже в отчетах называется цифра в 642 человека (0,5% всего населения), что почти в два с половиной раза больше. При этом раскол в Ковровском уезде в начале XX в. потерял свой очевидно «женский» характер, число мужчин и женщин в нем практически сравнялось (312/330) [29, д. 265, л. 93]. К этому времени в связи с развитием путей сообщения в России, стало наблюдаться угасание офенской торговли, в т.ч. и в Ковровском уезде.

С 1909 г. в стране разрешили свободный переход от одного вероисповедания в другое, а борьба с расколом стала делом исключительно церковным. В сложившихся условиях церковь искала новые пути борьбы с сектантством и расколом, но миссионерская деятельность членов православного братства Александра Невского во Владимирской губернии затруднялась тем, что с появлением закона о свободе совести лидеры староверов стали внушать своим последователям не ходить на миссионерские беседы. Председатель Ковровского отделения Братства протоиерей А. Благовещенский докладывал: «Беседы с раскольниками отделение не вело, так как раскольники уклонялись, как от публичных, так и от частных бесед. Они живут замкнутой жизнью» [30, д. 39, л. 9].

Между тем, законодательные «послабления», как написали «Владимирские епархиальные ведомости», вызвали среди старообрядцев Владимирской епархии почти повсюду «сильный подъем духа». Свободно стали распространяться старообрядческие газеты «Голос старообрядца» и «Народная газета», журналы «Церковь» и «Старообрядческая мысль» [1, 37–38]. В 1906 году спасовцы провели в Коврове и с. Ивонино Судогодского уезда соборные совещания «по вопросам о допущении брадобрийцев на общественную молитву и о необходимости покаяния перед старцами». В них участвовал знаменитый ковровский старец-скитник Варлаам. Был составлен «всеподданнейший адрес» беспоповцев Ковровского уезда с описанием своих нужд [31, 9].

Допущенные к общественно-политической жизни старообрядцы демонстрировали свою активность не только в городском и земском самоуправлении, но и в начавшихся с 1906 года выборных кампаниях в Государственную Думу. Например, в представленных результатах выборов во II Государственную Думу по городской курии в г. Коврове больше всего записок избирателями было отдано члену городской управы М. Ф. Першину, главе местного раскола на тот момент [32, д. 467, л. 8]. Съезд крупных землевладельцев из двух баллотировавшихся фабрикантов старовера П. Т. Шорыгина и В. А. Кокушкина, выбрал первого [33, д. 2225, л. 45]. Причем владелец крупной текстильной фабрики в с. Горки Ковровского уезда П. Т. Шорыгин, октябрист по своим политическим убеждениям, победит и на выборах в III Государственную Думу [33, д. 2225, л. 45].

В заключение необходимо отметить, что ковровские староверы Спасова согласия во главе с купцами Першиными оставили памятный след не только в Коврове, но и в г. Уфе, где до сих пор сохранились першинские дома и могилы на Сергеевском кладбище. Дело в том, что, начав свое дело с оптовой поставки хлеба во Владимирскую губернию

из приволжских регионов, разбогатев на нем, купец Николай Андреевич Першин, глава местного раскола во второй половине XIX в., завел крупный бизнес в Уфе. Летом 1871 г. купил там на Большой Казанской улице (ныне ул. Октябрьской революции) небольшой дом с усадьбой, а осенью того же года его пароход «Трудолюбец» с баржами первый раз пришел зимовать в Уфу в Старицкий затон. Как вспоминает его внук, Н. А. Першин приезжал в Уфу из Коврова на лошадях в феврале и жил до мая. По зиме он покупал хлеб и отправлял его по весне для продажи в Нижний Новгород и Рыбинск, занимался поставкой чугуна с Южно-Уральских заводов для Сормовского и Коломенского заводов, приобрел две водяные мельницы у наследников писателя С. Т. Аксакова. Постепенно он привлек к своим уфимским делам трех своих сыновей: Ивана, Александра и Николая. Н. А. Першин скончался в Коврове в 1904 году и был похоронен в старообрядческой части городского Иоанно-Воинского кладбища, а его дела в Уфе продолжил старший сын Иван Николаевич Першин [34]. Он пользовался в Уфе большой известностью и авторитетом, был гласным городской думы, а в 1911 году даже был выдвинут на пост городского головы, но отказался, мотивируя отказ недостатком образования.

В Уфе ковровские староверы Першины продолжали заниматься своим раскольничьими делами, организовав секту, которую уфимские церковные власти в своих отчетах называли «першинцы». Как пишет в своих «Письмах по расколу» известный уфимский миссионер Н. П. Тюнин, «во главе этой секты стоит «старая девка» – начетчица, а наб*о*льшем купец Першин из Уфы… а идут в нее потому, что Першин, «занимаясь хлебною торговлей по берегу Белой, сильно любит своих»: и денег вперед дает, и хлеб не так бракует, как у православных…» [35, 154–155].

Наступивший 1917 год прекратил споры о вере, а также расцвет старообрядчества в Ковровском уезде.

Библиография

1. *Иванов Ю. А.* Шуйские раскольники / Ю.А. Иванов. – Шуя, 1997.

2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 1.

3. *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке / В.С. Румянцева. – М.: Наука, 1986.

4. Религиозные учения и секты. Справочник // Apologia.ru 2017 г. Дата обращения: 01.03.2017 г.

5. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11.

6. Хронологическая опись дел о расколе, хранящихся в архивах губ. Г. Владимира (1720–1855 гг.). – Владимир, 1905. – Ч. 1. – XI.

7. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Оп. 6.

8. Христианство. Энциклопедический словарь. Том 2. – М., 1995.

9. *Плоткин В. А.* Религиозная политика государственной власти в Российской империи в 60-е – начале 80-х годов XIX века // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2.

10. *Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова, Е.Б. Емченко. – М., 2011.

11. *Иванова А. Н.* Социокультурные процессы в деревне Центрально-промышленного района в конце XIX – начале XX в. (на материалах Владимирской, Московской, Тверской губерний) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2003.

12. ГАВО. Ф. 14. Оп. 3.

13. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4.

14. ГАВО. Ф. 301. Оп. 7.

15. *Монякова О. А.* Ковровские староверы и их роль в социально-экономическом развитии города в XIX–начале XX вв. // Старообрядчество. История, культура, современность. – М., 1998.

16. Отчет о деятельности Владимирского православного братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского за 1885–1886 год. – Владимир, 1887.

17. *Балдин К. Е., Монякова О. А.* Ковровское уездное земство (1865–1918) / К.Е. Балдин, О.А. Монякова. – Ковров – Шуя : «ПолиЦентр», 2016.

18. *Монякова О. А., Фролов Н. В.* Из истории городского самоуправления до 1917 года // Рождественские чтения. – Вып.1 . – Ковров, 1994.

19. Соборные постановления христиан старообрядцев Спасова согласия 1887–1966 гг. // ОРКиР НБ МГУ. – № 2429.

20. *Муртаева Ю. В.* Старообрядцы Спасова согласия Ковровского уезда (середина XIX в. – 1917 г.) // Рождественский сборник. – Вып. XX. – Ковров, 2013.

21. Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание Третье. – Т. 3.

22. Владимирские епархиальные ведомости. – 1865.

23. Владимирские епархиальные ведомости. – 1879.

24. Отчет о деятельности Владимирского православного братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского за 1895–1896 год. – Б.м.: Б. и., 1897.

25. Владимирские епархиальные ведомости. – 1887.

26. Отчет о деятельности Владимирского православного братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского за 1892–1893 год. – Б.м.: Б. и., 1894.

27. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедования за 1905–1907 гг. – СПб, 1910. – XII, 304.

28. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1.

29. ГАВО. Ф. 14. Оп. 8.

30. ГАВО. Ф. 534. Оп. 1.

31. Отчет о деятельности Владимирского православного братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского за 1905–1906 год. – Вязники: Типо-литография С.К. Матренинского, 1907.

32. ГАВО. Ф. 205. Оп. 2.

33. ГАВО. Ф. 205. Оп. 1.

34. *Першин А. Н.* Сто пять лет в Уфе. Воспоминания. Рукопись / А.Н. Першин. – Фонды Ковровского историко-мемориального музея.

35. Письма по расколу (I – XXI) Н.П. Тюнина (за 1886–1889 года). Вып. 1 / Н.П. Тюнин. – Уфа: Типография Н.К. Блохина, 1889.

3. Церковный раскол и состояние старообрядчества в Гороховецком уезде Владимирской губернии во 2-й пол. XVII – нач. XX вв.

1. Появление старообрядцев в Гороховецком уезде. Гороховецкий уезд представлял собой, особенно в северной своей части, в так называемом «залесье», довольно глухую и удаленную от просветительных центров местность. Население в уезде было настолько разреженно, что, например, в средней части его не было селений на пространстве 25-ти и более верст [1,404]. Именно такие места и привлекали к себе староверов в эпоху преследования их со стороны правительства. Не удивительно, что в Гороховецкий уезд стали стекаться старообрядцы-переселенцы из других мест.

Примечательно, что по данным писцовой книги 1670 года в г. Гороховце проживала всего «801 душа мужского пола» [2,30], а между тем, в городе действовали три монастыря и три отдельных комплекса приходских церквей. Не исключено, что именно для утверждения «новообрядческой» церкви в посаде маленького городка имелось 12 православных храмов.

Уже в XVII столетии гороховчане открыто выражали свое отношение к никоновским реформам и не задумываясь предпочитали погибнуть на костре, как известный апологет древнего благочестия, борец против церковных реформ Никона протопоп Аввакум. Тайный приказ, упраздненный в 1676 году, особенно преследовал Гороховецких старообрядцев в 1673 году. Об этом свидетельствует, сохранившийся среди его дел сыск про Гороховецких «богомолов». По указу царя Федора Алексеевича в Гороховецкий уезд была направлена команда стрельцов для борьбы с раскольниками. Слух об этом распространился среди крестьян, «…в Гороховец приехали стрельцы для богомолов и отъимать кресты». Вслед за этим последовало самосожжение. В этом же деле

есть запись, как оно происходило: «Гороховского уезду Красносельской волости деревни Шубина крестьяня, собрався в ночи на овине ис пяти дворов мужеска полу и женска двадцать шесть человек, сожглись до смерти». Оставшийся в живых сын одного из сгоревших Лука на следствии показал, что товарищи его отца «собрались на тот овин, да и зажглись. А к Церкви божии они ходили»[3,50].

Сожжение в лесах скитов и зачастую людей, находившихся в них, было после реформ Никона делом обычным.

За р. Клязьмой же в одной из возникших в XVII веке лесных пустыней в 1662–63 годах погиб известный в истории раскола Капитон Даниловский, которого П.И.Мельников (Андрей Печерский) не считал старообрядцем, так как еще до возникновения раскола при патриархе Никоне этот пустынножитель проповедовал, будто ни церковь, ни таинства не нужны для спасения, для этого достаточно одной молитвы и других личных подвигов богоугождения. Учение Капитона распространилось на Владимирский, Суздальский и Гороховецкий уезды. В 50-х годах XVII века его сторонники резко отрицательно отреагировали на реформы Никона и после Чумного бунта в Москве в 1654 году число поселившихся в скитах за р. Клязьмой сильно возросло. В это время правительством уже принимались меры по борьбе с раскольниками. Как упоминалось, из Москвы был направен стрелецкий отряд под командованием А. Н. Лопухина, который только с декабря 1665 до середины января 1666 года в окрестностях Шуи, Гороховца, Мурома, Вязников и Костромы, выявил около 100 человек, не принявших церковную реформу. В дальнейшем действия против раскольников были перенесены перенесены из лесов в густонаселенные низовья Оки и Клязьмы [3,49–55].

В 1722 году по указу Петра I и по определению св.Синода Гороховец с уездом и дворцовая Ярополческая волость с Вязниковской слободой в целях «борьбы с расколом» были приписаны к Нижегородской епархии [4]. Возглавлял епархию архиепископ Питирим, бывший «расколоучитель», впоследствии прославившийся, как ревностный обличитель церковного раскола, обративший к господствующему православию за 19 лет своего правления более 80 тыс. чел. [5, 99]. В Нижегородской епархии Гороховецкий уезд находился недолго – до 1726 года, но за эти 4 года в официальное вероисповедание было обращено 2223 старообрядца, а в Вязниковской округе – 10450. Также было немало собрано со староверов окладных денег [5, 82].

Следующий значительный наплыв переселенцев-старообрядцев произошел в 1812 году. Спасаясь от нашествия Наполеона, жители

Москвы, бежали в соседние губернии. Много беглецов прибыло во Владимирскую губернию, среди них было немало староверов [6,32].

2. Деятельность православного Братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в Гороховецком уезде. В 1879 году во Владимире было учреждено православное братство, получившее имя князя Александра Невского, провозгласившее своей целью религиозно-нравственное просвещение народа в духе православной церкви» [7]. Одно из направлений его работы – борьба с церковным расколом и «раскольниками». Подробная ежегодная летопись жизни братства отражена в отдельно изданных отчетах за 39 лет его существования.

Из отчетов Братства мы узнаем, что ни один из уездов Владимирской епархии не был «заражен в такой степени расколом, как Гороховецкий». По числу «раскольников», которых здесь насчитывалось в 1896 году 12173 души обоего пола, он занимал первое место в епархии. «Раскол издавна свил себе здесь гнездо, развился, окреп и успел получить прочную организацию» [3,404].

Передаваясь из поколения в поколения, старообрядческое течение в Гороховецком уезде держало в своих сетях на рубеже XIX и XX вв. около 1/8 части всего населения уезда.

Численность старообрядцев Владимирской губернии в 1896 году.
(составлена на основе отчетов православного Братства)

Уезд	**Кол-во противораскольнических тделений Братства**	**Кол-во православного населения (обоего пола)**	**Кол-во старообрядцев (обоего пола)**	**Процентное соотношение староверов к православным**
Владимирский	4	129564	1185	1%
Александровский	2	92182	507	0,5%
Покровский	-	109652	3790	3,5%
Ковровский	-	119013	395	0,3%
Шуйский	-	139880	1480	1%
Вязниковский	-	77367	977	1,3%
Судогодский	-	85406	3213	3,8%
Гороховецкий	**3**	**93614**	**12173**	**13%**
Муромский	4	117050	2580	2,2%
Меленковский	3	128984	4150	3,2%
Суздальский	-	108556	?	?
Переславский	-	83771	?	?
Юрьевский	-	97400	-	-
Всего	**16**	**1242559**	**30450**	**2,5%**

Для борьбы с расколом в Гороховецком уезде братством были открыты 3 отделения: в г. Гороховце и селах Фоминки и Пестяки. Деятельность этих отделений состояла в следующем:

1) ведении миссионерами и некоторыми из священников публичных бесед с «раскольниками» о спорных предметах веры и обряда;

2) ведении священниками частных бесед со старообрядцами,

3) произнесении священниками с церковного амвона проповедей, направленных к обличию раскола;

4) ведении священниками при участии некоторых дьяконов и учителей церковно-приходских школ внебогослужебных собеседований и публичных чтений о расколе;

5) выдаче для чтения книг и бесплатной раздаче брошюр «противораскольнического» содержания;

6) привлечении в церковно-приходские школы детей староверов и религиозно-нравственное в строго православном духе воспитание и обучение их в этих школах [1,402].

Из этих способов борьбы с расколом особенно широкого развития достигли публичные беседы со старообрядцами. Они велись не только специальными миссионерами Братства Тимофеем Николаевым и Арсением Суриновым, но и многими из приходскими священников, из коих наибольшим усердием отличались следующие села:

Татарово – о. Иоанн Сахаров;

Пестяки – о. Василий Голубев и о. Леонид Кантов;

Свято – о. Сергий Александровский о. Александр Беневоленский,;

Купля – о. Петр Богословский;

погост Архангельский – о. Михаил Кохомский и о. Иоанн Троицкий;

погост Вознесенский – о. Дмитрий Кантов;

Сергиевы Горки – священники Постников, Е. Никольский, В. Голубев, Руберовский;

Красное – о. Иоанн Афенский [1,405; 8,33].

По мнению членов Братства, все проведенные ими публичные беседы свидетельствовали о том, что «раскольники Гороховецкого уезда, за немногим исключениями, представляют собою темную, невежественную массу, среди которой легко распространяются всякого рода вымыслы, суеверия и предрассудки» [1,412]. Подобные стереотипы приводили иногда к казусным ситуациям. Например, в 1895–96 годах нашумевшим стало дело о «раскольнических действиях» крестьянки д.Куприяново Красносельского прихода Гороховецкого уезда Авдотьи Ивановны Орловской, старообрядки Спасова согласия. Сведения о нем

запечатлены в отчетах Братства, документах Владимирской духовной консистории и журнале «Братское слово».

Орловский Денис Петрович 67 лет православного вероисповедания обратился к благочинному 1-го округа Гороховецкого уезда о. Петру Обтемперанскому с жалобой на свою жену, которая якобы, раскольническими молитвами грозит ему смертью, за несогласие обратиться в старую веру. В доказательство он принес найденное у жены письмо от костромских скитниц-старообрядок, где указывалось, как следует «из воску сделать человека, закопать его в землю и молиться 6 недель за упокой его» [11,8]. Владимирская духовная консистория направила письмо земскому начальнику Гороховецкого уезда с требованием наказать преступницу. Однако земский начальник Н.Ф.Красношеков не нашел статьи в законе, по которой можно рассматривать этот случай в судебном или административном отношении [11,5–6]. Тогда было начато целое расследование внутри епархии, в результате которого обвинить незадачливую жену удалось лишь в «совращении православных в раскол». Что касается письма костромской скитницы матушки Тарсиды, то оно было передано миссионерам Братства и вскоре опубликовано в качестве нелепости в журнале «Братское слово» в 1895 году с весьма не лестными комментариями от составителя журнала в адрес старообрядчества в целом [18, 33–35].

3. Разделения в старообрядчестве, существовавшие в Гороховецком уезде. Преобладающей по числу своих членов староверческих ответвлений в Гороховецком уезде являлась беспоповщина, не признающая таинства священства. В целом, по Владимирской губернии они составляли основную массу старообрядцев, и их количество в 4 раза превышало поповцев. Но влияние беспоповцев ослаблялось внутренними раздорами и дроблениями на более мелкие толки, считающие друг друга еретическими [6,34]. В Гороховецком уезде были представлены поморский, федосеевский и нетовский толки.

Центром беспоповцев–нетовцев (Спасово согласие) являлись приходы Фоминский и Растригинский приходы (сс.Фоминки, Растригино, Свято, Индрус), где проживала большая часть нетовцев всей Владимирской губернии [6,37]. В свою очередь приверженцы этого течения разделялись на староспасовцев и новоспасовцев или, как они себя называли, на малоначальников и большеначальников [10,38]. Попытка воссоединения, предпринятая в 1913 году, привела к еще большему расколу, породив особое течение «среднего начала» [13, 428].

Во главе всей нетовщины в конце XIX века стоял ковровский купец Николай Авдеевич Першин, влияние которого распространялось за переделы Владимирской губернии. В начале XX века появляется еще один руководитель – богатый лесопромышленник, рязанский купец Акинфий Гаврилович Лаптев. Поселившись в Вязниковском уезде, он сблизился с Першиным и не жалел средств для приглашений выдающихся наставников нетовщины из других губерний на публичные беседы с православными миссионерами и священниками в д.Сергиевы Горки, д.Куприяново, с.Красное Гороховецкого уезда [10,38–39].

Обществом нетовцев руководило множество наставников и наставниц, которыми, обычно, состояли старые девы. На рубеже XIX и XX веков из местных наставников наиболее видными были следующие:

Никита Данилов Гущин (д. Тараново, приход с Свято). Славился начитанностью, подвергался полуторагодичному тюремному заключению, за что почитался как мученик за веру. Обладая даром слова, он умел искусно перетолковать по-своему многие места старопечатных книг. Это и доставило ему особенное уважение со стороны староверов.

Иван Иванов Дубов (д. Внуково, приход с. Кожино).

Василий Степанов Хромушин (с. Пестяки). Последователь Ковровского «расколоучителя» Першина, находился с ним в близких отношениях.

Дарья Иванова (д. Овинищи Бережковского прихода). Начитанностью не отличалась, но пользовалась большим уважением. Зная это, приходский священник о. Леонтий Троицкий обращал особенное внимание на эту наставницу и устраивал несколько частных бесед в ее доме в присутствии многих других нетовцев.

Беспоповцы-поморцы (Поморско-брачное согласие). Беспоповцы этого толка были не так многочисленны, как нетовцы. Их средоточием служила д. Выезд Красносельского прихода. Поморцы не пользовались расположением со стороны староверов других толков, особенно не любили их нетовцы и в насмешку звали «перекувырдышами» за то, что они перекрещивали всех переходящих к ним крестьян [3, 413]. Видимо по той же причине в документах православных священников они иногда именовались «сектой перекрещиванцев» [14].

В конце XIX века во главе поморцев стояли Михаил Денисов Чернов (с. Кром) и Никита Иванов Мозолькин (д. Голышево Пестяковского прихода). Последний пользовался известностью преимущественно за свою «писательскую» деятельность. Он сочинил «Ответы на вопросы» и отпечатал на гектографе во множестве экземпляров. Вопросы были даны ему

миссионером Т.Николаевым и священником села Пестяки В. Голубевым. Эти «Ответы» быстро распространились по Гороховецкому уезду и пользовались популярностью у староверов настолько, что местный священник о. Василий Голубев счел необходимым дать их опровержение на страницах журнала «Братское слово» [3, 413].

В начале XX века влияние поморско-брачного согласия в Гороховецком уезде возрастает благодаря авторитету разбогатевших крестьян-предпринимателей Шориных из д. Выезд. На первом Московском Всероссийском соборе христиан-поморцев в 1909 году Владимирскую губернию представляли 11 человек и среди них сразу три члена семьи Шориных: Аким Федорович Шорин, Иван Александрович Шорин (1860–1918) и его сын Михаил Иванович Шорин [15].

И. А. Шорин пользовался в Гороховце и уезде большим уважением и долгое время состоял гласным уездного Земского Собрания. Был мастером по металлу, в 1890-х годах руководил мастерскими на Кубани. Накопив капитал, вернулся в Гороховецкий уезд и основал здесь свое производство. Много занимался благотворительностью. На его средства были построены детский приют и пожарное депо в с. Красном (с 1961 года в черте г. Гороховца), а также старообрядческая поморско-брачного согласия школа в д. Выезд. Торжественное открытие школы состоялось 13 ноября 1912 года в праздник Св. Иоанна Златоустого [16]. Школа была рассчитана на 100 человек учащихся, но могла вместить и больше, в день открытия записалось 76 детей [16].

В советское время школьное здание использовалось под начальную общеобразовательную школу. До наших дней здание не сохранилось, по рассказам старожилов, сгорело в 1950-е годы. Молельный дом в д. Выезд существовал и использовался вплоть до середины XX века и был уничтожен во времена хрущевских гонений на религию. До наших дней сохранилось одно из немногих культовых сооружений, напоминающих о старообрядческой общине. Это небольшая часовня, построенная вероятно в начале XX века. Местные жители называли данное сооружение «часовня», «часовенка», «столбик» [17].

Беспоповцы-федосеевцы. Главным отличием этого течения являлось непризнание таинства брака. Живя разбросанно по деревням и селам уезда, они не пользовались таким признанием, как староверы других толков. Не было между ними и особенно видных наставников [6,34].

Поповцы делились здесь на два толка: беглопоповцев и принимающих австрийское священство. Беглопоповцы на территории Владимирской губернии встречались лишь единицами и только в Гороховецком и Меленковском уездах [6, 34].

Поповцы–австрийцы (Белокриницкое согласие). Австрийцы, которых староверы других течений называли «немцами», тоже были немногочисленны. Центром служили с. Пестяки и д. Перово Вязниковского уезда [1,441], но причисленная к приходу Георгиевской слободы Гороховецкого уезда.

В этом направлении старообрядчества движущей силой был епископ уральский и оренбургский Арсений (О.В.Швецов). В конце XIX века в д. Перово у приверженцев австрийского священства имелась молельня в доме Федора Ивановича Лабзина – зятя Онисима Васильевича Швецова, крупного деятеля старообрядчества, в 1897 году ставшего епископом уральским и оренбургским Арсением. Здесь служил литургии и сам Швецов, во время своих приездов на родину [1,424,441].

Родился О. В. Швецов в деревне Ильина Гора Вязниковского уезда, в 1840 году в семье крестьян-беспоповцев. Окончил трехклассное училище первым учеником. Поступив на службу к ковровским купцам беспоповцам Першиным, познакомился с архиепископом московским Антонием (Шутовым), беседа с которым произвела на него глубокое впечатление. Убедившись для себя в правоте и законности белокриницкой иерархии, в середине 1860-х годов Швецов присоединился к Древлеправославной Церкви и постепенно выдвинулся в ряды первейших начетчиков и апологетов старообрядчества. В 1885 году он был рукоположен в священноиноки под именем Арсений. После смерти еп. уральского Виктора, Арсений был избран на уральско-оренбургскую епархию и 21 октября 1897 года рукоположен во епископы. Его деятельность в качестве архиерея связана с проведением ежегодных Всероссийских съездов старообрядцев белокриницкого согласия. В 1898 году епископ Арсений был избран местоблюстителем московской архиепископии. При его ближайшем участии в октябре 1898 года состоялось избрание и возведение на московский престол архиепископа Иоанна (Картушина). После дарования свободы совести в 1905 году он занимался примирением раздора неокружников. Скончался еп. Арсений 10 сентября 1908 года и был погребен близ храма в г.Уральске (Казахстан) [18,53–54].

В доме Яшина помещалась значительная старообрядческая библиотека составленная самим Швецовым. В ней хранилось более 200 рукопи-

сей и книг. Подобные старообрядческие библиотеки, вероятно, существовали и в других местах Гороховецкого уезда. Во всяком случае во многих местах старообрядцы выходили на беседы с православными миссионерами, запасшись подпольными гектографированными и рукописными тетрадками, из которых заимствовали свои возражения. Распространение подобных произведений в значительной степени содействовал все тот же О. В. Швецов, который в каждый свой приезд на родину привозил с собою для раздачи староверам массу разных книг и брошюр [6, 32].

Из второстепенных руководителей «австрийцев» в Гороховецком уезде на рубеже XIX и XX веков наиболее видными являлись крестьяне Афанасий Васильевич Григорьичев и его сын Василий (д. Кашари Верхне-Ландеховского прихода), а также Иван Егорович Кукин (с. Пестяки), известный благодаря частым встречам с епископом Арсением [1, 442].

В с. Пестяки старообрядческая община белокриницкого согласия была зарегистрирована в 1908 г. В 1912 году на старообрядческом кладбище на южной окраине села была сооружена каменная церковь Троицы Живоначальной австрийского толка, разрушенная в середине XX века [21]. Приверженцы австрийщины жили и в самом г. Гороховце. Но здесь борьба с расколом велась намного тверже, нежели в уезде. Об этом можно судить по случаю принудительной конфискации у мещанок Рыбиных «раскольнических вещей» в феврале 1854 года. Среди конфискованных предметов была найдена некая рукопись «Великое Зеркало». Владимирская Канцелярия военного и гражданского губернаторов, разглядев в рукописи «раскольническое» содержание, передала ее в Духовную консисторию [22].

Единоверие. Как известно Единоверческая церковь была утверждена императором Павлом 27 октября 1800 года, как форма воссоединения старообрядцев с православной церковью. Сторонники единоверия при сохранении древних богослужебных обрядов должны были признавать юрисдикцию Московского Патриархата. В Гороховецком уезде случаи перехода старообрядцев в единоверие были нечастыми, поскольку самым распространенным староверческих течением здесь была беспоповщина, не признающая священства.

Любопытны противоположные случаи перехода крестьян из православия в единоверие, что было изначально запрещено в 1800 году: «… а церкви нашей православной доселе бывших до такого перехода не допускать» [23,20]. Так, в 1873 году во Владимирскую духовную консисторию обратился крестьянина д. Большие Жабы Гороховецкого уезда Андрей Константинович Данилов с прошением отчислить его с

семейством от православия в единоверие. В письме он уверял, что с малых лет, как и вся его семья, придерживался древних обрядов и православный храм с. Якушева не посещали, а исповедовались и причащались в ближайшем единоверческом храме с. Пурех Нижегородской губернии [23,1–3]. Духовная консистория провела целое расследование, в результате которого выяснилось, что в исповедных книгах якушевской церкви записи о Даниловых имеются, а в пурехском единоверческом храме – нет. Консистория, решив, что Даниловы приверженцы господствующего православия, отказала им в прошении [23, 22].

Интересен также факт попытки создания единоверческой церкви в Гороховце, показывающий, что староверческое течение существовало не только в уезде, но и в самом городе. В июне 1874 года в Городскую Думу и Владимирскую духовную консисторию поступило прошение от гороховецкого мещанина Андрея Прокофьевича Гурова с просьбой о преобразовании Сретенской теплой церкви в единоверческую. К письму приложены подписи 36 крестьян ближайших к городу деревень Княжичи, Агафоново, Слукино, Морозовка, Егорьевской слободы и прихода Архангельского погоста. Данное прошение подняло волну возмущений, воспротивились и местный благочинный, и городская Дума, и общественность. [24, 10–11об.]. В ходе разбирательства было решено: «Ходатайство Гурова, как совершенно не основательное, оставить без последствий с тем, чтобы Гуров с подобными просьбами в Думу никогда не обращался» [24,17].

Так в Гороховце была сломлена попытка примирения старообрядцев с господствующим православием. В уезде единоверческие храмы были организованы достаточно поздно, лишь в начале XX века. Не раз поднимался вопрос о строительстве «раскольнической» (в 1897 году), а потом и единоверческой церкви (в 1906 году) в д. Перово, находящейся на границе Вязниковского и Гороховецкого уездов [25]. В д. Сорвиха (ныне – ур. Семеновка Муромского района) деревянный храм был построен в самом начале XX века и только перед революцией заменен каменной церковью Рождества Христова. В 1906 году появилась Николаевская единоверческая церковь в с. Тараново [26].

После событий 1917 года немногочисленные старообрядческие и единоверческие храмы были закрыты, насаждаемый силою атеизм многие гороховецкие старообрядцы воспринимали примерно также, как их предки реформы патриарха Никона в XVII веке. И так же, как тогда некоторые укрывались в заклязьменских лесах, о чем свидетельствует старожилы-лесничие и упоминания в литературе.

Но с самого начала старообрядчество не было единым движением уже с конца XVII века. С утратой иерархии, а также из-за стремления к замкнутости, оно раскололось на множество толков и согласий. Во многом именно внутренний раскол помешал противостоять власти, господствующей церкви и в последующие века создать мощное признанное религиозное движение.

В границах небольшой территории – Гороховецкого уезда, можно проследить исторический путь старообрядчества, оно пережило немало периодов значительного развития и заметного спада, но, несмотря на гонения, сыграло большую роль в духовном развитии русского народа.

Библиография

1. Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895–1896 год. – Вязники, 1897.

2. *Андреев Н. И., Скворцов А. И.* Гороховец: Ист.-краевед. Очерк. – Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1988.

3. *Андреев Н. И.* Гороховецкая историческая хроника. – Сборник краеведческих статей, выпуск третий. – Владимир, 2008.

4. *Касаткин В. В.* О бородачах и раскольниках, чтоб за бороду пошлину платили и в указанном платье ходили. / Владимирская ученая архивная комиссия. Труды. Кн.I. – Владимир, 1899.

5. *Макарий, архим.* История Нижегородской епархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархов с 1672 по 1850 года. – СПб, 1857.

6. Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1897–1898 год. – Вязники, 1899.

7. *Попова М. П.* История и деятельность «Православного братства святого Александра Невского» при Рождественском монастыре города Владимира (1879–1918 года) // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. – Новгород: «Новгородский гос. объед. музей-заповедник», 1996.

8. Отчет о деятельности Братства святого благоверного великого князя Александра Невского за 1891–92. Н.: Печатня В.Паркова, 1893.

9. Чем «замечательна» личность расколоучителя Онисима Швецова // Братское слово. – 1899. – №2.

10. Братское слово. – 1898. – №7 (сент.).

11. О раскольнических действиях крестьянки Авдотьи Ивановой, проживающей в д.Куприянове Гороховецкого уезда // ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.3849.

12. Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1895 год. – М.: Синодальная типография, 1895.

13. Извлечение из отчета о противостарообрядческой и противосектанской деятельности Братства Св. Благ. Великого кн. Александра Невского за первую половину 1913 года // Владимирские епархиальные ведомости. – 1913. – №20 (15 мая).

14. Об увещании раскольников д. Выезд // ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.1163. Л.12.

15. Деяния первого Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак. – Москва, 1909.

16. Щит веры. – 1913. – №7.

17. Шашкина А.А. Что можно – нужно сохранить. // Новая жизнь [Гороховец]. – 2016. – №27.

18. Старообрядческий церковный календарь. 1968.

19. Мощи святителя Арсения перенесли в храм // «Уральская неделя». – 2011. – 26 сент.

20. Епископ Арсений Уральский. Истинность старообрядствующей иерархии противу возводимым на неё обвинений. 1885. [ЭР: Семейские староверы забайкалья]

21. Церковь. – 1912. – №7 (от 12.02)

22. О конфискации раскольнических вещей у гороховецких мещанок Рыбиных // ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.1662.

23. Об отчислении крестьян деревни Больших Жабок Гороховецкого уезда Андрея Данилова из православия к единоверию // ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.2898.

24. Об обращении Сретенской теплой церкви г.Гороховца в единоверческую // ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.2997.

25. Об устройстве раскольнической церкви в д. Перово Вязниковского уезда // ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.3991; Об отводе крестьянами д.Перово общественной земли под единоверческий храм // ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д. 4590.

25. Метрические книги Николаевской единоверческой церкви с. Тараново (1906–1918), Христо-воздвиженской церкви с. Семеновка (1907–1917) Гороховецкого уезда. // ГАВО. Ф.590.Оп.25. Д.4.

ГЛАВА 3

МУСУЛЬМАНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ

1. Ислам и его проникновение на Восточно-Европейскую равнину. История ислама как мировой монотеистической религии дает нам представление об основных механизмах его распространения на огромных пространствах Евразии и Северной Африки в ходе создания Арабского халифата, а также дальнейшего продвижения мусульманского вероучения в процессе мирных и немирных соприкосновений этносов на разных континентах.

Эти механизмы определялись изначально проповедями Пророка Мухаммеда на территории Аравийского полуострова, далее завоевательными движениями, но не только: существовала и мирная проповедническая деятельность. Степень воздействия мусульман на население завоеванных ими территорий и масштабы добровольного принятия новой веры от носителей ислама в качестве своей религии зависели от исторических условий, в которых жили те или иные этносы, и во многом от того, какую религию они исповедовали в момент появления на их земле мусульман.

К моменту возможного влияния ислама на население Владимирского края произошло массовое включение в конфессию самых разных народов, среди которых весьма значимую часть составляли тюрки. Рожденная в Аравии в VII в. н. э. религия распространялась по разным направлениям. Нас интересует её движение в северном направлении и самая северная точка распространения, связанная со Средним Поволжьем. Краем исламского мира стала этническая общность волжских булгар, среди которых традиционно было много мусульман.

Созданное волжскими булгарами государство приняло ислам в качестве официальной религии в 922 году, факт, подробно описанный ибн-Фадланом, посетившим Волжскую Булгарию в качестве секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира [1].

А в 988 году крестилась Русь, согласно свидетельству «Повести временных лет» отказавшаяся от варианта принятия ислама в ходе выбора веры киевским князем Владимиром [2].

Для мусульманского мира волжские булгары, принадлежавшие к тюркской языковой общности, были «самыми северными мусульманами», а для православного мира Северо-Восточная Русь с её финно-

угорским и славянским населением, также была краем распространения вероучения, но православного.

Финно-угорские народы (мурома, мещера, мордва), жившие в Окско-Клязьминском междуречье, будучи язычниками, представляли достаточно благоприятную среду для утверждения монотеистических религий (от политеизма легче переходить к монотеизму, нежели от одного монотеизма к другому), но исторически они оказались под влиянием не ислама, а православия.

Булгары, в среде которых ислам утверждался еще до их переселения на Среднюю Волгу, локализовались восточнее реки Суры. Они не набрали ещё в VII-IX вв. того внутреннего потенциала, который мог позволить им влиять на соседние народы с целью исламизации. Во многом, поэтому финно-угры оказались в поле влияния православия, а, в конечном итоге, и значительного ославянивания.

История Киевской Руси пришла к раздробленности и созданию, в частности, Владимиро-Суздальского княжества, православного по своей духовности. А история Волжской Булгарии дала пример развития общества под духовным влиянием ислама. Монотеизм жителей и той и другой стороны укреплялся, тем самым усиливая идеологически и то и другое государство.

В сложившихся исторических обстоятельствах политического противостояния Владимиро-Суздальского княжества и Волжской Булгарии на протяжении ряда веков не было оснований для движения ислама на запад (равно как и движения христианства на восток). Причина тому – четко сложившееся христиано-мусульманское пограничье.

2. Первые соприкосновения христиан и мусульман на владимирской земле: доордынский период. Таким образом, в ранний период истории владимирских земель (применительно к землям современной Владимирской области) можно говорить о соприкосновениях местного финно-угорского населения: политеистического, а затем православного, христианского, с мусульманами. Но не о принятии ислама коренными жителями края. Причем процесс появления мусульман на владимирской земле и характер соприкосновений мусульман и православных качественно менялся и был чрезвычайно неровным по своей сути. В истории Владимирского края мы не знаем о фактах проповеднической деятельности волжских булгар-мусульман.

Источники не дают нам материала о расселении отдельных групп булгар-мусульман на территории современной Владимирской области.

Тем не менее, существуют свидетельства об имевших место соприкосновениях и следовавших за ними взаимодействиях мусульман с жителями владимирских земель.

Однако рычаги передачи знания об основах мусульманского вероучения, которые были широко распространены на завоеванных мусульманами землях: экономические (снижение налогового бремени на представителей завоеванных территорий, принявших ислам), убеждение словом, широкая проповедническая деятельность на владимирских землях «не работали». Для доордынского периода исторические обстоятельства, способствовавшие узнаванию ислама – это, прежде всего торговые связи. Самый верный путь влияния – это торговля. В ходе торговых взаимодействий так или иначе не только происходит обмен товарами, но идет и узнавание друг друга с точки зрения понимания мира и норм поведения в нем.

Первое появление мусульман в пространстве современной Владимирской области может быть следствием наличия торговых связей, существовавших в пределах Волжского торгового пути. Специалисты, исследующие историю Волжского торгового пути, считают, что река Клязьма входила в систему передвижения кораблей и грузов по Волге [3,302]. Они утверждают, что водный путь способствовал расселению и земледельческому освоению Северо-Восточной Руси, созданию, среди других, таких городов как Муром, Суздаль, Ростов, позже Владимир.

Владимирские земли, будучи частью того пространства, которое охватывал своей деятельностью Великий Волжский путь, находились приблизительно в середине транспортной водной артерии, если проследить её от Северного и Балтийского морей до Каспия.

Понятно, исходя из функциональных соображений, что пребывание на территории Владимирского края торговцев-мусульман было временным, Волжская Булгария играла роль северного форпоста мусульманского торгового мира. По отдельным археологическим «следам» мы можем судить о контактах жителей владимирских земель с носителями ислама. Например, «в курганах Владимиро-Суздальской Руси найдены иранские и среднеазиатские шелковые ткани» [3,317]. Посредниками в торговле между Русью и мусульманами-среднеазиатами, мусульманами-персами и др. выступали арабские купцы, которые дальше Булгара не ездили, довольствуясь богатым местным, во многом перекупным транзитным рынком. «… булгарские купцы продавали арабам меха, выменянные у северных народов» [3,305]. Это значит, что булгары долгое время жили на территории того поселения,

куда они прибывали, скорее всего по торговым делам. Как утверждает М.Полубояринова, «Булгарскую керамику в небольших количествах содержат и многие памятники Северо-Восточной Руси. Во Владимире и Суздале она появляется в X-XI вв., в XII в. составляет доли процента. На селище Гнездилово-2 близ Суздаля в слоях X-XII вв. также встречены фрагменты булгарских глиняных сосудов». По мнению автора, булгарская керамика привлекала жителей Руси, так как выглядела много наряднее, чем русская глиняная посуда. И речь не только о керамике, но и металле: медь как металл поступала на Русь предположительно от булгар или, скорее, через булгар [4,323].

«Едва ли в какой-либо другой стране средневекового мира, – писал академик Б. Д. Греков, – можно встретить так много перекрестных культурных влияний, как на Руси. Византия, народы Востока и Кавказа, Западная Европа и Скандинавия кольцом окружали Русь. Персидские ткани, арабское серебро, китайские материи, сирийские изделия, египетская посуда, византийская парча, франкские мечи и т. д. шли на Руси и, конечно, служили не только предметами потребления богатых классов русского общества, но и образцами для художественного творчества русских мастеров» [5, 396–397].

К сожалению, как это часто бывало в мировой истории, народы узнавали друг о друге в ходе войн. Так же было и в этноконфессиональных взаимодействиях восточных славян и булгар. Знаний об исламе у жителей Владимирской земли было немного. «Северо-восточное летописание включает в себя целый ряд летописей, сохранившихся в более поздних летописных сводах, таких, как Радзивилловский (конец XV века), Московский Академический (XV век), летописец Переяславля Суздальского (ЛПС) (список 60-х гг. XV века) и Лаврентьевский список (1377 г.). Текстологическое сличение их позволило выявить, что в их основе лежат три владимирских великокняжеских свода: 1177, 1193, и 1212 гг. Содержавшиеся в них сведения о Волжской Булгарии, сохранившиеся в составе более поздних летописных сводов, и составляют основной тезаурус древнерусских знаний о булгарах и их стране» [6,29].

А. А. Кузнецов выделил цепь фактов, показывающих взаимоотношения Владимирского княжества и Волжской Булгарии. «Давайте посмотрим, – писал он со ссылками на письменные источники, – что можно узнать из русских летописей (Лаврентьевской, Ипатьевской, Ермолинской, Типографской, Никоновской, Холмогорской и др.) о Булгарии XII – первого сорокалетия XIII вв. До этого времени о булгарах знаем крайне мало: к этому периоду можно подверстать сообщение

X в. о том, что булгары ходили в сапогах; булгары предлагали князю Владимиру принять ислам; в 1024 г. во время голода на Руси ее жители из Булгарии привезли суда с хлебом; в 1088 г. булгары напали на Муром. В 1107 г. булгары совершили набег на Суздаль, следствием чего стало возведение Владимира и Пирова городища в 5 км на восток от Вязников. В 1117 г. булгары отравили половецких ханов, среди которых был Аепа, возможно, тесть Юрия Долгорукого. В 1120 г. ростовский князь Юрий Владимирович Долгорукий совершил удачный поход на Булгарию. В 1164 г. его сын Андрей Боголюбский взял штурмом Бряхимов и еще три города…. В 1172 г. Мстислав Андреевич совершил дерзкий рейд на Булгарию; булгары прекратили преследование, как только князь достиг устья Оки. В 1183 г. Всеволоду Большое Гнездо удалось организовать почти общерусский поход на Великий город, в котором ученые видят Биляр. Затем его воеводы устроили рейд на булгар в 1185 г. … В 1223/1224–1229/1230 гг. шла вялотекущая русско-булгарская война, на которую накладывались столкновения Владимирского княжества с мордвой» [7].

Из этой цепи событий наиболее ранним применительно к территории Владимирского края является краткое упоминание о захвате Мурома булгарами. Р. Г. Ланда комментирует поход на Муром в 1008 году следующим образом: «…территориально-политические споры не раз сталкивали булгар и древних русичей. Известно, например, что булгары старались отбить у Киева земли народов, ранее входивших в Булгарское царство или же признававших себя его данниками. В частности, в 1008 году они захватили Муром – центр ранее подвластного им финского племени мурома, впоследствии ославянившегося» [8,22]. Предпринятое булгарами наступление на Муром не было успешным. Позже, как предполагает И. Измайлов [9,372], булгары поддерживали мордву, напавшую на Муром в 1103 году, то есть они не оставляли намерений расширять своё жизненное пространство в западном направлении. Таким образом, хотя территория Владимирского края не была завоевана булгарами, известны отдельные вторжения на неё, предпринятые из Волжской Булгарии.

Современные исследователи часто упоминают, что отношения Руси и Волжской Булгарии развивались неровно: то Владимиро-Суздальское княжество воевало с Волжской Булгарией, то отношения выглядели вполне добрососедскими. Подтверждением тому обычно служит летописное свидетельство о помощи булгар славянам во время голода 1024 года. «… В год 6532 (1024)… восстали волхвы в Суздале; по

дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили» [2,8]. Составители книги по истории Владимирской мусульманской общины О. Л. Романова и М. А. Клюквин выделили из летописных свидетельств наиболее яркие факты взаимодействия Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии в экономической, военной и дипломатической сферах, поставив на особое место помощь булгар славянам в голодные годы [10,4–5].

Если вновь обратиться к событийному ряду, то в кратком изложении С.М.Соловьева военные действия времен правления Андрея Боголюбского выглядели следующим образом: «…Андрей Боголюбский с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием удачно воевал с камскими болгарами, перебил у них много народу, взял знамена, едва с малою дружиною успел убежать князь болгарский в Великий город; после этой победы Андрей взял славный город болгарский Бряхимов и пожёг три другие города» [11, 523]. Речь идет о конкретных событиях 1164 года. Именно тогда, во времена походов русских войск на Волжскую Булгарию великим князем в 1168 году был основан город Гороховец, на той земле, на которой славяне селились ещё с XI века. Это пример укрепления восточных границ Владимиро-Суздальского княжества в условиях политического противостояния. И вместе с тем некое основание для дальнейших соприкосновений христиан и мусульман на восточной границе православного мира.

Говоря о проникновении мусульманских идей на территорию Владимирского края, следует подчеркнуть, что в доордынский период благоприятных условий для этого было немного. Исключение составляет торговый обмен, в ходе которого были возможны отдельные соприкосновения и редкие коммуникации конфессионального характера, возможно и рождение детей от смешанных браков. В целом же обстановка соприкосновения между Владимирским княжеством и Волжской Булгарией (откуда могло идти распространение ислама) была сложной и нестабильной. Те контакты православных жителей владимирских земель с волжскими булгарами-мусульманами, которые происходили в ходе военных столкновений, нельзя назвать позитивными, поскольку проливалась кровь, а в исторической памяти они оставались как конфликтные.

3. Взаимодействия христиан и мусульман на владимирской земле в ордынский период. XIII век – особое время в отечественной истории и переломное, если вести речь о тех мусульманах, которые могли

влиять и влияли на жизнь людей Владимирского края. Прежде всего, следует сказать, что меняется внешний мусульманский фактор влияния на территорию княжества. Если ранее основным воздействием на владимирцев (с точки зрения знакомства с идеями ислама) были волжские булгары, то в 1236 году после захвата ордынцами Волжской Булгарии и прекращения её существования как сильной политической единицы, влияние ислама идёт от тех мусульман, которые составляли часть воинства Бату-хана. Есть свидетельства о том, что в ходе завоевания Волжской Булгарии некоторые представители булгарской среды бежали от монголов и просили убежища у князя Юрия Всеволодовича, который «повелел их развести по городам около Волги и в другие» [10,5].

Внук великого завоевателя Чингиз-хана, сын Джучи – Бату, сумел покорить огромные пространства Восточно-Европейской равнины и, по сути, стать основателем новой державы, выделившейся из Монгольской империи. «Под его власть, – сообщает источник, – подпали все земли племен Туркестана, начиная от Хорезма, булкар, буртасов и саклабов до пределов Рума; он покорил в этих краях все племена кипчак, канглы, йемек, ильбари, рус, черкес и ас до моря Мраков, и они все подчинились ему» [12,45]. О пространстве Джучиева улуса говорят и другие источники. Например, Джамал ал-Карши в своем сочинении «Ал-Мулхакат би-с-сурах», написанном в конце XIII столетия, отмечал, что Бату принадлежали владения: «Хифчак, Рус, Черкас, страна Ас, Булгар, Укак, Джанд, Барчканд, Джурджанийа Хорезма и другие территории до пролива ар-Рума» [13,70].

Отметим, что войско Бату (по русским летописям хана Батыя) было весьма неоднородно по конфессиональному признаку: в нем были и тенгрианцы, и христиане разных толков, и, конечно, мусульмане. Официальной религией ислам станет в Орде только в 1312 году по распоряжению хана Узбека (1312–1342), тогда, когда Золотая Орда достигнет пика своего расцвета. Но это отнюдь не означает, что между 1236 и 1312 годом не было возможностей контактов православных и мусульман, в том числе контактов на владимирской земле. Конечно, военный поход Бату-хана на Русь не способствовал установлению дружеских отношений. Тем не менее, узнавание ислама продолжалось хотя бы вследствие того, что земли Руси стали окраиной Золотой Орды, а сами представители формирующегося русского этноса называли свою землю улусом, понимая необходимость принятия «выхода» как данности [14,234].

Летописные свидетельства о походе Бату-хана на Русь полны трагических эпизодов. К 3–7 февраля 1238 года относится осада и взятие столицы Владимиро-Суздальского княжества города Владимира войском под руководством Бату-хана и военачальника Субеде. После взятия города Владимира летописец писал: «Пришла весть к великому князю Юрию: «Владимир взят, и церковь соборная, а епископ, и княгини с детьми, и со снохами, и с внучатами скончались в огне, а старшие твои сыновья, Всеволод с братом, вне города убиты, люди перебиты, а теперь татары идут на тебя». Князь же, услышав это, в слезах закричал громким голосом, оплакивая правоверную христианскую веру, и особенно сокрушаясь о гибели церкви, епископа и всех людей (ведь он был милостив), нежели о себе, о жене и о детях. И, вздохнув из глубины сердца, он сказал: «Господи, это ли нужно было тебе, милосердному?»» [15].

После захвата Владимира монгольские отряды рассыпались в разных направлениях. Кроме столицы, в феврале были разорены 14 городов княжества. «Батый направил свои отряды для захвата Юрьева-Польского, Стародуба Клязьменского, Переяславля Залесского и других городов. Весь февраль горела Владимирская земля, в огне рушились города и села, исчезали деревни». «Тем временем великий князь владимирский Юрий Всеволодович, только что узнавший о трагедии, постигшей столицу и его семью, собирал силы для борьбы с врагом в северных волостях княжества. В старом городище неподалеку от Костромы, на берегу Сити князь разбил свой лагерь. Здесь он рассчитывал получить подкрепление и дождаться новых полков из Новгорода Великого, где княжил его брат Ярослав… На берега реки Сити шли все, кто был в состоянии держать оружие. Получив известие о взятии Ростова и Углича, Юрий Всеволодович созвал совет, на котором решили направить для разведки трехтысячный отряд с воеводой Дорожем. Однако отряд попал в засаду и почти полностью был истреблен.

4 марта 1238 г. монголо-татарские войска внезапно напали на лагерь Юрия, и, несмотря на героизм, проявленный русскими воинами, одержали победу. В битве пали владимирский князь Юрий Всеволодович, воевода Жирослав и многие другие военачальники, а ростовский княжич Василько был взят в плен и замучен за отказ перейти на службу к Батыю» [16]. Мусульмане были склонны считать, что «по благодати мусульманства перешли во власть его (Берке – авт.) земли кипчакские, саксинские, булгарские, саклабские и русские, до северо-восточных пределов Рума, Дженда и Хорезма» [12,49]. Именно силой ислама завоеватели объясняли результат военного похода Бату-хана.

К крупным вторжениям ордынцев в Северо-Восточную Русь относятся такие, как Неврюева рать (1252 год) и Дюденева рать (1293). С. М. Соловьев напрямую связывает Неврюеву рать с разделом власти между Александром и Андреем Ярославичами. Сын Батыя Сартак поддерживал Александра: «Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую» [17].

Во владимирском летописании отразилась оценка русско-ордынских отношений после похода воинства Бату-хана, в частности, «Дюденева рать» 1293 года. Под именем Дюдень был известен ордынский военачальник Тудан. Это нашествие рассматривается в историографии либо как карательная экспедиция против восставших жителей Руси, либо как поход в поддержку городецкого князя Андрея Александровича, боровшегося с другими претендентами на владимирский престол, в том числе со своим братом, великим князем владимирским Дмитрием Александровичем. Тудан выступил на стороне Андрея. Первым пал Муром. За Муромом последовали Суздаль, Владимир и другие города (всего 14, столько же, сколько было разорено на владимирской земле во время похода Батыя). Ставленник Орды князь Андрей Городецкий поднялся на владимирский престол, оставаясь великим владимирским князем до самой своей смерти в 1304 году. Таким образом, внешний фактор в лице ордынцев, большей своей частью мусульман, влиял на ситуацию внутренней политической жизни Северо-Восточной Руси [18].

Власть Орды на Руси (в том числе появление мусульман-завоевателей на владимирской земле) рассматривалась как наказание русских людей Богом за их грехи, прежде всего, за братоубийственные междоусобные войны. Начало формирования антиордынской политической программы В.А.Кучкин относит к первой четверти XIV века [19,255]. Ю.В.Селезнев, развивая высказанную мысль, отмечал: «Показательно, что прямое отожествление зависимости Руси от Орды с «Вавилонским пленом» и, соответственно, идея временности данного явления появляется в русской письменной традиции с момента принятия ханом Узбеком ислама как государственной религии» [20,321].

Как было отмечено выше, именно в годы правления хана Узбека в XIV столетии, ислам был принят в Золотой Орде в качестве официальной религии. Из многочисленных этносов, населявших пространство Орды, наиболее значимым был тюркский, а не монгольский, представители которого составляли политическую элиту золотоордынского сообщества. Главной силой, консолидирующей весь тюрко-татарский

мир, стал мощный татаро-кипчакский этнос. Наиболее распространенным разговорным и официальным языком в Золотой Орде был тюркский язык, на основе которого сформировалось общегородское койнэ (огузо-кипчакского типа тюркского языка) и тюркский литературный язык – поволжский тюрки. Что касается языка делопроизводства и дипломатической переписки, то до второй половины XIV века использовались монгольский и персидский языки, затем – тюркский. Языком религии, философии и законоведения были арабский и персидский языки [21,97]. Зная о значимости тюркского компонента в жизни Золотой Орды, не представляется удивительным, что наибольшие соприкосновения насельников Владимирского края и мусульман в ордынский период были с тюрками-мусульманами. Именно они приходили на владимирскую землю в статусе баскаков в течение приблизительно столетия (с середины XIII до середины XIV века). От них могли появляться тюркизмы в русском языке.

По мнению П.Н.Травкина, опирающегося на материалы «Актов Русского государства 1505–1526 гг.», село Баскаки в Юрьев-Польском районе современной Владимирской области в какой-то период могло принадлежать сборщику дани (баскаку), отчего и получило такое название. Автор предположения о названии села исходит из близости Баскаков к древнерусскому административному центру – Суздалю [22, 37].

В современной российской среде существует интерес к теме уровня влияния ордынцев на жизнь людей Владимирской земли и масштабы их пребывания там. Однако скудость источников и предвзятость тех, кто берется за освещение указанных сюжетов, приводит порой к достаточно жесткому противостоянию и выплескивается в пространство СМИ, в частности, Интернета [23].

Сегодня российская историография склонна разделять ордынский период отечественной истории на неравнозначные по критерию зависимости Руси от Орды этапы. На смену жесткого давления XIII столетия со стороны завоевателей пришел период баланса в отношениях Руси и Орды (конец XIV века), а затем в условиях возвышения Москвы и создания Российского централизованного государства (XV век) сначала ослабление зависимости, потом полное её прекращение. Те же тенденции прослеживаются и на владимирской земле.

Рус-улус, как называли монголы русские земли, испытывал влияние общей ситуации в Орде. Принятие ислама как официальной религии не повлекло за собой исламизации православного люда, хотя они

могли этого опасаться, исходя из разного стиля поведения правителей, принявших ту или иную государственную религию.

Несмотря на активную исламизацию народов, наполнявших пространство Орды, особенно после 1312 года, в обществе без религиозных преследований продолжали жить язычники, христиане, буддисты и другие немусульмане, в том числе православные люди. Религиозная терпимость отличала ордынцев, которые привыкли быть в поликонфессиональном обществе. Г.Газиз связывал этот обстоятельство напрямую с Ясой Чингиз-хана и традициями каганата хазар: «согласно Ясе ни одну религию нельзя запрещать и угнетать её приверженцев, наоборот, к любой религии предписывалось уважительное отношение. К людям, унижающим другие религии, применялась даже высшая мера наказания – смертная казнь. В улусах Золотой Орды религиозные деятели всех религий были освобождены от уплаты налогов. Во всех городах разрешалось строить храмы последователям всех религий. Отношение к духовным лицам было почтительным» [24, 215].

О Золотой Орде времен хана Узбека писал ал-Омари. Его труд возник в результате личных расспросов тюрков-мамлюков, а также дипломатов разных стран. Эти расспросы стали возможными постольку, поскольку ал-Омари был секретарем египетского султана в первой половине XIV века. О хане Узбеке он писал как о «мусульманине чистейшего правоверия, открыто проявляющего свою религиозность и крепко придерживающегося законов мусульманских, соблюдающего совершение молитвы и отбывание постов». Заслугой хана ал-Омари считал создание в городе Сарае «медресе для науки». В составе войска хана он отметил «рати Черкесов, Русских и Ясов» [25,183]. Уровень религиозности и приверженности исламу хана Узбека оценивался автором весьма высоко. «…Первый из царей их, принявший мусульманскую веру, был Берке, сын Джучи, сына Чингизхана, и от него заблистали первые лучи в их краях; в настоящее же время солнце взошло, и свернулись покрывала мрака в большей части их народа, за исключением лишь немногих редких случаев…» [25,185].

После правления хана Узбека и его сына Джанибека Золотая Орда с 1360-х годов стала погружаться в глубокий социоэкологический кризис, подробно изученный Э.С.Кульпиным-Губайдуллиным и его последователями, стоящими на методологических позициях школы социоестественной истории (СЕИ). В результате усилий ученых, работавших в русле СЕИ, были сведены воедино «четко фиксируемые и не подвергаемые сомнению процессы в жизни природы и общества:

– продвижение кочевий на север;

– отступление на север границы лесов;

– миграция жителей южной степи как на север, на, так сказать, постоянное место жительства, так и на юг, в том числе – далекий Египет;

– зимовки скота в зонах рискованного скотоводства;

– внутриполитическая борьба, закончившаяся развалом государства, наиболее острая во время смуты (1360–1380 гг.) – «Великой Замятни», как она названа в русских летописях» [26, 91].

В XV в. происходило передвижение отдельных групп кочевников из находившейся в глубоком кризисе и распадавшейся Золотой Орды. Именно с этим процессом было связано появление на северо-востоке Владимирского края группы татар во главе с князем Мугрей-беем. Местность Мугреево относят к территории нынешнего Вязниковского района Владимирской области и Южского района Ивановской области. Татары, перебравшиеся в эти места, получили имя – мугреевские татары [27,97]. Возможно, они выполняли функции людей, охранявших дороги и собиравших налоги с купцов. На землях бывшего Стародубского княжества (в частности, на территории современного Ковровского района Владимирской области) сохранились топонимы Барское Татарово, Татарово и др. [28,170–171].

Северо-Восточная Русь, в том числе Владимирская земля, была вовлечена в перипетии феодальной войны второй четверти XV века. В ходе этой войны во владимирском пространстве происходили жесткие столкновения между потомками московского князя Дмитрия Ивановича Донского, в ходе которых свой вклад в развертывание событий вносили мусульмане Орды. Ещё в 1411 году по воле суздальского князя Даниила Борисовича боярин Семен Карамышев и татарский царевич Талыча с небольшим войском взял и ограбил город Владимир [29].

Как писал С.М.Соловьев о периоде княжения Василия Васильевича Темного (1425–1462), «… никто из князей не осмеливается спорить за Владимир с потомками Калиты: Нижний, Суздаль принадлежат уже Москве, Тверь давно уже отказалась от всякого поступательного движения. Но теперь, когда не может быть более борьбы у московского князя за Владимир ни с князем нижегородским, ни с тверским, начинается борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями московскими – за Москву и уже неразрывно соединенный с нею Владимир» [17,389–390].

Ордынцы-мусульмане появлялись на территории Владимирского края как военная сила, влияющая на ход столкновений междоусобного

характера. В споре за власть между Юрием Галицким, сыном Дмитрия Донского, и Василием II, внуком московского князя, разрешавшимся в Орде в 1432 году, хан отдал предпочтение Василию и дал ему ярлык на великое княжение. После смерти Юрия Галицкого в 1434 году война продолжалась между Василием II и его двоюродными братьями. И опять война осложнялась позицией ордынцев, поддерживавших противников московского князя Василия II.

Ордынское войско после захвата зимой 1444 года Мурома двигалось далее на запад. Московский князь Василий II вышел с войском навстречу врагу, и у стен суздальского Спасо-Евфимиева монастыря произошло сражение, вошедшее в историю как Суздальская битва 1445 года.

Опираясь на летописные свидетельства, А.А.Зимин реконструировал ход событий близ Суздаля 7 июля 1445 года [30, 100–123].

Б. Р. Рахимзянов, посвятивший суздальской битве небольшую по объему словарную статью, предположил, что целью вторжения на Русь сыновей хана Улуг-Мухаммеда Якуба и Мамутяка (Махмуда) «была сама Москва для возобновления вассальных связей Василия II с Улуг-Мухаммедом и продолжения выплаты дани» и указал итоговое соотношение сил к началу битвы: «у царевичей 3,5 тыс. воинов, у великого князя – 1,5 тыс.». Кроме того, Б.Р.Рахимзянов справедливо отметил, что взятие в плен Василия II – единственный случай пленения правителя в отечественной истории [31, 270–271].

Со ссылкой на Архангелогородский летописец, П.Н.Травкин заостряет внимание на важном факте: сохранении во владимирских землях памяти о нашествии Мамутека под названием «мамотяковщина» до конца XV столетия, аргументируя сказанное упоминанием «мамотяковщины» в правовой грамоте великого князя Ивана Ивановича по спорному делу о землях Спасо-Евфимиева монастыря от 1476–90-х гг. [32,153].

В условиях ордынского кризиса ряд представителей мусульманской элиты переходили на службу к Москве. Упомянутый в сюжете о суздальской битве 1445 года Бердедат (Бердедат б. Худайдат) был служилым Чингизидом. В 1445–1446 годах он находился на службе у Василия II. Как отмечает А. В. Беляков, «по мнению некоторых исследователей, это первый случай, когда Чингизид приехал в русские княжества не как представитель коллективного сюзерена, для того, чтобы пережить здесь очередную смуту в Дешт-и-Кипчаке, а как служилый царевич». [33,47]. Впоследствии практика перехода на службу к правителям самодержавной России из развалившейся Орды стало довольно частой.

Отдельные земельные пожалования в пределах Владимирского края делались Российским государством в XVI в. представителям мусульманской элиты, переходившим на службу Москве. В частности, речь идет о получении в январе 1508 г. города Юрьев-Польского казанским ханом Абдул-Латифом б. Ибрагимом, находившемся с 1493 г. на российской службе. Город был отдан в управление. Тот же Юрьев-Польский получил позднее правнук хана Большой Орды Ахмата, сын астраханского хана Аккубека – Гайбулла, в 1552 г. выехавший из Астрахани в Россию [34,7,63]. Эти пожалования вписывались в сюжет предоставления земель знатным выходцам из мусульман, перешедшим на службу к Москве, к Ак-падишаху (Белому царю).

В том же XVI веке Владимир переживает последнее появление мусульман на своей территории в 1521 году в качестве воинов, демонстрирующих свою силу. Разорили город казанские и крымские татары.

4. Мусульмане на владимирской земле в Новое время. Включение в состав России ханств и орд, образовавшихся в пространстве распавшейся в середине XV столетия Золотой Орды, растянулось во времени. Финальной точкой стало вхождение в территорию Империи земель Крымского ханства в конце XVIII века. На протяжении ряда столетий, с конца XVI до XIX века, в условиях самодержавной, а затем и имперской власти конфессиональная политика России менялась (ислам из гонимой превратился в терпимую религию), но некая условная христианско-исламская граница продолжала существовать. Владимирские земли оставались православными, а мусульмане продолжали населять соседние с ними земли Среднего Поволжья.

Население Владимирского края, развивая православную русскую культуру, было в ней вполне самодостаточным, не испытывая в течение длительного времени потребности постигать мусульманскую, пусть соседскую, но тем не менее иную, чужую культуру.

Просвещенный абсолютизм вызвал некоторый интерес к нерусским народам со стороны православной верхушки общества. Но коренные изменения внес в жизнь народов страны развивавшийся капитализм, требующий сближения разных культур под воздействием быстро укреплявшихся тесных экономических связей. В условиях индустриальной революции мусульмане-подданные Империи стали активнее перемещаться в российском пространстве. На территорию Владимирской губернии, существовавшей с 1796 по 1929 годы, особенно после Великих реформ Александра II, стали стекаться люди мусульманского вероисповедания в надежде получить дополнительные заработки. Это

было своеобразное отходничество: уход из родных мест на сезонные работы. Некоторые из этих людей оставались и на постоянное место жительства. Конкретным результатом указанного процесса было наличие во Владимирской губернии постоянно проживавших мусульман.

Таким образом, постоянное мусульманское население в регионе фиксируется с XIX века. Опираясь на сведения краеведов, А.Макаров отмечает: «В городах Владимир и Муром существовали места компактного проживания мусульман, главным образом татар. По утверждению доктора исторических наук А. К. Тихонова, в районе современного Тракторного завода в г. Владимире существовала Татарская слобода – компактное расселение татар, исчезнувшее не ранее 1940-х годов. Известно также, что в 1877–1878 годах во Владимире проживало большое число турецких военнопленных. В 1886–1891 годах начальником Муромского гарнизона являлся Хамби Туганов (1838–1917), выходец из мусульманской семьи, сын первого генерала-осетина Асламбека Туганова. По данным Российской переписи населения, проведенной в 1897 году во Владимирской губернии проживало мусульман: 353 мужчины и 32 женщины» [35]. По другим данным в 1897 году 412 человек, проживающих во Владимирской губернии, назвали татарский язык родным, из них 378 мужчин и 34 женщины. Из этого числа 77 человек жили во Владимире и 88 во Владимирском уезде [36].

В конце XIX века «в царской России во Владимирской губернии отмечалось наличие трёх мечетей «в районе Стрелецкого городка во Владимире, селе Старый двор Юрьев-Польского района и в Меленках»» [37]. «В апреле 1910 года, – пишет современный исследователь, – мусульманское население нашей губернии… также получило разрешение на сбор средств для постройки мечети (в Иваново-Вознесенске); однако необходимой суммы (25 тысяч) так и не собрали» [38, 99]. Хоронили мусульман на двухвековом «татарском» кладбище у села Байгуши [38, 97]. Очевидно, что сюжет религиозной жизни мусульман региона требует дальнейшего изучения.

Краткие выводы. Первые мусульмане на территории современной Владимирской области появляются вследствие развития Волжского торгового пути. Влияние мусульманского вероучения на жителей края шло, прежде всего, от Волжской Булгарии, официально принявшей ислам в 922 году, но влияние это было незначительным вследствие отсутствия на владимирских землях постоянно проживавших мусульман. Скорее, шло узнавание мусульманского мира православными

жителями края через проникновение предметов быта народов, исповедовавших ислам, то есть знакомство с элементами материальной народной культуры. Археологические находки убеждают нас в правоте высказанного тезиса.

Именно Волжская Булгария была самой близкой владимирским землям территорией, откуда теоретически могло осуществляться распространение мусульманского вероучения, поскольку Волжская Булгария до монгольского нашествия 1236 года и включению её в состав формирующейся Монгольской державы сохраняла значение видного экономического и культурного центра.

Впоследствии мусульмане на территории Владимирского края могли пребывать в силу разных обстоятельств: не только вследствие включенности этих земель в систему Волжского торгового пути, влияния Волжской Булгарии, но и воздействия ордынцев. Но поскольку период существования православных людей в зависимости от Орды не нёс в себе уничтожения православия в сознании восточнославянского (с конца XIV века – русского этноса) никакой ломки стиля жизни на владимирской земле не произошло. Владимирские земли не были остановлены или отброшены в своем развитии. Приход мусульман во время похода Батухана на Русь оставил след вторжения, прежде всего, военного характера, разрушительный с точки зрения уничтожения людей и их имущества. Конечно, в восприятии владимирцев, Бату привел чужих по религиозным взглядам людей, но вникать в специфику их веры у православных не было никакой мотивации, никакой необходимости.

Сложилась довольно четко различимое христианско-мусульманское пограничье. Это пограничье стало в определенной степени размываться в результате перехода на службу рожденному Российскому централизованному государству представителей мусульманской элиты распавшейся Золотой Орды. Сначала это размывание православно-мусульманского фронтира шло за счет наделения землей служилых людей, перешедших на сторону Москвы и получивших земли в награду за службу. Затем в центральных европейских регионах, в том числе владимирском, стало ощущаться проникновение мусульман, переселявшихся на время или навсегда на православные традиционно земли в ходе развития всероссийского рынка и укрепления капиталистических отношений. По времени пребывания это могли быть кратковременные приезды или более или менее длительное нахождение по купеческим делам. Граница христианского и мусульманского духовных миров

складывалась и сохранялась в течение веков. Значительное её размывание стало происходить только с установлением тесных товарно-денежных отношений в условиях развития капитализма.

В любом случае, мусульмане оставляли след своего пребывания на владимирской земле: в элементах исторической памяти разного содержания, а физически – в потомках мусульман при рождении детей. Часть мусульман, перебравшихся на постоянное место жительства во Владимирскую губернию, положили начало развитию мусульманской общины региона.

Сегодня интерес к теме «Мусульмане на территории Владимирского края» возрос в условиях новых тенденций общественной жизни, развития мусульманской общины во Владимирской области, открытия на владимирской земле молитвенного дома последователей ислама. Поскольку интерес к историческому прошлому соприкосновений местных православных жителей с мусульманами возрос, представленные в этой статье материалы могут этот интерес частично удовлетворить.

Библиография

1. [Ибн-Фадлан]. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу /Под ред. И.Ю.Крачковского /Ибн-Фадлан. – М-Л: Изд.Академии наук СССР, 1939.

2. Летописец Нестор. Повесть временных лет (Весь текст) /Электронный вариант Интернет //ModernLib.ru›books/letopisec_nestor/povest…let…

3. *Кирпичников А., Хузин Ф.* Великий Волжский путь. Торговые связи с Северной Европой и Востоком / А. Кирпичников, Ф. Хузин // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань : Изд-во «РухИЛ», 2006.

4. *Полубояринова М.* Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами / М. Полубояринова // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань : Изд-во «РухИЛ», 2006.

5. *Греков Б. Д.* Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : Гос. изд. политической литературы, 1953.

6. *Измайлов И.* Древнерусские письменные источники о булгарах и Волжской Булгарии / И. Измайлов // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань : Изд-во «РухИЛ», 2006.

7. *Кузнецов А. А.* «Булгаристский подход» в изучении истории Среднего и Верхнего Поволжья в XII – первого сорокалетия XIII вв.: перспективы и проблемы /А.А. Кузнецов. Электронный вариант Интернет // idmedina.ru. Материалы форумов и конференций.

8. *Ланда Р. Г.* Россия и мир российского ислама / Р. Г. Ланда. – М., – Н. Новгород : ИД «Медина», 2011.

9. *Измайлов И.* Внешняя политика Булгарского государства / И. Измайлов // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань : Изд-во «РухИЛ», 2006.

10. Очерки истории владимирских мусульман: подлинная история мусульманской общины, рассказанная очевидцами /Сост. О.Л. Романова, М.А. Клюквин. Владимир: MB Media, 2012.

11. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. Кн. I (тома 1–2) / С.М. Соловьев. – М. : Изд-во соц.-эк.литературы, 1962.

12. *Джузджани.* Насировы разряды /Джузджани // Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / сост., вступ. ст., комм., указатели, подбор иллюстраций и карт М. С. Гатина, Л. Ф. Абзалова, А. Г. Юрченко. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2008.

13. *Джамал ал-Карши.* Ал-Мулхакат би-с-сурах // Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / сост., вступ. ст., комм., указатели, подбор иллюстраций и карт М. С. Гатина, Л. Ф. Абзалова, А. Г. Юрченко. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2008.

14. Софийская II летопись о событиях 1480 года // Из глубины столетий / сост., вступительные статьи и комм. Б.Л.Хамидуллина. – Казань : Татар.кн. изд-во, 2000.

15. Летописные повести о монголо-татарском нашествии /Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

16. *Жарнов Ю. Э., Маслов В. М., Киприянова В. Н., Копылов Д. И., Петровичева Е. М.* При написании использованы также материалы, представленные краеведами С.Н.Мининым, А.В.Тороповым, О.В.Разумовской. Владимирский край под игом монголо-татар / Ю. Э. Жарнов [и др.] // Электронный ресурс Интернет / kvrv.ru. История города.

17. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. II (тома 3–4) / С.М. Соловьев. – М. : Изд-во соц.-эк.литературы, 1963.

18. Дюденева рать // Электронный ресурс Интернет // dic.academic.ru›dic.nsf/ruwiki/637025

19. *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. – М. : Наука, 1974.

20. *Селезнёв Ю. В.* Идейно-религиозная оценка современниками русско-ордынских отношений 1270–1320-х гг. // Мининские чтения : труды науч. конф. Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2007.

21. *Измайлов И. Л.* Золотая Орда // Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М. : ИД «Медина», 2013.

22. Баскаки // Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М. : ИД «Медина», 2009.

23. Золотая Орда в Муроме или как переписывают историю… // Электронный ресурс Интернет // obzor-novostei.ru›3029-zolotaya-orda-v-murome-ili…

24. *Газиз Г.* История татар / Г. Газиз. – М. : Московский лицей, 1994.

25. Ал-Омари о кипчаках и татарах, о Золотой Орде и Булгаре //Из глубины столетий /Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л.Хамидуллина. Казань: Татар.кн. изд-во, 2000.

26. *Кульпин Э. С.* Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства) /Э.С.Кульпин. – М.: 1998.

27. *Кузнецов Е. В.* Этническая история Нижегородского Поволжья // Ислам: вопросы истории, культуры, философии / под ред. С. Б. Сенюткина. Вып. 1. – Н. Новгород, 1995.

28. Мугреевские татары // Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М.: ИД «Медина», 2009.

29. Разорение татарами города в 1411 г. Историческая справка // Электронный ресурс Интернет /vladimir-city.ru›

30. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. /А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1991.

31. *Рахимзянов Б. Р.* Суздальская битва 1445 г. // Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М. : ИД «Медина», 2009.

32. *Травкин П. Н.* «Мамотяковщина» // Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. – Д.З.Хайретдинов. М.: ИД «Медина», 2009.

33. Беляков А.В. Бердедат б. Худайдат // Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М. : ИД «Медина», 2009.

34. *Беляков А. В.* Абдул-Латиф б. Ибрагим. Гайбулла б. Аккубек // Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М. : ИД «Медина», 2009.

35. *Ловковский С.В.* Развитие мусульманства во Владимирской области (в XX–XXI вв.) // Электронный ресурс Интернет /elibrary.ru›Права и социологии›?id=21795129

36. Демоскоп Weekly. № 717–718. 20 февраля-5 марта 2017.

37. *Макаров А.* Мусульманская община Владимирской области / А. Макаров // Ислам минбаре. – 2011. – № 185.

38. *Сбитнева И. С.* Владимир. Исторический путеводитель по старому городу. – Владимир, 2010. – Т. I.

ГЛАВА 4

ВЛАДИМИРСКИЙ КАТОЛИЧЕСКИЙ ПРИХОД

1. Введение. Вопрос о присутствии «верующих католического вероисповедания» на Владимирской земле неразрывно связан с историей нашего региона еще начиная с XII-XIII веков, когда строились знаменитые храмы, входящие сегодня в список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО, в которых исследователи отмечают присутствие не «византийского», но «романского» стиля, характерного для Европы того времени [1].Важно отметить, что «Ecclesia Catholica Romana» именно в XIII столетии добилась глобального влияния и предельного могущества, когда традиция западного «благочестия» становится универсальным эксклюзивно-уникальным олицетворением глобального «Pax Christiana».

К этой же эпохе относят и возникновение знаменитой «Владимирки», первоначально в качестве торгового тракта из усиливающейся в тот период Москвы на Восток, по которому перемещались купцы, военные и каторжники, среди которых были католики. Некоторые из них оседали в этих местах, особенно после периода «Смутного времени» (1598–1613), разделов Польши (1772–1795) и губернской реформы Екатерины II, когда в городе появился военный гарнизон, состоявший преимущественно из литовцев и поляков.

Французские пленные времен Отечественной войны, содержавшиеся в основном в Свято-Евфимиевском монастыре Суздаля, не задержались на владимирской земле, и не оставили здесь заметных следов [23, 140].

Число католиков увеличилось, когда в губернии оказались в 1830–1860-х гг. ссыльные выходцы из Царства Польского и Западного края, в том числе несколько римско-католических и греко-католических священников. Среди них известно о находившихся в заключении в Спасо-Евфимиевском монастыре Иосифе Ленчевском и Николае Ивановском, который после освобождения в 1851 году остался на жительство в Суздале. В 1864 году упоминается мирянин греко-католик Иван Чарлюнгакевич. Были также военнослужащие католического вероисповедания, например, офицеры Ингерманландского гусарского полка, позже – солдаты и офицеры 9 Сибирского и 10 Малороссийского гренадерских полков.

После подавления восстания в Царстве Польском в 1863–1864 гг. во Владимире была создана военно-судная по делам польских мятежников комиссия, занимавшаяся рассмотрением дальнейших судеб польских повстанцев. Она рассматривала дела участников восстания и распределяла

их по арестантским ротам в другие губернии Российской империи. При этом часть польского католического населения осела во Владимире. Кроме того, с территории российской части Польши во Владимир был переведен польско-литовский полк, состоявший из католиков [2, 253]. Таким образом, ко второй половине XIX века во Владимирской губернии наблюдается значительный рост католического населения. К 1871 году относится сообщение про «найм дома для размещения молельного дома Римско-католической церкви и квартиры капеллана при Московском военном округе для исполнения в войсках треб» [3, 66]. С 1889 года началось обсуждение вопроса о строительстве храма (каплицы) во Владимире.

2. Этносоциальный состав католического населения Владимирской губернии на рубеже веков. Исторически присутствие католиков в регионе связано с развитием общей политики государственной власти Российской империи в отношении неправославных («иноверных») вероисповеданий. Россия признавала существование на своей территории иных религиозных конфессий, однако приоритетное место занимало православие. Согласно Уставам 1857 и 1896 годов первенствующей и господствующей верой в России являлась «Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [4, 9]. Что касается остальных, то еще ряду исповеданий, не принадлежавших к православию, как и иностранцам, предоставлялось право «повсеместного свободного отправления своей веры и богослужения» [4, 9]. CXVIII века римско-католическое население было представлено практически во всех губерниях Российской империи.

Так, известен муромский, затем меленковский и владимирский педагог, Савелий Карлович фон Ферельцт, ближе к концу жизни, в 1816 г. принявший православие, поскольку его исповедовали супруга и дети. Он являлся автором книги «План географии, или Практические изъяснения терминам и естественным изображениям географическим». В ГАВО хранится также дело о католичке княгине Вандыбольской (Вадбольской), к сожалению, недоступно ввиду плохого физического состояния [24].

Первые, официальные сведения о католиках во Владимирской губернии относятся к 1843 году, где, согласно «Сведениям к форме 26 о иноверцах по городам и уездам Владимирской губернии» проживало 46 приверженцев Римско-католического исповедания, 26 из которых были мужского и 20 – женского пола, из них 33 человека проживали в городах, в том числе губернском городе Владимире и 13 – в уездах [5, 1–25]. По «Сведениям к форме 26 о иноверцах по городам и уездам Владимирской губернии» за 1852 год в губернии проживало уже 151

лицо римско-католического исповедания, из них: 116 мужчин и 35 женщин, причем в городах проживало 102 человека, в уездах – 49 [6, 1–25]. Согласно статистической сводке [25] в 1857 году в губернии проживало 548 католиков, из них 179 человек – во Владимире.

В 1863 году католическое население распределялось по территории Владимирского края следующим образом^

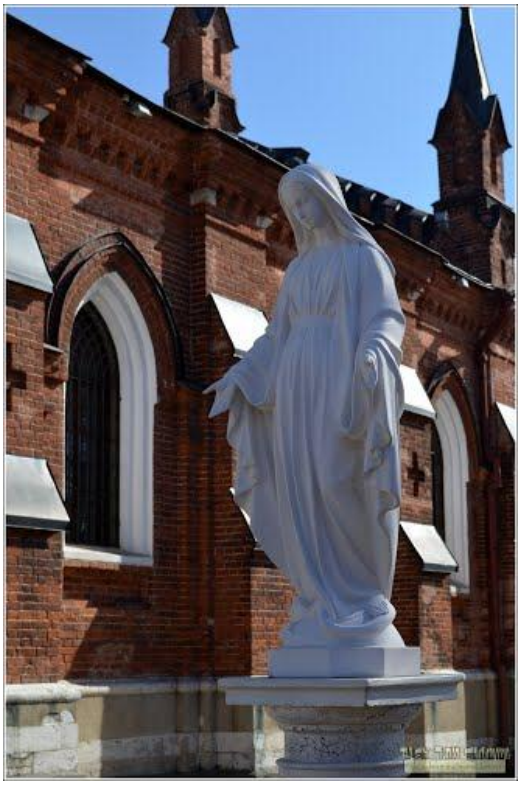
Место жительства	Число католиков (чел.)			Место жительства	Число католиков (чел.)		
	всего	муж.	жен.		всего	муж.	жен.
Меленки	16	13	3	Меленковский уезд	18	14	4
Судогда	3	3		Судогодский уезд	3	3	
Покров	14	9	5	Покровский уезд	39	25	14
Александров	26	22	4	Александровский уезд	16	9	7
Юрьев	2		2	Юрьевский уезд	19	14	5
Владимир	179	138	41	Владимирский уезд	9	5	4
Суздаль	11	11		Суздальский уезд	2	2	
Вознесенский Посад	28	17	11	Шуйский уезд	20	16	4
Вязники	6	6		Вязниковский уезд	18	14	4
Муром	11	10	1	Муромский уезд	4	2	2
Киржач	3	2	1				
Переславль	1	1		Переславский уезд	24	11	13
				Ковровский уезд	87	60	27
Итого	300	232	68		259	175	84

Спустя пять лет, в 1868 году, гендерный состав римско-католического населения характеризовался следующими данными:

Место жительства	Число католиков (чел.)			Место жительства	Число католиков (чел.)		
	всего	муж.	жен.		всего	муж.	жен.
Меленки	16	13	3	Меленковский уезд			
Судогда	3	3		Судогодский уезд			
Покров	14	9	5	Покровский уезд	39	25	14
Александров	26	22	4	Александровский уезд	16	9	7
Юрьев				Юрьевский уезд			
Владимир	206	156	50	Владимирский уезд	2	2	
Суздаль	6	6		Суздальский уезд			
Вознесенский Посад	17	12	5				
Вязники	5	1	4	Вязниковский уезд	18	17	1
Муром	8	8		Муромский уезд	11	6	5
Переславль				Переславский уезд	2		2
Шуя	1		1	Шуйский уезд	11	8	3
Ковров	70	50	20	Ковровский уезд			
Гороховец	6	5	1	Гороховецкий уезд	26	20	6
Итого	378	285	93		125	87	38

Дом ксендза (1891 г.)

Католический храм Пресвятой Девы Марии Святого Розария (1891 г.)



«Дева Мария»

Внутреннее пространство храма

Из «Протокола годичного собрания Владимирского губернского статистического комитета» видно, что в 1876 году в губернии числилось 1239 католиков, из них: 766 мужского пола и 473 – женского [7]. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета сообщает, что в 1883 году во Владимирской губернии проживало 926 лиц римско-католического исповедания, из них – 458 мужчин и 468 женщин, причем в губернском городе Владимире проживало 357 католиков.

В 1893 году по оценкам представителей католической общины во Владимире насчитывалось около 300 прихожан, не считая воинских чинов числом 700 человек.

В 1895 году население губернии насчитывало 1519707 «душ обоего пола, из них в городах до 148262 и в уездах до 1371445 душ», при этом «этнографический состав населения не представляет никакого разнообразия. Жившие здесь в глубокой древности племена Финского происхождения в последствии поглотились великорусскими: появившаяся позднее монгольская народность также исчезла и в настоящее время одно сплошное великорусское население занимает все пространство губернии» и это население по вероисповеданию включало в себя «1496364 православных, 16788 раскольников разных сект, 3845 единоверцев, 344 магометанина, 1107 евреев, 809 католиков и 450 протестантов»[8, 8].

Во Владимирской губернии в конце XIX-начале XX веков, согласно полицейским данным за 1902 г. проживало 1129 лиц римско-католического исповедания, что составляло менее 1% (0,07%) от всего населения Владимирской губернии (согласно «статистическим данным» численность населения Владимирской губернии за 1897 г. составляла 1515,7 тыс. человек) [9]. Что касается России, численность католического населения составляла примерно 9% от всего населения Российской империи, однако сконцентрировано католическое население было преимущественно на западных границах империи, поэтому численность католического населения Владимирской губернии можно считать довольно высокой для провинциальной губернии, расположенной в центральной части России.

По половому принципу католическое население Владимирской губернии в 1902 году делилось следующим образом: 723 мужчин и 406 женщин.

Распространение католиков по территории губернии было также неравномерным: численность католического населения в уездных городах составляла 914 человек, среди них 371 проживали в г. Владимире, остальные были рассеяны по окрестным деревням, с наиболее плотным присутствием в центрах индустриального или военного значения, где предполо-

жительно были сконцентрированы рабочие или военнослужащие польской, литовской и немецкой национальностей. Последних окормляли особые капелланы. В 1905 г. округ, входивший в зону ответственности римско-католического военного капеллана при штабе Московского военного округа, был разделен на 2 части, Владимирская губерния, вместе с Ярославской, Костромской, Вологодской и Нижегородской, вошла в северный округ, с резиденцией капеллана в Ярославле [18].

Таким образом, можно отметить, что католики присутствовали во всех уездах и уездных городах, а не только в губернском городе Владимире. Об этом свидетельствует Ведомость о числе жителей в городах и уездах Римско-Католического вероисповедания за 1902 г. по полицейским данным [10, 2–4]:

	Мужчин	*Женщин*
губернский г. Владимир	258	113
уезд	7	8
Уезд. г. Суздаль	1	1
Гаврилов Посад	2	1
уезд	1	1
гор. Шуя	15	9
безуездный город Ив. Вознесенск	111	75
уезд Шуйский	11	11
гор. Ковров	2	3
уезд	–	1
гор. Вязники	4	3
уезд	4	5
гор. Гороховец	7	7
уезд	4	5
гор. Муром	42	29
уезд	10	11
гор. Меленки	6	5
уезд	2	1
гор. Судогда	4	1
уезд	15	18
гор. Покров	4	3
заштат. г. Киржач	–	–
уезд	21	20
гор. Александров	148	43
уезд	23	16
гор. Переславль	4	2
уезд	7	8
гор. Юрьев	6	5
уезд	4	1
Итого в городах	614	300
Итого в уездах	109	106
Итого в губернии	723	406

О социальном составе католического населения Владимирской губернии на рубеже XIX-XXвеком можно судить из сведений, содержащихся в метрических книгах Владимирского костела за 1904–1921 гг., на основе которых в дальнейшем был составлен некрополь [11, 8]. Особого католического кладбища во Владимире не было, католиков хоронили на Князь-Владимирском и Военном кладбищах, реже – на кладбище пригородной Ямской слободы. Из 391 человека, упомянутых в некрополе, 23,5% (92 человека) – были дети до 14 лет, кроме того, лишь 38 человек, согласно метрическим книгам, были жителями Владимирской губернии. Среди лиц, захороненных на территории Владимирской губернии, можно отметить 67 дворян, 56 мещан, 114 крестьян (все жители западных губерний Российской империи), 38 военных, их жен и вдов, 25 арестантов, 10 военнопленных, 13 иностранных подданных, 4 беженца. Кроме того, в метрических книгах встречаются: столоначальник, казначей, провизор, инженер–механик, чиновник Варшавской казенной палаты, чиновник почтово-телеграфного Варшавского округа, жена ученого-лесовода, старший помощник столоначальника Варшавской казенной палаты, отставной канцелярский служитель и т.д.

Среди жителей Владимирской губернии, римско-католического исповедания, упомянутых в метрических книгах, встречаются дворяне – 16 человек, военные (отставной полковник, жена отставного полковника, вдова подполковника), их жены и вдовы – 6 человек, мещане – 4 человека. Владимирские католики, по данным «Некрополя», занимали следующие должности: статский советник, отставной фельдшер, провизор, инженер-технолог, потомственный почетный гражданин, отставной канцелярский служитель и т.д. В «Прошении на разрешение учреждения при Владимирской каплице самостоятельного римско-католического прихода» упоминаются имена поверенных владимирских католиков с указанием их должностей: начальник отделения владимирской Казенной Палаты, статский советник Еразм Петрович Хржановский; городской судья г. Владимира, надворный советник Ярослав Иосифович Вилькевич; младший ревизор Владимирского Губернского Акционерного Управления, коллежский советник Филипп Антонович Паули [10, 5]. Архивные документы сохранили имена нескольких католиков с указанием рода их деятельности, среди них дворяне – 10 человек, чиновники (статский советник и коллежский советник) – 3 человека, военные (подполковник, капитан, солдат) – 17 человек, кроме того, упоминаются помещик, машинист, аптекарь, крестьянин и др.

В письме старшего советника Г. Борейша – полицмейстеру г. Владимира коллежскому советнику Крылову от 08.01.1894 г. указано: «(…) число католиков в городе Владимире (…) хотя и значительное, но за исключением не более 10 интеллигентских ненуждающихся семейств, все остальные католики – люди бедные, состоящие преимущественно из сословия, пришельцы Привисленских и Северо-Западных губерний, занимают места: мастеровых, писцов на железной дороге, кочегаров, истопников, слесарей, стрелочников, смазчиков, кондукторов и др. должности (…) многолюдные семьи, недостаточные для хозяйства земли…» – т.е., подавляющее большинство прихожан составляли люди бедные и самых обычных профессий, низших сословий». Через 3 года, 3.06.1897 г., практически в тех же словах описывал приход и Московский декан: «сторожа, дворники, лакеи, смазчики, стрелочники и чернорабочие с весьма скудным жалованием» (…) так что содержание молитвенного дома, капеллана и прислуги (…) не более 40 человек способны нести такие расходы…» [26].

Среди известных владимирских католиков выделяется А. Ф. Рудзкий – мировая величина в тогдашнем лесоведении, профессор Лесного института в Петербурге, в 1864–1876 гг. работал в лесничествах Владимирской губ. (избран почетным старостой прихода. Ученый-лесовод К. С. Яцунский, служил лесничим Александровского и Боглачевского лесничеств. Сохранились архивные данные о муромском фотографе К. З. Микуцком, а также В. Т. Сокульском – преподавателе французского языка Владимирской мужской гимназии В. А. Брюзатти [27].

В 1898 г. во Владимире Ф. А. Студзицким был построен кирпичный завод, на Ивановской фабрике работало значительно число поляков-химиков, на строительстве Московско-Нижегородской железной дороги были заняты французские инженеры и рабочие [28].

Всего за период 1864–1916 гг. памятные книжки Владимирской губернии содержат сведения о 335 чиновниках, офицерах армии и полиции, врачах, инженерах, судьях, юристах, адвокатах, преподавателях, предположительно исповедовавших католичество и составлявших местное образованное и обеспеченное общество [29].

Тот факт, что католики занимали достаточно высокие должности, свидетельствует о том, что политика нетерпимости местных властей в отношении к приверженцам Римско-католической церкви не затронула Владимирскую губернию.

Несмотря на то, что Россия признавала существование на своей территории иных религиозных конфессий, приоритетное место, как

уже отмечалось, занимала «Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». Тем не менее, права неправославных конфессий были ограничены. Лица иностранного исповедания не имели права убеждать последователей иных христианских исповеданий к смене веры, этим правом обладала только православная церковь. В то же время переход лиц, исповедовавших иную веру, в православие приветствовался. В Уставе оговаривается, что «никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» [4, 10]. Переход из христианского неправославного исповедания в другое мог быть осуществлен только с разрешения министра внутренних дел. Так в «Отчете о состоянии Владимирской губернии за 1854 год» содержатся сведения, что «Из иноверцев, означено в ведомости №26 в 1854 году присоединились к Православию из Лютеран 8, католиков 3 и из Евреев 4» [12, 17]. Владимирские епархиальные ведомости от 15 февраля 1891 года сообщают, что «Присоединены к Православию: Муромский мещанин Эммануил Петров Бульон, католического исповедания – протоиереем гор. Мурома А. Аменицким, – приписанный к обществу мещан города Киржача, отставной солдат Игнатий Семенов Горбань, католического исповедания, с наречением имени Василий – священником с. Карабанова, Александровского уезда А. Сокольским…» [13, 67].

Указ о веротерпимости 1905 года предоставил свободу вероисповедания не только христианским, но и иным конфессиям, что видно из циркуляра, направленного губернатору. «Высочайшим указом, данным 17 апреля сего года… в видах обезпечения каждому из русских подданных свободы вероисповедания, повелено признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию… В дополнение к сему, в том же указе установляется, что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую религию, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных. Вскоре за обнародованием названного указа в различных местностях Империи с неокрепшим еще в православии населением, по преимуществу в униатских местностях Царства Польского, в населенных мусульманами восточных окраинах России и среди латышского населения Прибалтийского края, начали поступать заявления от лиц, числящихся по метрикам православными, об исключении их из православия и о причислении их к другому исповедании. Удовлетворение сих ходатайств встретило, однако, на практике значи-

тельные затруднения ввиду отсутствия каких либо указаний относительно порядка, в котором должно происходить перечисление в иную веру лиц, отпавших от православия. Этим пробелом в указе воспользовалось в некоторых местах католическое духовенство и римско-католическим епархиальными начальникам сделано было распоряжение по подведомственному им духовенству о порядке принятии в католическую веру лиц, отпавших от православия…» [14, 10]. Несмотря на предоставленную свободу в выборе веры, перехода из православия в католичество не было выявлено, о чем свидетельствует отчет владимирского губернатора в Департамент духовных дел иностранных исповеданий: «Препровождаю ведомость о числе лиц, отпавших от господствующей веры в инославныя исповедания за время с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 года, присовокупляя, что случаев перехода из православия в иноверные исповедания во Владимирской губернии не было» [14, 42].

3. Владимирская католическая община в конце XIX-начале XX веков. В конце XIX-начале XX веков в Российской империи римско-католической церкви принадлежало двенадцать епархий: архиепархия Могилевская и подведомственные ей епархии: Виленская, Луцко-Житомирская, Тельшевская, Тираспольская; архиепархия Варшавская и подведомственные ей епархии: Августовская, Калишская, Келецкая, Люблинская, Плоцкая и Сандомирская. Высшее управление католической церковью в России сосредотачивалось в руках митрополита римско-католических церквей, архиепископа Могилевского. В статье 13 Устава Духовных дел иностранных исповеданий оговаривается: «архиепископ Могилевский есть вместе Митрополит всех Римско-Католических церквей епархии. В сих епархиях он первенствует перед всеми духовными своего исповедания» [4, 11]. Но в то же время архиепископу-митрополиту строго запрещалось превышать свои полномочия: «В отношении прочих епархиальных начальников Архиепископ-Митрополит действует в пределах присвоенной ему духовной власти…» [4, 17].

Высшее управление католической церковью так же принадлежало состоящей под председательством митрополита римско-католической коллегии, в состав которой входили еще два члена, назначаемых (из числа двух кандидатов) Высочайшими указами по представлению министру внутренних дел, и семи заседателей, избираемых на три года из состава прелатов и каноников епархиальных капитулов. При коллегии состоял прокурор и секретарь с канцелярией. Духовная коллегия занималась рассмотрением следующих дел: собирание и регистрация сведений о римско-католических церквях, монастырях, духовенстве, учебных и

других духовных заведениях, движимых и недвижимых имуществах; надзор за правильностью производства дел в консисториях и пересмотр их решений по апелляциям и частным жалобам (кроме брачных и других дел); рассмотрение и представление высшему правительству предложений епархиальных начальств, относящихся к общей государственной и церковной пользе; рассмотрение дел о вновь поступающих в монашество и о принятии христианства римско-католического исповедания магометанами, евреями и язычниками; заведывание капиталами: вспомогательными, ремонтными, предназначенными для постройки и починки церквей, заведывание сборами, которые взимались с поселян собственников на содержание римско-католического духовенства; ревизия отчетов по расходованию капиталов. Дела, требовавшие решения или рассмотрения высшими гражданскими учреждениями, представлялись коллегией министру внутренних дел, который давал им дальнейшее направление со своим заключением. Вслучае своего несогласия с этим мнением, коллегия предлагала на усмотрение министра свои соображения, и затем поступала в соответствие с его решением. Другими словами, коллегия, являясь высшим органом управления римско-католической церкви в России, выполняла лишь хозяйственно-административные функции, а в спорных вопросах – лишь совещательную, консультативную функцию.

Каждая епархия управлялась епископом (Могилевская и Варшавская – архиепископами). Ведению епархиальных епископов подлежал духовный суд и управление церковными делами, «надзор за духовенством белым и монашествующим» [4, 17], за церквями, монастырями, семинариями и другими духовными учреждениями римско-католического исповедания. Кроме того, епископ должен был строго следить за нравственностью духовных лиц и пресекать злоупотребления. В то же время правительством было наложено ряд ограничений и на некоторые стороны религиозной жизни. Согласно статье 58 Устава духовных дел иностранных исповеданий епархиальный епископ «не мог собственной властью назначать в епархии торжественное молитвословие в память кого-либо из скончавшихся частных лиц, кроме обычной проповеди при погребении, панихиды и поминовении по церковному чину» [4, 19]. Кроме того, лицам римско-католического духовенства запрещалось в своих поучениях затрагивать политическую тему и тем более издавать политические сочинения, касающиеся государственного правления. Кроме того, предписывалось назначать на должность епархиального начальника, т. е. епископа, только российских подданных. Лица римско-католического исповедания, находящиеся в России,

могли «вступать в монастыри и в духовные и светские училища и исправлять какие-либо духовные требы» только с разрешения епископа и Министерства внутренних дел.

При архиепископе и епископе состояли капитул (совет из духовных лиц, участвующих в управлении епархией) и консистория (особое совещание). Консистория занималась рассмотрением дел, которые можно разделить на следующие группы:

1) дела, касающиеся епархиального духовенства: дисциплинарные дела, кроме незначительных не влекущих за собой отстранения от должности или заключения (такие дела решались епархиальным начальником без рассмотрения их в консистории); спорные дела между духовными лицами, касательно движимых и недвижимых церковных имуществ; жалобы и иски на духовных лиц, касающиеся обид, ущербов, неисполнения обязательств, которые исходили как от духовных так и от светских лиц; дела о недействительности монашеских обетов;

2) дела, относящиеся к светским лицам, т. е. брачные дела, удостоверения о законности и незаконности брака, акты о рождении, крещении, смерти и т.д.;

3) смешанные дела, т. е. дела, рассматриваемые в светских судах и требующие наложения церковного покаяния за какое-либо преступление или проступок;

4) хозяйственные дела, к которым относились: роспись или смета сумм, предназначенных на содержание духовенства, проверка расходов и отчетов, дела, связанные с починкой и постройкой новых церквей, часовень и т.д.

Консистория выступала лишь совещательным органом при епископе: «Епископ не обязан объяснять обоснование своих решений даже и тогда, когда бы мнение его было несогласно с мнением консистории» [4, 21].

В шести из двенадцати епархий при кафедральных епископах состояли епископы-суффраганы (в архиепархии Могилевской, епархиях Тельшевской, Луцко-Житомирской, Варшавской, Влоцлавской и Плоцкой). Они председательствовали в епархиальных коллегиальных учреждениях и служили администраторами епархий, если епархиальный епископ еще не был назначен. Помимо прочего, при епископе состояли: консисториальный суд супружеских дел, состоявший из председателя, суде и защитника; экзаменаторы, рукополагаемые в священники на настоятельные должности; цензоры издаваемых в епархии католических духовных книг и проповедей; депутаты в гражданские присутственные дела. Низшую

инстанцию епархиального управления составляли деканы (благочинные), заведовавшие деканатами, т. е. известным числом приходов. Все епископы назначались императором (указами Сенату) по соглашению с Папой, при этом в первую очередь приносили присягу на верность императору и его наследнику, а затем Папе Римскому.

Что касается вопроса управления имуществом римско-католической церкви в России, нужно отметить, что законодательно оговаривалось ряд условий строительства и ремонта римско-католических церквей. Во-первых, запрещалось самовольное строительство римско-католических церквей и правительство должно было следить, чтобы иноверцы, в частности, католики «не умножали без надобности церкви» [15, 917]. Строительство римско-католической церкви могло быть разрешено лишь при наличии следующих условий: прирост населения римско-католического исповедания, причем один приход должен был составлять «не менее 100 дворов, полагая на каждый двор по 4 души» [15, 918] и разбросанность приходов на обширной территории и связанные с этим трудности коммуникативных и транспортных сообщений. Во-вторых, лица или общества, которые хотели построить должны были обратиться с соответствующей просьбой к местному губернскому начальству, которое в свою очередь связывалось с епархиальным начальством православного и римско-католического исповеданий. Последние должны были удостовериться, что нет никаких препятствий к разрешению постройки, и после этого передавали нужные сведения и свое личное мнение в Министерство внутренних дел. В-третьих, ремонт и строительство новых церквей на месте обветшалых или разрушенных в результате какого-либо несчастного случая также было возможно только с разрешения правительства. В-четвертых, законодательно оговаривалась возможность постройки домашних каплиц и подвижных престолов для лиц, которые приобрели особое уважение и которые не могли посещать церковь по состоянию здоровья.

Порядок управления римско-католической церковью и церковным имуществом распространялся на все губернии Российской империи. Что же касается Владимирской губернии, то первое достоверное упоминание о католических богослужениях во Владимире относится к 1864 г., когда, начальником губернии генерал-лейтенантом Самсоновым был дан ход ходатайству арестантов-поляков, содержавшихся в местной арестантской роте, и не бывших у исповеди более года, о направлении к ним священника. 21–25 сентября и после 15 октября 1864 г., по поручению московского декана требы для арестантов совершал свящ. Стефан Овельт (известный тем, что впоследствии крестил в Москве В. Ф. Ходасевича)

[19]. В 1866 г. епископ Максимилиан Станевский командировал Нижегородского курата свящ. Симона Будревича ежегодно объезжать батальоны резервной Дивизии 4-го и 6-го армейских корпусов, расположенных в Нижегородской и Владимирской губерниях [30].

Кроме малочисленности и бедности, у прихода была еще одна – специфическая для католических общин в великорусской провинции – проблема: смешанные браки, вымывавшие младшее поколение из прихода. В письме священника Франциска Трансуна на имя канцлера Молилевской архиепархиальной курии Казимира Прополяниса, сосланный во Владимирскую губернию в 1896 г. будущий классик латгальской литературы, депутат Государственной Думы России и впоследствие министр правительства Латвии сообщает, что около 2/3 местных прихожан состоит в смешанных браках с православными, 2 семьи – католическо-лютеранские (и воспитывают детей в лютеранском вероучении). В архивных документах также упоминается брак католика Д. И. Марцинкевича и армяно-григорианки (1897 г.) [31].

Тем не менее, к концу XIX века католическая община г. Владимира представляла собой организованную религиозную структуру с постоянно увеличивающимся числом верующих. Поэтому согласно условиям статьи 124 Устава духовных дел иностранных исповеданий 1896 года о строительстве новых церквей, 28 апреля 1889 г. члены общины обратились в городскую управу с прошением «О дозволении построить в г. Владимире католическую церковь (каплицу)».

Владимирский губернатор, шталмейстер императорского двора И. М. Судиенко обратился, как того требовал закон, в министерство внутренних дел, озвучив просьбу владимирских католиков о строительстве католической каплицы (часовни). Ответ министра МВД статс-секретаря И. Н. Дурново от 13 июня 1891 г. был таковым: «Дозволить открыть каплицу и причислить ее к Нижегородской римско-католической приходской Церкви. Строительство вести на средства местных католиков (т. е. владимирских)» [2, 254–255].

Важно заметить, что культовая католическая постройка именовалась в документах МВД именно «каплицей», а не «костелом» – т.е., не имела статуса приходского храма. К этому времени местных католиков уже окормлял причт Нижегородской римско-католической церкви. Поэтому в комитет по постройке также вошли нижегородский настоятель и 2 синдика (старосты) именно Нижегородского прихода, при этом особо подчеркивалось, что в действительности они не имеют статуса выборных старост (с полномочиями синдиков), но только помогают

нижегородскому настоятелю в решении финансовых и организационных вопросов, связанный с постройкой храма во Владимире. Ходатайство об образовании во Владимире самостоятельного прихода поступит в МВД и будет рассмотрено только 11.02.1904 г.

Архиву Владимирской губернии был передан протокол заседания Губернской Строительной Комиссии от 12 февраля 1891 г., на котором была рассмотрена просьба о приобретении участка земли под строительство часовни, которая должна была быть освящена по римско-католическому обряду. Комиссия передала эту просьбу губернатору, который дал на нее утвердительный ответ, уполномочив саму комиссию приступить к действию 19 июня 1891 г. Комиссия приняла соответствующее постановление от 21 июня, решив продать участок земли недалеко от Золотых Ворот, исторического входа в город, где можно было бы построить вышеуказанную часовню. В государственном архиве Владимирской области содержатся датированные 28 июня 1891г. документы, направленные во Владимирское городское полицейское управление: «Строительное Отделение Губернского Правления с разрешения Г. Губернатора, предлагает Полицейскому управлению объявить проживающим во Владимире лицам Римско-Католического вероисповедания, что представленный ими к Г. Губернатору план на постройку на одной из боковых улиц города Владимира Римско-католической каплицы утвержден Министерством Внутренних Дел и для технического надзора за постройкой означенной каплицы вместе с сим за №520 передан Владимирскому Губернскому Инженеру Карабутову» [16, 2].

Строительство часовни было начато в 1892 г. и завершено впервые месяцы 1894 г. Нижегородский настоятель Александр Монюшко положил камень под закладку филиальной каплицы 28.04.1892 г. и освятил фундаменты 24.06.1892 г.

Из сметной суммы в 14 тыс. руб., необходимой для строительства, основную часть – 10 тыс. руб. пожертвовал варшавский купец, друг одного из членов комитета по постройке храма Эдуард-Павел Томашевич Чабан, 200 руб. внес отставной унтер-офицер Викентий Демьянов Дроздовский, остальные средства были собраны горожанами католического вероисповедания [32]. Проект часовни принадлежал губернским архитекторам А. П. Афанасьеву и И. О. Карабутову. Здание псевдоготического стиля из красного кирпича, расположилось неподалеку от Золотых ворот, в Куткином переулке (нынешняя улица Гоголя), на

правой его стороне. Зубчато-готический верх и шпиль церкви, нарядный домик священника, ограда составили единый архитектурный ансамбль, органично вписавшийся в панораму города.

Из ежегодника Могилевской митрополии 1898 г. известно, что часовня была освящена 20.11. 1894 г. во имя Божией Матери-Царицы святого розария и приписана к Нижегородскому приходу. В том же самом ежегоднике говорится об архиепископе Симоне Мартине Козловском, который провел освещение (хотя на самом деле, освятил храм по чину благословения московский декан Фридрих Оттен), и об отце Иосифе Пизанко, ставшем первым капелланом Владимирской часовни. Свящ. Иосиф Писанко был назначен капелланом 4.09.1893 г., однако это не означало еще создания прихода – как только члены комитета по постройке храма в переписке поименовали себя «синдиками», капелллану и им самим был объявлен выговор. 27.04.1894 г. капеллан Иосиф Буйно получил права окормлять католиков во всех уездах Владимирской губернии (до этого к ведению местного капеллана относился только сам г. Владимир). В то время, по сведениям ежегодника, часовня служила для 1353 верующих.

Смягчение политики официальных властей в отношении инославных исповеданий, вместе с увеличением числа верующих, позволило католической общине менее чем через десять лет со дня освящения часовни обратиться к губернским властям с просьбой об учреждении прихода. Владимирский архив сохранил дело, касающееся этого прихода, которое было заведено 13 декабря и закрыто 4 марта 1904 г.

Официально просьба об открытии католического прихода была представлена губернатору 16 декабря 1903 г. Подавшие прошение священник Фаддей Ронкайтис, занявший после смерти Иосифа Писаренко 17 сентября 1902 г. место капеллана часовни, статский советник Е. П. Хржановский, надворный советник Я. И. Вилькевич и коллежский советник Ф. А. Паули указывали на увеличение численности прихожан и отдаленность нижегородского прихода. Сложившаяся ситуация описывалась следующим образом: «… около 20-ти лет тому назад, когда в г. Владимире и в уездах Владимира проживало не более 150 лиц римско-католического вероисповедания Владимирские католики приглашали для совершения богослужения и исполнения духовных треб Настоятеля Нижегородской приходской церкви, который приезжал первоначально 3–4 раза в год, а потом с увеличением числа единоверцев ежемесячно, получая за каждый приезд особое вознаграждение.

Но с течением времени, когда число католиков еще больше увеличилось, такие периодические посещения Священника сделались недостаточными, почему по просьбе Владимирских католиков Митрополитом всех римско-католических церквей в империю назначен был для Владимирской губернии, самостоятельный Священник-капеллан, о чем Владимирский Губернатор дал знать местным католикам 7-го сентября 1893 г. В это время постройка разрешенного храма не была еще окончена и общее число католиков не соответствовало законному требованию для установления самостоятельного церковного прихода, поэтому и храм, как безприходный не был снабжен приходскими метрическими книгами для записывания рождений, бракосочетаний и смертей. В таком положении дело обстоит и в настоящее время, так что о каждом духовном обряде, совершенном местным Священником-капелланом приходится сообщать Настоятелю Нижегородской приходской церкви, для внесения в имеющиеся у него книги и, по исполнении сего просить о высылке метрических выписей для выдачи просителям. При таком положении вещей заинтересованным лицам приходится ждать получения метрических выписей, при самом благоприятном стечении обстоятельств не меньше семи дней, в случае же весьма частых отлучек Нижегородского настоятеля, для отъездов с духовными требами по его обширному приходу, состоявшему из всей губернии, означенные выписи получаются просителями через три или четыре недели…» [10, 9].

Губернский архив сохранил целиком дело, касающееся этого прихода, которое было открыто 13 декабря и закрыто 4 марта 1904 г. Официальная просьба об учреждении католического прихода была представлена 16 декабря 1903 г. 12 января 1904 г. архиепископ Владимирский Сергий направил губернатору собственноручно написанное письмо, в котором заявил, что «…с моей стороны нет никаких возражений относительно учреждения …автономного Римско-католического прихода во Владимире для всей губернии, с переименованием существующей г. Владимире каплицы в приходскую церковь, а капеллана каплицы в настоятеля церкви» [10, 4]. Получив одобрение со стороны архиепископа, губернатор, в соответствии с законодательством, написал в консисторию г. Могилева с тем, чтобы узнать, не имеется ли также со стороны католической митрополии возражений на просьбу местной общины. Консистория дала ответ 29 января 1904 г., за подписью викария архиепископа прелата Денисевича, присоединившегося к просьбе местных католиков: «со стороны моей не только не встречается каких-либо препятствий к удовлетворению их ходатайства, но

присоединяясь к таковому, покорнейше прошу о скорейшем его удовлетворении» [10, 6]. 11 февраля 1904 г. приход был официально учрежден решением губернатора, которое Департамент духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел утвердил за подписью вице-министра 26 февраля 1904 г. [17].

Во Владимирском костёле Божьей Матери Святого Розария в различные годы ксёндзами служили: в 1902–1905 гг. – Фаддей Ронкайтис, в 1905 г. – Антон Сымонович, в 1906–1907 гг. – Пётр Битный-Шляхто (временно заведовал вновь в марте-декабре 1914 г.), в 1908–1909 гг. – Юстин Юркун, в 1910 г. – Пий Юрайтис, в 1910–1921 гг. – Амвросий Паштукас (Амброзиус Пацтукае), в 1915–1917 гг. – Иероним Скиргайлло, в 1917–1918 гг. Антоний Бурдулис (совместно с А. Паштукасом) – капелланы для беженцев, они назначались особо. В 1916 году во Владимире мигрантов только польского происхождения насчитывалось 899 человек [20].

21 июня 1923 года во Владимир был назначен ксёндз Антоний Дземешкевич [21], который затем служил в Казани. В 1929 году он был репрессирован и погиб в лагере 3 ноября 1937 года.

Ежегодник Могилевского Архидиоцеза датируемый примерно 1910 годом (при архиепископе Иоанне Цеплаке) включает в свои списки приход Святого Розария Блаженной девы Марии во Владимирена-Клязьме, состоящий из 1500 верующих; настоятелем в то время был отец Амброзиус Пацтукае (скорее всего литовец, как и настоятель в 1903 г., Ронкаитис), который указан там также как преподаватель религии женской гимназии.

С началом первой мировой войны за счет беженцев из западных районов Российской империи – Польши, Западной Украины, Прибалтики, Белоруссии – резко увеличилось католическое население в центральных областях страны. Только в 1915 году во Владимирской губернии было зарегистрировано рождение 96 детей от лиц католического вероисповедания. Во время 1-й мировой войны число беженцев католического исповедания во Владимирской губернии должно было быть весьма значительным, т.к. – редкий случай – для них были открыты особые временные часовни в Коврове, Шуе и Иваново-Вознесенске [22].

Последний ежегодник митрополии, которым мы располагаем, относится к январю 1926 г., при архиепископе Эдуарде де Ропп (последний митрополит наиболее трагических лет для католической церкви в России), в котором Владимирский приход зарегистрирован еще с 500 верующими, под водительством настоятельства отца Антониуса Джемешкевича, который одновременно являлся настоятелем в Нижнем

Новгороде, где насчитывалось 1200 верующих (цифры приблизительные). Он был последним настоятелем во Владимире.

Несмотря на всю скудность и фрагментарность имеющиеся сведения говорят об органичной интегрированности владимирских католиков в местное сообщество, что не в последнюю очередь было обусловлено не только политикой веротерпимости, проводимой в отношении инославных христианских конфессий, но и высоким уровнем культуры, образования и социального служения представителей владимирского прихода Римско-католической церкви.

Библиография

1. *Максим Руссо*. Андрей Боголюбский и Фридрих Барбаросса. – http://polit.ru/article/2015/05/10/ps_bogolubovo/

2. *Тихонов А. К., Голубкина Т. М.* К вопросу о строительстве и судьбе католического костела во Владимире.// Древняя столица: история и современность. – Владимир: Изд-во Владимирского пед. ун-та, 2006.

3. Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО). Ф. 390, оп. 3. Д.11.

4. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. – С-Пб., 1896 – Т. XI – Ч. 1.

5. ГАВО. Ф.14, оп.1, т.5. Д. 5867.

6. ГАВО. Ф.14, оп.1, т.7. Д. 9051.

7. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. II. – Владимир, 1878.

8. Памятная книжка Владимирской губернии. Издание Владимирского Губернского Статистического Комитета, под редакцией Секретаря Комитета Н. П. Шипина. – Владимир на Клязьме: Типография Губернского Правления, 1895.

9. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. URL: www.istmat.info/node/72

10. ГАВО. Ф. 40, оп.1. Д.19998.

11. *Овчинников Г.Д.* Римско-католический некрополь Владимирской губернии (1872–1921 гг.). – Владимир, 2011.

12. ГАВО. Ф.14, оп. 6. Д.301.

13. Владимирские епархиальные ведомости. – 1891. – № 4. – 15 февр.

14. ГАВО. Ф.14, оп. 2. Д. 394.

15. Полное собрание законов Российской империи. – Собр.2. – Т. 3. – СПб. : Типография II отделения собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830.

16. ГАВО. Ф.40, оп.1. Д. 18370.

17. ГАВО. Ф.40, оп.1. Д. 19998. Л.8.

18. РГИА. Ф. 860, оп. 1. Д. 1630. Л. 5–5 об.

19. ГАВО. Ф. 14, оп. 6. Д. 587. Л. 8–8 об., 9.

20. РГИА. Ф. 826, оп.1. Д. 990. Л. 138.

21. РГИА. Ф.826, оп. 1. Д.2337. Л. 27.

22. ГАВО. Ф. 590, оп. 8. Д. 1. Л. 99.

23. *Белов Ю.* Эхо Второй мировой войны // Владимир. Литературно-художественный и краеведческий сборник. Кн.18. Владимир, 2005.

24. *Овчинников Г. Д.* Савелий Ферельцт – автор «Путешествия критики» // XVIII век. Сб.16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Л., 1989. – С. 281–288 ; ГАВО. Ф. 556, оп. 108. Д. 1115.

25. НИАБ. Ф. 1781, оп. 5. Д. 54. Л. 1; РГИА. Ф. 821, оп.125. Д.752. Л. 1; РГИА. Ф. 826, оп.1. Д. 990. Л. 2, 46, 51; РГИА. Ф. 826, оп. 3. Д. 44. Л. 143.

Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии) / Сост. Я.П. Гарелин. Ч. 2. С 19.02.1861 года по 1.01.1884 года. – Шуя, 1885. С. 37, 65 ; *Семененко А. М.* Этноконфессиональное описание Иваново-Вознесенска по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Границы. Альманах центра этнических и национальных исследований ИвГУ. «Этническая ситуация в Ивановской области». Выпуск 1 . – Иваново, ИвГУ. 2007. С. 29–30; Тихонов А.К. Сравнительный анализ религиозного состава населения Владимирского края (по материалам переписи 1897 г. и современному состоянию) // Рождественский сборник. Выпуск XVI / Материалы конференции «Российская провинция: история, традиции, современность». – Ковров, 2009; РГИА. Ф. 826, оп.1. Д. 990. Л. 24; Владимирский историко-статистический сборник / Изд. Владимирского губ. стат. ком. ; Под ред. секр. ком. К. Тихонравова. – Владимир: Губ. тип., 1869. С. 5.

26. РГИА. Ф. 821, оп.125. Д.752 Л. 20, 25.

27. РГИА. Ф. 826, оп. 1. Д. 990. Л. 10; Волгин А.В. К.С. Яцунский – лесничий и лесной ревизор Владимирской губернии // Рождественский сборник. Вып. XIII : матлы конф. «История в лицах: интеллигенция и провинция». – Ковров, 2006. С. 91–92 ; *Маркова Т.Е.* Владимирские фотографы XIX – начала XX вв. // Владимиро-Суздальский музей-заповедник : мат-лы исследований. № 5. – Владимир, 1999. С.72, 75 ; Материалы областной краеведческой конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.Н.Воронина (19.04.2004 г.). – Владимир, 2004 ; *Мозгова Г.Г.* О роли фотографии в изучении местного края (по материалам 2-й пол. XIX в.) // Материалы областной краеведческой конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.Н. Воронина (19.04.2004 г.). – Владимир, 2004. С.103, 111.

28. *Тимофеева Т. П.* Кирпичное производство губернского Владимира// Материалы исследований ВСМЗ. – Владимир, 2001. С.78–85 ; *Балдин К.Е.* Национальные диаспоры в Иваново-Вознесенске в начале XX века// Границы. Альманах центра этнических и национальных исследований ИвГУ. «Этническая ситуация в Ивановской области». Вып. 1. – Иваново, 2007. С.12–13 ; Из мемуаров А.И. Дельвига о строительстве Московско-Нижегородской железной дороги http://www.vladregion.info/articles/iz-memuarov-ai-delviga-o-stroitelstve-moskovsko-nizhegorodskoi-zheleznoi-dorogi ; *Громов С.Д.* Железнодорожное строительство во Владимирской губернии во второй половине XIX–начале XX века // Владимир: литературно-художественный и краеведческий сборник. – Т. 24. – Владимир, 2012. С. 165.

29. Владимирский календарь и Памятная книжка Владимирской губернии на 1902 год. – Владимир. 1901. С. 154. Суздальский земской врач Николай Помпеевич Розакутти – православный. С. 120, 121, 122, 124, 129, 131, 137, 139, 142, 148, 149, 151, 153, 154, 157, 158;

Владимирский календарь и Памятная книжка Владимирской губернии на 1903 год. – Владимир. 1902. С. 3, 4, 5, 7, 8, 12, 15, 16, 17, 20, 23, 24 25, 26, 28, 29, 31, 32;

Владимирский календарь и памятная книжка Владимирской губернии ... . – Владимир: Владимирский губернский статистический комитет , 1862. С. 12, 24, 25, 33, 35, 2-е отд.: С. 6, 48, 53, 65, 76, 79, 93, 97, 106, 117;

Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 г. Издание под редакцией секретаря комитета Н.П. Шипина. – Владимир. 1895. С. 746, 749, 750, 751, 752, 753, 758, 762, 763, 784, 791, 793, 794, 801, 806, 810, 815, 816, 817, 818, 819, 821

Памятная книжка Владимирской губернии на 1864 год. Издание Губернского Статистического Комитета на $18^{63}/_{64}$ год. Отдел 1. – Владимир: В Типографии Губернского Правления, 1863. 2-е отделение. С. 36;

Памятная книжка Владимирской губернии на 1864 год. Издание Губернского Статистического Комитета на $18^{63}/_{64}$ год. Отдел 1. – Владимир: В Типографии Губернского Правления, 1863. С. 7 сл., Приложения 1, 2, 4, 6, 7, 11;

Владимирский историко-статистический сборник / Изд. Владимирского губ. стат. ком.; Под ред. секр. ком. К. Тихонравова. – Владимир: Губ. тип., 1869. С. 5;

Памятная книжка Владимирской губернии на 1864 год. Издание Губернского Статистического Комитета на $18^{63}/_{64}$ год. Отдел 1.– Владимир: В Типографии Губернского Правления, 1863. С. 7, 17, 18, 22, 25, 34, 35, 38, 2-е отделение: С. 8, 28, 36, 61, 69, 73, 84, 100, 108, 128, 130, 131;

Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год. – Владимир: Владимирский губернский статистический комитет. 1912. С. 201–203, 214–217, 220–234.

30. ГАВО. Ф. 14, оп. 6. Д. 587. Л. 8–8 об., 9; РГИА. Ф. 826, оп. 1. Д. 506. Л. 127.

31. РГИА. Ф. 826, оп.1. Д. 990. Л. 47, 53.

32. РГИА. Ф. 826, оп.1. Д. 990. Л. 13; РГИА. Ф. 822, оп. 5. Д. 20528. Л. 1, 11 об.; РГИА. Ф. 822, оп. 5. Д. 20556. Л. 1.

ГЛАВА 5

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОГО РЕГИОНА

1. Появление и развитие лютеранской общины во Владимире и губернии. Евангелическо-Лютеранская церковь – российское наименование лютеранской церкви – одного из основных христианских вероисповеданий. Лютеранская церковь (лютеранство) возникла в результате реформационного движения в Германии в XVI веке. Основные принципы вероучения лютеранской церкви сформировались в ходе борьбы Мартина Лютера и его сподвижников против злоупотреблений римско-католической церкви. Именно протест сторонников Мартина Лютера на имперском сейме в Шпеере в 1529 г. дал название «протестанты» всем христианским течениям, рождённым Реформацией. Из Германии лютеранская церковь распространилась в страны Европы – Австрию, Венгрию, Францию, Нидерланды, страны Скандинавии, Прибалтику, а затем и в Северную Америку. На севере Германии, в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике (Латвия и Эстония) лютеранство стало господствующей религией.

Появление лютеран в России относят к XVI веку. Первые лютеране в России появляются почти сразу после возникновения протестантизма на Западе. Причины приезда их в страну были самыми различными. Прежде всего, заинтересованные в западных специалистах, русские цари приглашали ко двору на службу докторов, аптекарей, художников, переводчиков и военных. Многие из них – шведы, финны, немцы датчане – были лютеранами. Кроме того, увеличению числа лютеран в России способствовали политические условия: расширение межгосударственных связей приводило к обмену дипломатическими миссиями, заключению договоров с лютеранскими странами. Вместе с иностранцами-лютеранами в Россию приезжали и лютеранские пасторы. В XVI-XIX веках численность лютеран в России увеличивалась в результате войн, поскольку к территории России присоединялись земли с лютеранским населением. Военнопленные-лютеране расселялись по разным русским городам. В царствование Екатерины II (1762–1796) число лютеран в России заметно увеличилось за счет прибывших в страну немцев-колонистов, из которых две трети были лютеранами. В основном они селились в Поволжье.

После победы в Наполеоновских войнах император Александр I под влиянием религиозно-мистических идей задался целью объединения

всех протестантских (лютеранских и реформатских) церквей на территории Российской империи. Указом от 7 января 1818 года все протестанты империи объединялись в единую Евангелическую церковь с епископальным управлением, имеющую апостольскую преемственность от Церкви Швеции. В помощь епископу 20 июля 1819 года была учреждена Государственная евангелическая генеральная консистория с равным числом членов из мирян и духовенства. Наиболее значительным событием в истории Лютеранской Церкви в XIX веке можно считать принятие в царствование Николая I в 1832 г. Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви в России. Все лютеранские общины объединялись в единую церковь. Вся территория Российской империи была разделена на 8 консисториальных округов, шесть из которых располагались в Остзейских провинциях, а остальные два – Петербургский и Московский – охватывали практически всю империю: первый – запад Европейской части России и Украину, а второй – территорию от Москвы до Тихого океана [1].

Представители евангелистическо-лютеранского вероисповедания в тихом провинциальном Владимире стали появляться с конца XVIII–начала XIX веков [2]. Первые лютеране, которые прибыли в наш город, были немцами. Многие из них работали в гимназиях преподавателями иностранных языков. Среди первых лютеран известны: фон Кноблох Карл Егорович, Стремберг Альберт Христианович, Бейзерт Карл Карлович, Геринг Герман Федорович, Дихеус Карл Карлович, Рейхардт Карл Юльевич ….. Учителя-немцы также преподавали французский язык, математику, служили надзирателями в пансионе гимназии. Их жены часто работали в женских учебных заведениях и вели там иностранные языки, пение, рукоделие, математику [3].

Слова «немец» и «врач, аптекарь» в России долгое время практически были синонимами. Немцы стояли у истоков медицинского дела в России, создания аптек и госпиталей. Среди владимирских немцев-лютеран было немало хороших аптекарей и врачей. Уже в 1781 году во Владимире появилась частная аптека провизора Христиана Деринга**,** которая располагалась на территории Богородице-Рождественского монастыря. В 1805 году Адольф фон Гекендорф открыл во Владимире вольную аптеку. 15 (27) сентября 1805 года состоялось ее торжественное открытие. Управление аптекой было поручено провизору Христофору Калкау, «имевшему свидетельство от медицинской конторы». 1 сентября1809 года приказ заключил контракт, согласно которому аптека была сдана в четырехлетнюю аренду «вольному» аптекарю-провизору Штрейтеру, ко-

торый содержал ее до 1827 года [4]. В 1844 году владельцем аптеки упоминается немец-лютеранин Форбек, который пожертвовал 25 рублей на учреждение во Владимире детских приютов [5].

В первой половине мая 1858 года были организованы работы на участке Москва-Владимир, а на участке Владимир – Нижний Новгород строительство развернулось с весны 1859 года. Ввод в эксплуатацию Московско-Нижегородской железной дороги явился большим событием в экономической жизни страны. Она соединила европейскую часть России с ее восточными районами. Движение поездов по участку от Москвы до Владимира было открыто 14 июня 1861 года. Второй участок – Владимир – Нижний Новгород был закончен 1 августа 1862 года [6]. В управлении путей сообщения служили: начальником 1-й дистанции инженер-поручик Александр Васильевич Зальцман, начальником 4-й дистанции инженер штабс-капитан Александр Михайлович Раутенберг, исправляющий должность начальника отделения инженер-капитан Фёдор Францевич Ридель [7].

Первоначально ни своего пастора, ни своей церкви у владимирских лютеран не было. Окормляли лютеран пасторы московских общин. Так, в конце февраля 1839 года из Москвы прибыл во Владимир пастор Зедергольм, о чем были извещены через газету лица протестантского исповедания. В газете «Владимирские губернские ведомости» от 16 декабря 1839 года было опубликовано следующее объявление: «Главная Московская Евангелическая Консистория назначила пастора Зедергольма в город Владимир проповедником для находящихся здесь прихода христиан евангелической церкви. Так как этот приход еще не определен, то необходимы были предварительные сведения от всех членов евангелического общества». В связи с этим аптекарь Фридрих Форбек принимал письменные заявления от лютеран до 10-го января 1840-го года. Пастор Карл Зедергольм постоянно стал приезжать из Москвы во Владимир на Рождество и Пасху. Затем по просьбе гражданских лиц и воинских чинов он же совершал таинства крещения, бракосочетания, конфирмации и погребения усопших.

О том, что Зедергольм бывал во Владимире, свидетельствует А. И. Герцен, который отбывал ссылку во Владимире. Он писал Кетчеру Н. Х. 15 – 17 марта 1839 года: «… Я выписал Менцеля историю немцев, выпишу и еще кое-что классическое; но больше 200 руб. на книги издержать не могу. Здесь был пастор Зедергольм, который вышел мне знаком по Огар<еву>, я провел с ним вечер и узнал много нового о немецкой литер<атуре>. Например, что молодое поколение

смотрит на Гёте уже не так подобострастно, что рационализм в религии, почти совершенно философской, взял перевес над пиетизмом etc. Он толкует о вреде Гегеля, но, кажется, плохо его знает, а впрочем, мало было времени говорить пространнее» [8].

Отец Зедергольм приезжал в город до 1850 года. Затем он был отстранён от ведения проповедей и поставлен под надзор полиции. Причину его отстранения отразило секретное донесение из канцелярии начальника Тульской губернии в Министерство внутренних дел. В документе говорилось, что пастор Зедергольм, приезжая в Тулу, в своих проповедях особое внимание обращал на «идеи германского отечества лютеран», проживающих в Туле и «недоброжелательно относился к русским». Донесение повлекло за собой увольнение К. Зедергольма от должности пастора с запретом проповедовать в каком-либо месте и установлением над ним полицейского надзора [9].

Во Владимире его сменил дивизионный проповедник Евангелистическо-лютеранского вероисповедания пастор Отто, который прибыл во Владимир 24–27 марта 1857 года для совершения богослужения [10]. 25–28 февраля 1860 года лютеранский пастор Громан приезжал из Твери во Владимир и совершил богослужения в доме аптекаря Бренейзена [11].

Лютеранская община во Владимире вполне сложилась к середине XIX столетия, хоть и была тогда не слишком большой. К 1860 году во Владимире проживало 40 немцев, все они были лютеранами. Для немцев, находящихся в чуждом окружении, жизнь их церковной общины была особенно дорога. Это был сплоченный мир, где говорили только на родном языке и с пристрастием культивировали религиозные, культурные традиции и обычаи. Помимо немцев в лютеранском приходе были шведы и финны, эстонцы и латыши. Где только они не работали – и инженерами и механиками на железной дороге, и учителями в гимназиях, служили врачами и провизорами в больнице и аптеке.

С каждым годом колония лиц лютеранского исповедания увеличивалась по своей численности. В «Статистическом очерке Владимирской губернии» за 1862 год были опубликованы официальные сведения о составе населения губернии, в том числе по вероисповеданию: римско-католического исповедания в губернии проживали 478 мужчин и 123 женщины, а протестантского исповедания – 148 мужчин и 82 женщины.

Первые точные сведения о национальном составе населения г. Владимира опубликовал Субботин в книге «Губернский город Владимир в 1877 году», где он привёл следующие данные: в 1877 году число

лютеран в городе достигло 200 человек, что составляло 1,1% от всего населения города.

В 1884 году состав населения во Владимире был таким: всего в городе проживали 9 982 мужчин и 7 826 женщин, православных – 9 348 мужчин, 7 122 женщин, людей протестантского вероисповедания – 140 мужчин и 128 женщин, римско-католического вероисповедания – 154 мужчин, 203 женщин, еврейского – 263 мужчины, 294 женщины, магометан – 25 мужчин, 19 женщин, раскольников 52 мужчин, 60 женщин.

И. Смирнов в сборнике «География Владимирской губернии», вышедшем в 1896 году, сообщил, что в губернии насчитывается: православных – 1 524 708человек, католиков – 900, протестантов – 487, евреев – 1012, магометан – 332.

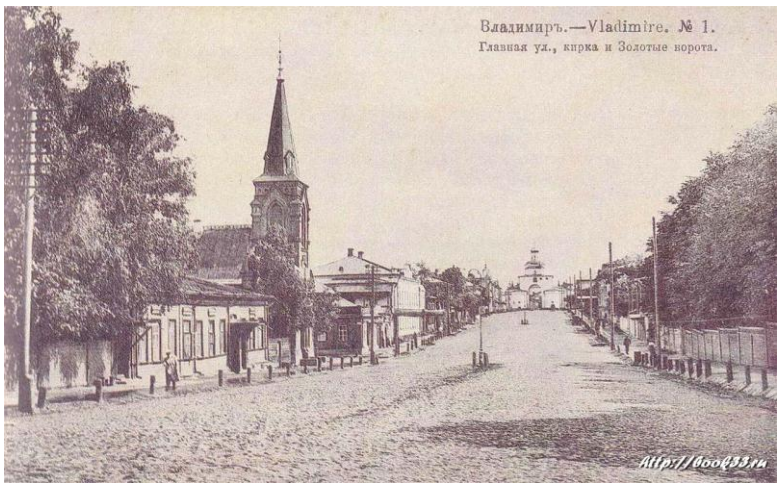
К 1898 году в лютеранской общине города состояло 150 человек, из них 82 мужчины, 72 женщины.

В 1900 году, по сообщению пастора Е. Гольцмайера, лютеран в приходе насчитывалось 171 человек, из них 84 мужчины, 87 женщин. В то же время из книги прихода 1900 года мы узнаем, что лютеран во 2-й части Владимира проживало 37 мужчин и 76 женщин. А в письме церковного совета Владимирского Евангелистическо-лютеранского прихода от 5 января 1900 года приставу 1 –й части города Владимира сообщалось: «Имею честь уведомить, что число жителей лютеранского исповедования во Владимире 98 человек, а именно: 34 – мужского пола, 64 – женского». По другим данным всего в приходе лютеранской церкви во Владимире в 1900 году насчитывалось: 121 человек, из них 59 мужчин, 62 женщины. В лютеранском обществе в губернии на октябрь 1900 года состояло 373 прихожанина, из них 158 мужчин, 285 женщин [12].

В 1904 году авторы сборника «Памятная книжка и календарь» отметили, что православных во Владимире проживает 311 278 мужчин, 922 406 женщин, из них протестантов и лютеран – 379 мужчин, 391 женщина. В 1910 году протестантов и лютеран в губернии проживало более 1 000 человек, из 651 мужчина и 494 женщины.

В «Трудах Владимирской Губернии Научного Общества по изучению местного края» (1921) указывается, что в 1914 году во Владимирской губернии проживало:

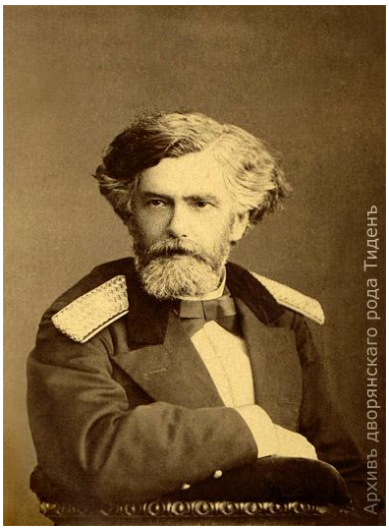
	В городах (чел.)	В уездах (чел.)	Всего (чел.)
Евреев	917	122	1039
Магометан	1244	513	1757
Протестантов и лютеран	1072	293	1365
Католиков	1342	115	1457



г. Владимир. Главная ул., кирка и Золотые ворота

Пастор Евгений Кан

Лерхе Герман Густавович



Тиден Эдуард Христофорович

2. Строительство и деятельность Евангелистическо-лютеранской кирхи. В 1859 году началось официальное оформление лютеранского прихода во Владимире и губернии. Члены лютеранской общины учредили Владимирский церковный совет из 5 членов, на что было дано согласие Санкт-Петербургской Консистории. Председателем по церковным делам был избран Владимирский губернский Почтмейстер, коллежский советник Евгений Карлович Шульман [13]. Он разослал по городам губернии письма с просьбой, определить количество проживающих там лютеран.

7 мая 1859 года Е. К. Шульман сообщил о намерении построить лютеранскую церковь и выписать постоянного пастора. Для этого общество христиан лютеранского вероисповедания обратилось к владимирскому гражданскому губернатору за разрешением открыть во Владимире свой храм [14]. Их просьба была удовлетворена. Министр внутренних дел России утвердил 16 ноября 1860 года в городе Владимире Лютеранский церковный совет и разрешил для службы лютеранского пастора. Церковным советом был избран пастор Рейнгольд Карлович Редер, утвержденный Генеральной Консисторией. Санкт-Петербургская Генеральная духовная Консистория 10 марта 1861 года сообщила во владимирский Евангелистическо-лютеранский церковный совет: «Министр Внутренних дел разрешил владимирскому церковному совету покупку дома Петровского с пристройкой и землёю во Владимире за 4 900 рублей на устройство молельни и жилища пастору за счет суммы, составленной из добровольных приношений и пособий от Центральной Консистории, вспомогательной кассы Евангелистическо-лютеранских приходов в России и в Москве». Это был деревянный дом на каменном фундаменте с землею и садом в 1-й части 2 квартала, «идучи от Золотых ворот к церквам вознесения Господня или святого Николая Чудотворца» [15].

6 апреля 1861 года Церковный Совет Владимирской Евангелистическо-лютеранской церкви в составе: председателя Церковного совета статского советника Евгения Шульмана и членов церковного совета Карла Бейзерта и Карла Реезе обратился во Владимирскую Палату гражданского Суда для совершения купчей крепости на приобретение дома Петровского. Но 11 апреля 1861 года Владимирская Губернская строительная и дорожная комиссия прислала Е. Шульману отрицательный ответ. При этом для покупки церковному совету был предложен дом вдовы поручика Ивана Сергеевича Безобразова, стоящий на Большой Дворянской улице

[16]. В результате Церковный совет согласился купить дом Устиньи Безобразовой с землёю, ценою в 3 500 рублей и попросил разрешения на совершение купчей крепости на этот дом для устройства в нем молитвенной залы и пасторского жилища. Согласно купчей крепости от 12 мая 1861 года церковным советом был приобретен этот дом в 1-й части Дворянской улицы [17]. Сохранился договор от 4 июня 1861 года заключенный между крестьянином Василием Григорьевичем Филипповым и Советом Евангелистическо-лютеранской церкви о работах по капитальному ремонту дома для Евангелистическо-лютеранской церкви. 13 декабря 1861 года Владимирский городовой архитектор Тиден сообщил в совет лютеранской церкви г. Владимира: «… временно обязанный крестьянин Василий Филиппов принял на себя под наблюдением избранного советом архитектора г-на Рейма перестройку купленного обществом лютеран дома для церкви, а также перестройку флигеля, сарая, конюшни, ледника на сумму 1 604 рубля 35 копеек» [18]. В конце 1861 года дом был отремонтирован, в нем было устроено помещение для молитвенной залы. Дом стоял на земельном участке, где были и хозяйственные строения: сарай, амбар, ледник. От других жилых зданий кирху отличал только крест на крыше.

На основании исторических документов можно проследить историю возникновения во Владимире лютеранского кладбища. 27 марта 1862 года к Владимирскому военному Губернатору генерал-майору Александру Петровичу Самсонову по поручению совета владимирской евангелистской лютеранской церкви обратился Карл Лерх с прошением выделить землю под лютеранское кладбище, «или у Нижегородской заставы, или у рощи» [19].

Без внимания прошение лютеран не осталось. 24 мая 1861 года городскому архитектору Эдуарду Васильевичу Тидену было направлено предписание губернской строительной и дорожной комиссии. Городовой архитектор отнесся к делу с полной серьезностью. Но исполнить поручение в срок не вышло. Оказалось, не ясно, кому принадлежит земля в местности, называемой Сосенки, городу или Гончарной слободе. Именно на это место первоначально пал выбор членов комиссии. Разбирательство длилось почти четыре месяца. В конце концов, члены комиссии предложили лютеранам место за Вокзальной рощей (сейчас здесь начинается улица Чайковского), тем более что земля там была городская. Об этом Э. В. Тиден доложил 30 октября, в своем рапорте в губернскую Строительную и Дорожную комиссию [20].

Лютеранская церковь, основанная в 1861 году в купленном деревянном доме, была очень небогата средствами и едва поддерживалась

усилиями здешних лютеран. Так в июле 1862 года в совет Евангелистическо-лютеранской церкви было передано 33 рубля 63,5 копейки серебром на поддержку церкви от штаба 2-й гренадерской дивизии.

29 апреля 1864 года в городе был дан концерт в пользу Владимирской лютеранской церкви, который привлек разные слои городского населения. На концерте были дамы высшего губернского круга, жены машинистов железной дороги, инженеры и кочегары, учителя и врачи, всего около 150 человек. Концерт состоял из 3-х отделений. За организацию концерта взялся учитель музыки, немец по происхождению Рихард Иванович Делич. В концерте принимали участие не только немцы, но и русские. Увертюру из оперы Беллини «Норма» исполнили на двух фортепьяно в восемь рук В. И. Возницына, С. И. Хотковская, С. А. Яновская, С. И. Зарецкая, А. С. Диль, Р. И. Делич, К. К. Диль. Квинтет Моцарта исполняли Делич, Вайнер, Шульман. Два романса были спеты М. А. Шуман. От концерта было выручено 85 рублей, которые были переданы на содержание кирхи [21]. В 1864 году доходы церкви составили 1980 рублей. Они включали добровольные вклады (взносы) от города, от округа, от железной дороги, пожертвования от частных лиц, средства от лотерей и концертов, сдачи в наем квартир в доме и флигеля и т. д. Расходы церкви составили 1 544 рубля [22].

Лютеране старались держаться друг за друга, вместе проводить свой досуг. Начиная с 1864 года, немец Хорт, живший во Владимире, стал устраивать летом гуляния в своем фруктовом саду с кеглями, качелями и музыкой. Перед входом он поместил вывеску: «Bier- Halle». Чтобы попасть туда, нужно было заплатить 10 копеек за вход. Это заведение и гуляния в нём посещали в основном немцы, служащие на железной дороге, и их семьи. Они играли в кегли, пили пиво. 8 июня того же года (1864) был запущен воздушный шар, и посмотреть на это зрелище собралось 200 человек [23].

Лютеранами была открыта воскресная евангелистическая церковная школа. Она была собственностью церковной общины и содержалась исключительно на её средства. В школе действовало 3 отделения. Отделение №1 предусматривало 2-х летний курс обучения для детей, лишь начинающих читать и писать. Там изучались: Священная история, чтение, чистописание, счисление от 1 до 100, разговоры, рисование, пение, русский язык, французский язык. Обучение в отделении №2 (3-х летний курс) включало изучение таких предметов как: катехизация, Священная история, счисление, немецкий язык, русский язык, французский язык,

чтение, чистописание, география всеобщая, история всеобщая, естественная история, геометрия, рисование и черчение, пение. Отделение №3 было для детей, посещающих школу для изучения немецкого языка: чтение, письмо, переводы, разговоры, стилистика [24].

Владимирские лютеране не оставались в стороне от городских дел. 15 марта 1864 года в городе загорелся новый деревянный дом близ железнодорожной линии. В тушение огня организовал начальник 4-й дистанции Нижегородской железной дороги инженер фон-Шульц [25].

21 апреля 1844 года губернское попечительство о детских приютах учредило во Владимире Александринский детский приют с целью «призрения и воспитания бедных сирот и детей неимущих родителей». Смотрительницей приюта стала дочь титулярного советника Софья Карловна Кояндер [26]. В январе 1868 года состоялась лотерея-аллегри в пользу Александринского детского приюта. Среди жертвователей для лотереи были лютеране: М. М. Ранг, А. А. Ранг, И. М. Яман (10 рублей), госпожа Шульц. В феврале того же года в фонд Общества попечения о раненых и больных воинах, казначеем которого К. К. фон-Шульц, были внесены пожертвования в сумме от 3 до 10 рублей надворным советником Готманом, Нарбутом, фон-Шульцем, командиром батальона 46 пехотного резервного полка Эйзен-фон-Шварценбергом, Штибером, инженер-поручиком Зальцманом, Рейзлером. 30 марта того же года газета «Владимирские губернские ведомости» опубликовала список жертвователей в пользу бедных горожан к празднику Пасхи, среди которых были: гласный, титулярный советник Федор Андреевич фон-Бах, член городской управы Людвиг Августович Вейс, надворный советник Дмитрий Романович Готман, преподаватель математики Карл Реезе, начальник 4-й дистанции Нижегородской железной дороги Карл Константинович фон-Шульц и его жена Мария Николаевна, полковник Иван Карлович Шварценберг, аптекарь Иван Михайлович Яман [27].

В 1870 году в церковный совет вместе с пожертвованиями командир резервного батальона Владимир Громан прислал списки 52 человек, нижних чинов лютеранского вероисповедания со словами: «Все были у исповеди и святого причастия» [28]. Для сбора денег в пользу церкви регулярно проводились лотереи, которые устраивал Владимирской Евангелистическо-лютеранский Церковный Совет. Подобная лотерея в пользу лютеранской церкви была проведена в 1871 году. Было продано 1273 билета. Цена билета составляла 50 копеек. Билеты покупались не только во Владимире, но и в Муроме, Петушках, Коврове, Москве [29].

Одной из статей дохода лютеранского прихода была сдача в аренду флигеля и квартиры в доме лютеранской церкви. Например, 30 июня 1873 года уполномоченный от Владимирского Евангелистическо-лютеранского Церковного Совета коллежский асессор Пётр Петрович Вильямс и статский советник Егор Карлович Текштрем заключили договор найма квартиры в доме в 1-й части города Владимира по Дворянской улице, принадлежащем Евангелистическо-лютеранской Церкви [30].

Каждая лютеранская община управлялась советом. Совет занимался финансами прихода, строительством и ремонтом церковных зданий, следил за сохранностью церковного имущества и т. д. Пастора содержала община; о размерах жалованья и платы за требы пасторы договаривались с общиной. В 1869 году в церковный совет лютеранской церкви входили: Генрих Якобсон, Карл Поэ, Мартин Эпингер, Карл Хольст, А. Мейстер, Оскар Лаксе, Адольф Дорн, Бергфельд, Карл Лединг, Артур Гиндорф [31].

С 1874 года президентом церковного совета стал провизор, надворный советник И. М. Яман, а членами совета были избраны: коллежский советник Егор Карлович Текштрем, коллежский асессор Пётр Петрович Вильямс, Л. Рудзельфский, служащий железной дороги С. Май [32].

В отчете церковного совета за 1874 год был представлен список людей в алфавитном порядке, которые жертвовали церкви в 1874 году. От города Владимира это были: Бренензейн, Даватц, фрау Кояндер, Эльрам, фрау Флейшер, Гернгросс, Обрист, Геринг, фрау Клайн, капитанская вдова Горлатч, фрау Ковалевская, вдова Гастинг, Лаурсон, мзель Гертель, фрау Мартенс, Яман, Матисен, Игнатиус, Анна Мейер, фрау Отенберг, Анна Мур, Реезе, Шмиттен, фрау Саксе, фрау Лаура Соболева, Шмидт, Штумпф, фрейлин Фогт, Вильямс, Зибур. От служащих железной дороги деньги передали: Берг, Григолайт, Герман, Гильдербрандт, Холезен, Кёниг, Кюн, Латендорф, Мей, Май, Онезорге, Петцольд, Шуберт, Штекер [33].

Так как число лиц евангелистическо-лютеранского вероисповедания возрастало, то небольшое деревянное здание кирхи уже не устраивало общину, и лютеране решили построить для себя во Владимире каменную церковь. Их поддержали своими средствами сочувствующие им горожане [34].

К началу 1880-х годов необходимые для кирхи во Владимире средства были собраны, деревянную церковь разобрали, а на ее месте, на Дворянской улице начали строительство каменной кирхи из красного кир-

пича. Фундамент новой Евангелистическо-лютеранской Церкви во Владимире был заложен 24 апреля 1883 года. Торжественную речь держал пастор Евгений Кан. На церемонию собрались члены церковного совета, прихожане и городское общество. План кирхи был бесплатно выполнен городским техником Михаилом Кнопф, католического исповедания. Руководили строительством члены церковного совета Карл Милленгаузен и Антон Лаурсон. Церковь осенью 1883 года была подведена под крышу, а 29 июля 1884 года была освящена [35]. В 1886–87 годах пастором оставался Евгений Кан, президентом церковного совета был чиновник 14 класса доктор Адольф Иванович Мейер, а членами совета: Штерн, коллежский советник Александр Антонович Шагин, преподаватель немецкого языка, воспитатель пансиона Дихеус, Дукельт, Даватц [36].

Лютеранские церкви в городах строились во второй половине XIX века и с помощью, в том числе, средств Вспомогательной кассы для евангелическо-лютеранских общин России. Кирхи воздвигали из кирпича в так называемом историческом или эклектическом стиле: базилика с элементами готики или романского стиля, часто с высокой заостренной башней. Это был наиболее любимый лютеранами вид церкви, указывающий на истоки и корни их церкви. Меньшая часть церквей строилась в классическом стиле [37].

Основная часть владимирской лютеранской церкви представляла собой одноэтажное здание с двухскатной крышей и традиционными высокими стрельчатыми окнами. Самой красивой внешней частью кирхи был центральный фасад с высоким шпилем. По традиции, этот фасад расчленялся на три части. В нижнем ярусе находилась большая входная стрельчатая дверь, портал, который образовывал паперть, вдающаяся внутрь. Второй ярус составляли три окна, расположенные над порталом. Между первым и вторым ярусами был выложен в кирпичной кладке крест. Третий ярус представлял собой остроконечную башню, увенчанную шпилем и крестом. Наружные стены кирхи были достаточно хорошо орнаментированы. В целом лютеранская церковь соответствовала готическому стилю – длинный острый шпиль, вытянутая вверх крыша с крутыми скатами, большие вытянутые оконные проёмы [38].

Интерьер кирхи был просторным и довольно высоким. По традиции центральным украшением лютеранской кирхи являлся крест. На Алтаре в центре располагалась Библия, свечи, а также чаша с вином и сосуд с хлебом для совершения Таинства Причастия. В центре залы размещалась кафедра с возвышением, с которой пастор произносил

проповеди. Здесь же находились орган, скамьи разного размера для верующих, на стене висели часы с боем. Освещение церкви состояло из люстр, канделябров, лёгких канделябров, висевших на стенах. Рядом с алтарем помещалась крещальная чаша. Перед Алтарем была небольшая перегородка, которая служила для того, чтобы верующим было удобно преклонять колена перед принятием таинства [39]. Известно, что в помещении лютеранской церкви в течение многих лет проживал коллежский асессор, прозектор Эдмунд Мартынович Виклейн. Вместе с ним жила его дочь, Маргарита Эдмундовна Виклейн, которая преподавала немецкий язык в частной женской гимназии Орловой. Позже в 1910-х годах их семья переехала в Пензу [40].

Евангелическо-Лютеранская Церковь, к которой принадлежало большинство российских немцев, сыграла главную роль в сохранении немецкого языка и культуры в России. Богослужение в Евангелическо-Лютеранских храмах России велось на немецком языке, и порой лишь там городские немцы могли собраться вместе, поговорить на родном языке и послушать хорошую литературную немецкую речь, ибо пастыри большей частью были людьми высокообразованными, окончившими германские университеты.

В 1888 году членами церковного совета был составлен отчет-сообщение об управлении церковным имуществом Владимирского Евангелистическо-лютеранского общества. Доходы церкви составили 1074 рубля, а расходы – 1003 рубля. В отчете приводился список жертвователей церкви, благодаря которым было собрано 190 рублей [41]. При этом члены совета писали о необходимости различных ремонтных работ, которые надо провести по церкви, дому, леднику и ограде, но при этом заявляли, что они не думают просить о списании с лютеранского прихода обременяющих долгов, которые образовались из-за строительства церковного здания, добавляя, что будут исполнять погашение долговых гарантий.

Церковный совет в 1898 году состоял из председателя церковного совета А. А. Шагина, членов совета Брандта, Берга, Рейнхардта, ревизоров Лерха и Фердинанда Эльрама, церковного старосты Карла Фёдоровича Милленгаузена. Пастором служил Е. Гольцмайер. Каждый год совет составлял для Генеральной Консистории отчет о доходах и расходах. В отчетах обязательно записывались имена лютеран, родившихся и крестившихся, прошедших обряд конфирмации (обряд перед первым причащением), венчавшихся и умерших, упоминались лучшие жертвователи Кирхе. В 1898 году члены церковного совета констати-

ровали в своем отчете: «Сегодня количество членов общины во Владимире уменьшилось, но много лютеран проживает в губернии». Этот факт можно объяснить тем, что согласно российским законам, при заключении браков, где один из супругов являлся православным, другая сторона должна была принять крещение в православной вере, получая русское имя. Если же муж или жена оставались в своей церкви, то дети от этого брака должны были быть крещены в православие. В силу действия этих законов многие лютеране через два-три поколения становились православными. При этом они не теряли связи с общиной. Она была достаточно тесной, о чём свидетельствует практика заключения браков и поручительств при крещении детей. В большинстве браков и крещений свидетелями и поручителями выбирались немцы-лютеране.

В 1899 году недвижимое имущество лютеранского прихода включало: каменную церковь стоимостью 10 000 рублей, деревянный жилой дом стоимостью 6000 рублей, хозяйственные постройки стоимостью 2000 рублей, землю и двор, церковный орган, банковские билеты. Доходы составили 1 164 руб. 27 коп, а расходы – 1 165 руб. 17 коп. В 1899 году ремонтных работ по лютеранской церкви, принадлежащих ей зданий, по уличным тротуарам было проведено на сумму 450 рублей. Президентом церковного совета был вновь избран Шагин, членами: Рейнхардт и Берг, ревизорами: Лерх и Эльрам. Закон божий евангелистическо-лютеранского исповедания в женской гимназии попрежнему вел Карл Юльевич Рейхардт. Коллежский советник Александр Антонович Шагин был также председателем правления общества правильной охоты, начальником команды Городского Добровольного Пожарного Общества. В 1899 году членом правления общества вспомоществования нуждающимся ученикам духовного училища был провизор Карл Карлович Брандт [42].

В 1900 году доход лютеранской общины в этом году составил 420 рублей, из которых нужно было заплатить налог 42 рубля для удовлетворения городских потребностей. В связи с этим церковный совет был озабочен предстоящими большими расходами на ремонт пола в церковной ризнице, покраску крыши, восстановление обвалившейся ограды на улице Большие Ременники. Поскольку взносов поступило немного, то выражалось сомнение в возможности оплатить долг в 600 рублей Московскому окружному комитету.

19 сентября 1900 года во Владимире скончался садовник, Юрьевский (Дерптский) мещанин Фердинанд Петрович Эльрам, оставивший

после себя капитал и движимое имущество. Оранжерея Эльрама по духовному завещанию перешла во владение лютеранской церкви. Благодаря этому церковный капитал вырос на 1400 рублей.

17 апреля 1905 года в России вышел Указ о веротерпимости, разрешавший переходить из православной веры в лютеранскую и крестить детей от смешанных браков в лютеранской вере. Ревизию состояния церковного имущества за 1906 год провели ревизоры: Гвидо Дорлей, Э. Виклейн. Люди, которые больше всего жертвовали церкви в 1906 году: Никитин – 10 руб., Герле -10, Берг – 6, Дартау – 6, Лерх – 3, Паппе – 2, Фриауф – 1, Рейхардт – 1 [43].

3. Благотворительная деятельность лютеранской общины. Лютеране принимали активное участие в жизни города. С конца XIX века особенно активно стала развиваться частная благотворительность. Обычно средства благотворительных обществ складывались из ежегодных взносов действительных членов, соревнователей, единовременных платежей почетных членов; пожертвований, субсидий органов власти, процентов с капитала и прибыли от проведения мероприятий. Владимирское Благотворительное Общество было создано вице-губернатором в 1872 году. Его главной целью которого было попечение о бедных, нуждающихся в помощи. В 1884 году общество открыло ремесленно-грамотную школу для детей обоего пола на 100 человек с шестью мастерскими – слесарной, столярной, портновской, сапожной, швейной и белошвейной. Школа помещалась в особом здании за Золотыми воротами на Студеной горе [44]. Казначеем Благотворительного общества с 1899 года контролер государственного банка Рудольф Павлович Ягеман [45].

В 1895 году было создано Владимирское отделение Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых, в совете которого активно работали Зинаида Александровна Лерх и статский советник Эммануил Емельянович Криштафович [46]. Открытое в Солдатской слободе в 1900 году здание приюта для слепых детей было построено по проекту архитектора Петра Бегена.

Активно работали лютеране в обществе вспомоществования нуждающимся ученикам. Его казначеем и делопроизводителем много лет был статский советник Иван Карлович Лерх, а членом правления, действительный статский советник Владимир Густавович Смиттен. 10 января 1903 года в зале Дворянского собрания был устроен благотворительный концерт в пользу общества вспомоществования нуждаю-

щимся ученика мужской гимназии. В концерте участвовали А. М. Додонов, хор и оркестр учеников гимназии, Постникова, Лебедева, Вульферт. Ученики прочитали стихи и басни. Сбор оставил 700 рублей [47].

Во Владимире действовало местное правление Российского общества Красного Креста, казначеем которого был титулярный советник Михаил Александрович фон Мореншильд, а одним из членов правления – князь Игнатий Игнатьевич Гедройц. В январе 1903 года Владимирское управление Российского Красного Креста принимались пожертвования в пользу пострадавшего от землетрясения города Андижана [48]. Во Владимире действовал также Сиротский суд, который помогал детям, оставшимся без родителей, одним из членов которого был Александр Иванович Лятендорф [49].

В конце XIX века в городе было создано медицинское общество, библиотекарем которого был прозектор губернской больницы Э. М. Виклейн, а активным членом – надворный советник младший врач в 9-го гренадерского Сибирского полка Эраст Львович Вернер. В медицинском обществе в 1902 году состояло 33 члена. В библиотеку общества поступили 35 научных трудов русских и иностранных врачей. В феврале 1903 года на заседании общества встал вопрос об устройстве медицинских чтений. Доктор Виклейн присоединился к мнению о необходимости устройства чтений не только в деревнях, но и в городах, поскольку даже в городах врачам приходится сталкиваться с незнанием элементарных правил гигиены [50].

Общество для оказания временной помощи беднейшим жителям города Владимира и его губернии было открыто 29 января 1895 года. При Обществе действовали: мужской Дом Трудолюбия, женский Дом Трудолюбия, дешевая столовая, ночлежный приют. Члены общества собирали средства для помощи населению губернии, пострадавшему от пожаров и неурожая, другим беднякам. В 1908 году в обществе состояло 182 члена. Членом правления общества была Софья Генриховна Брок, а попечителем столовой капитан командир 6-й роты 9-го гренадерского Сибирского полка Людвиг Антонович Болдок [51].

В 1895 году было учреждено Добровольное пожарное общество. Как отмечал составитель «Владимирского календаря» за 1903 год: «Общество снискало симпатии у горожан, а организацией трубочистного отдела оно сократило частоту возникновения пожаров». Начальником команды «охотников» пожарного общества был надворный советник Владимир Михайлович Зейферт [52].

6 марта 1905 года было создано общество «Ясли» и освящен первый дневной приют. Секретарем общества стала Зинаида Александровна Лерх. 2 марта 1907 года был назначен розыгрыш лотереи, устроенный в пользу общества «Ясли». Билетов было выпущено 5000, свыше 500 выигрышей. Билеты по 30 копеек можно было приобрести в магазинах до 25 февраля, а с этого дня – у З. А. Лерх (мужская гимназия). Открытый в 1909 году во Владимире приют «Ясли», призревал, одевал и кормил до 50 детей от 6 до 8 лет. Одним из членов правления был Эдуард Эдуардович Фриауф, капитан 10-го гренадерского Малороссийского полка. Общество организовывало благотворительные вечера и концерты, сборы от которых шли на содержание приюта. Так, 18 мая 1914 года проводилась лотерея-аллегри, чистая прибыль от которой в сумме 2291 рублей 20 копеек, поступила в кассу Общества [53].

15 ноября 1906 года, определением Владимирского Губернского по делам об обществах присутствия, был утвержден устав Общества детской помощи и детских развлечений. Членом правления общества и председателем просветительского отдела стала все та же З. А. Лерх. Правление старалось добывать необходимые средства путем устройства платных спектаклей, лекций, путем выдачи членам Общества подписных листов и особых талонных книжек для сбора пожертвования, а также путем письменных обращений о пожертвованиях. 6 сентября 1909 года на Пушкинском бульваре состоялось гулянье в пользу Общества детской помощи. 29 декабря 1912 года в Народном Доме Обществом Детской Помощи была устроена бесплатная елка для 800 беднейших детей г. Владимира. В качестве подарка дети получали мешочек, в котором были: яблоко, конфеты, пряники и орехи разных сортов. Лакомства получили и дети, пришедшие без билетов и допущенные на елку [54].

В 1910 году было создано Общество любителей естествознания. Его председателем стал статский советник Гвидо Августович Дартау, член губернской землеустроительной комиссии, управляющий государственными имуществами. Обязанности библиотекаря общества выполнял Александр Августович Бауэр. Тогда же появилось Общество садоводства и огородничества, в состав совета которого входили: секретарь А. А. Бауэр и инструктор Михаил Павлович Гинтер [55].

4. Лютеранская община в лицах. Кем же были владимирские лютеране?

Карл Альбрехт (Альбертович) Зедергольм (1789–1867) – лютеранский пастор, литератор, переводчик, известный в московских образованных кругах, собеседник Хомякова, Киреевского, Голубинского и

др. Он, уроженец Финляндии, поселился в Москве в 1820 году и проповедовал тверским, калужским и тульским лютеранам. Свободное от пасторских обязанностей время он посвятил самообразованию, наукам и литературе. Главным трудом его жизни стал перевод «Слова о полку Игореве» на немецкий язык, изданный в Москве в 1828 году. К. Зедергольм был автором двухтомного труда на русском языке «История философии, приспособленная к понятию каждого образованного человека», учебников по немецкому языку, латыни и географии, а также сборника стихотворений на немецком языке, в том числе сборников стихов в честь членов царской фамилии, а также духовно-назидательных текстов. В библиотеке В. Жуковского сохранилась книга молитв, песнопений и проповедей Зедергольма 1835 года. Из свидетельств знакомства поэта с немецким пастором, а точнее, прямого участия в его судьбе, сохранилось также письмо А. П. Елагиной от 2 февраля 1838 года, в котором она ходатайствовала за Зедергольма. О том, удалось ли Жуковскому исполнить эту просьбу, достоверно ничего не известно. Известно только, что Зедергольм занял пост пастыря евангелической общины Тулы, Твери, Орла и Калуги. В книжном собрании семьи Жуковских сохранился также оттиск статьи священника о Плинии Младшем, опубликованной в журнале «Пропилеи» в 1856 году [56].

Статский советник **Герман Густавович Лерхе** (1826–1903) – владимирский вице-губернатор. Семья Лерхе имела немецкие корни, придерживалась лютеранства. Отец – Густав Васильевич – тайный советник, президент лютеранского училища святого Петра в Петербурге. Герман Густавович окончил Императорское Петербургское училище правоведения (1846), учился вместе с будущим обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым. По окончании училища он был произведен в титулярные советники, принят на службу в канцелярию 1-го департамента Сената, откуда через два года перешёл в Министерство юстиции. С 1853 года он служил в Министерстве Двора Его Императорского Величества. С 1859 по 1862 год Г. Г. Лерхе служил вице-губернатором во Владимире. Вице-губернатор считался старшим лицом в губернии после губернатора, уступая лишь губернскому предводителю дворянства. На вице-губернатора возлагался надзор за делопроизводством в Губернском правлении, над членами и чинами канцелярии Губернского правления. В 1862 году Г. Г. Лерхе был переведён на должность управляющего временной комиссией при общем присутствии Контрольного департамента морских отчетов Министерства финансов. В январе 1864 года он получил чин действительного статского

советника. Г. Г. Лерхе был похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге [57].

Для многочисленных чиновников Владимира в городе в 1785–1790 годах было выстроено между древними соборами трехэтажное здание Присутственных мест. В разные годы там служили многие лютеране: титулярный советник Михаил Александрович фон Мореншильдт, отставной подпоручик помощник ревизора Всеволод Борисович Рейнгардт, коллежский асессор князь Игнатий Игнатьевич Гедройц, титулярный советник младший помощник столоначальника Владимир Михайлович Зейферт, счетный чиновник Владимир Васильевич Риттер, статский советник помощник управляющего Губернской землеустроительной комиссии. Гвидо Августович Дартау, надворный советник прокурор губернии Борис Федорович Брок, присяжный поверенный Александр Александрович Эрн, действительный тайный советник товарищ председателя окружного суда. Гаврила Львович Клебер, тайный советник товарищ председателя окружного суда. Гуго Карлович фон Кнаут, член окружного суда Федор Васильевич фон Штенгер [58].

Первым прокурором Владимирского окружного суда в 1866 году был назначен **Крахт Федор Федорович (Фридрих Эдуард).** Федор Федорович Крахт – сын выходцев из Германии во втором поколении, лютеранин. Родился в Москве в 1835 году, обучался в классической мужской гимназии, затем в Императорском Московском университете на юридическом факультете, окончив его в 1856 году со степенью кандидата и чином коллежского секретаря. В 1858 – 1863 гг. служил в Москве в Департаменте Сената. Затем он был председателем Симбирской гражданской палаты, Владимирской палаты уголовного и Рязанского окружного суда, прокурором исполнял Московского и Владимирского окружного суда, членом, а затем прокурором Московской судебной палаты (1870г.). За добросовестную службу Ф. Ф. Крахт был награжден орденами: Св. Станислава I и II степеней, Св. Анны I и II степеней, Св. Владимира III степени. Фамильное захоронение Крахтов было на Немецком кладбище в Москве, на 5-ом Лютеранском участке, приобретенным первым поселившимся в России Крахтом. В 1995 году Международным Союзом Немецкой Культуры на русском языке была издана книга «И возвращается ветер на круги свои (документальное повествование)», в которой излагается история семьи Крахтов. Автор – Матов Владимир Владимирович – потомок семьи Крахтов, врач, доктор медицинских наук, профессор [59].

Педагог-музыкант **Рихард Иванович Делич**, немец, лютеранин обучил игре на фортепиано несколько поколений владимирцев. Из паспорта Делича, сохранившегося во владимирском архиве, мы узнаём о его происхождении: Саксен-Альтенбургский подданный, родился в 1816 году. Фамилия Делич была знакома владимирцам и раньше. Во Владимирской губернской гимназии с 1836 года преподавал иностранные языки (греческий, латинский, немецкий) Богдан Иванович Делич, старший брат Рихарда. Он начал с должности младшего учителя немецкого языка и вскоре стал старшим учителем греческого и латинского. В 1838 году он получил звание доктора философии Иенского университета, о чём было сообщено во «Владимирских Губернских Ведомостях». Именно Богдан Иванович «выписал» во Владимир из Альтенбурга своего младшего брата, 25-летнего Рихарда. В августе 1841 года, когда новое здание гимназии и Благородного Пансиона на Соборной площади принимало учащихся, в штате последнего уже числился учителем музыки Рихард Иванович Делич. В 1840–1860-х годах его имя в нашем городе произносили с уважением. Он образцово исполнял свои служебные обязанности, давал многочисленные частные уроки и участвовал в концертах, которые устраивались в Дворянском Собрании с благотворительной целью. «Владимирские Губернские Ведомости» нередко сообщали о публичных гимназических актах, украшенных музыкальными номерами, подготовленными под руководством Делича. В городе нередко устраивались дворянские концерты, в которых играли городские музыканты и учителя музыки. В частности, Р. И. Делич часто аккомпанировал певцам, исполнял на фортепиано пьесы модных виртуозов того времени Калькбреннера, Феска. В 1866 году деньги, предназначавшиеся на уроки музыки в Благородном Пансионе, были переведены на ремонт здания гимназии; а в 1871 году Дворянское Собрание решило вопрос и о закрытии самого Пансиона. Так, служба во Владимире Р. И. Делича завершилась [60].

Среди самых первых учителей немецкого языка во Владимирской мужской гимназии был **Геринг Герман Федорович** (1866–1880 гг.). Учитель Г. Ф. Геринг даже составил хрестоматию, по которой учащиеся мужской гимназии 5–7-ых классов изучали синтаксис, читали немецкие статьи. В Формулярном списке Геринга значится 14 пунктов. Согласно ему Герман Федорович Герман лютеранского вероисповедания принял присягу на подданство России во Владимирском губернском правлении 11 декабря 1867 года. После испытаний в Императорском Московском университете он получил свидетельство на звание учителя немецкого

языка за № 3559 от 5 января 1872 года. Циркуляром по Московскому учебному округу он был определен учителем немецкого языка во Владимирскую гимназию, и получил пособие 100 рублей и жалование 75 рублей. Указом Правительствующего Сената от 12 января 1872 года за № 13 он был произведен в Коллежские асессоры. Как учитель немецкого языка он получал в год жалованья 900 рублей, за добавочные уроки еще 780 рублей. Он стал кавалером ордена Святой Анны 3-й степени и ордена Святого Святослава 2-й степени. Он был женат на Анне Дункер. У них были сыновья: Владимир, Ярослав, Александр [61].

В конце XIX -начале XX столетия во Владимире славилась учительница музыки, лютеранка, из потомственных дворян **Викторина Александровна Шауман.** Она окончила курс в училище св. Елены. Во Владимире В. А. Шауман работала в женской гимназии преподавателем пения с 20 октября 1890 года. Позднее она стала домашней учительницей. Жила на Студеной горе в доме дом Шаблыкиной. Была награждена Серебряной медалью и в 1903 году представлена к Золотой наградной медали на Анненской ленте. В 1909 году В. А. Шауман преподавала в частной женской гимназии баронессы фон-Штемпель. Впоследствии она перебралась в Муром, где работала уже в советской Муромской музыкальной школе первой ступени, просуществовавшей вплоть до 1944 года [62].

Во Владимире в разное время работали архитекторы, среди которых были лютеране – выходцы из Германии и Пруссии. Архитектор **Николай Карлович Рейм** родился в Санкт-Петербурге в обрусевшей лютеранской семье в 1821 году. В 1843 году он поступил в Строительное училище. Через 3 года, в 1846 году он окончил его со званием архитекторского помощника и приступил к работе во Владимирской губернской строительной и дорожной комиссии, откуда был перемещен в строительное отделение Владимирского губернского правления, где служил в должности младшего архитектора. Н. К. Рейм проявил себя очень плодовитым и трудолюбивым архитектором. Во Владимирской губернии он спроектировал и выстроил множество общественных зданий: пожарных депо, гостиных дворов, почтовых станций, тюремных корпусов, дорожных мостов, несколько храмов и колоколен, пристань в Коврове, бумагопрядильную фабрику в Юже. Позднее Рейм много проектировал и строил в Тульской и в Харьковской губерниях. Кроме строительной деятельности он активно участвовал в различных заседаниях, комиссиях, экспертизах. С 1872 года Н. К. Рейм состоял в чине статского советника. Архитектор был награждён орденами св. Стани-

слава 3-й степени, св. Станислава 2-й степени, св. Станислава 2-й степени с Императорскою короною, св. Анны 3-й и 2-й степеней, св. Владимира 4-й и 3-й степеней, бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 годов. Скончался Николай Карлович Рейм от тяжёлой болезни 5 ноября 1890 года. Он был похоронен 7 ноября на Лютеранском кладбище в Харькове [63].

Архитектор **Тиден Эдуард Христофорович (Васильевич)** также происходил из лютеранской семьи. Родился в 1834 году в Риге в семье Вильгельма Христофора Валентина, о чём есть запись в базе данных профессора Эрика Амбургера. Он окончил Строительное училище (1853), был городовым архитектором Владимира (1858–1865). Построил значительное число жилых домов. Впоследствии он работал губернским инженером в Костроме, затем в Ярославле. Он был похоронен в Костроме [64].

В 1778–1786 годах архитектором Владимирского наместничества стал **Николай Петрович фон Берк**. Он был представителем остзейского дворянства. Фон Берк спроектировал во Владимире первые деревянные казенные постройки: дом наместника, дом губернатора, здание присутственных мест и некоторые другие. В конце XVIII века по указу императрицы Екатерины II для российских городов были разработаны новые генеральные планы. В 1781 году генеральный план утвердили для Владимира. Его автором стал губернский архитектор Николай фон Берк. Он учел особенности древней планировки Владимира и сделал все, чтобы сохранить ее основные элементы: трехчастное деление в пределах валов XII века, доминирующую роль кремля, направляющую ось центральной улицы. Предполагается, что, разрабатывая план застройки города, он спроектировал и здание торговых рядов. В 1783 году по велению Екатерины II фон Берк построил на восточной окраине города деревянное здание рабочего дома, куда помещали представителей низшего сословия, провинившихся за незначительные проступки. В 1876 году исправительный дом превратился в каторжную тюрьму – Владимирский централ – почти на тысячу человек [65].

Если сначала дети владимирских лютеран учились в специальной школе, то позднее они стали посещать те же учебные заведения, что и русские дети. Единственное отличие заключалось в том, что Закон Божий им преподавался не православный, а евангелистско-лютеранского исповедания. Его много лет с 1891 года вел **Карл Юльевич Рейнхардт**. Из Биографических сведений, размещенных Российским Государственным историческим архивом, известно, что Рейхардт родился

9 марта 1857 года, был преподавателем немецкого языка сначала Александровской гимназии в Вязьме в 1886 году, позднее Комиссаровского технического училища в Москве в 1887 году. Имел чин статского советника. Его жена Розалия Васильевна Рейнхардт преподавала рукоделие в женской гимназии. Семья Рейнхардт жила во Владимире на Вознесенской улице, в доме Доброхотова. В земской женской гимназии во Владимире учились девочки не только разных сословий, но и разного вероисповедания. Преобладали православные, но были и католички, лютеранки, иудейки. В 1898 году в гимназии было 7 учениц евангелическо–лютеранского исповедания [66].

Статский советник **Иван Карлович Лерх** долгие годы работал в мужской гимназии. Уже в 1881 году он преподавал математику и физику в губернской мужской гимназии, в которой проработал до 1910 года. В 1899 году Иван Карлович был уже статским советником. Он работал и в женской гимназии, где еще был и секретарем педагогического совета. Являлся делопроизводителем и казначеем Общества вспомоществования нуждающимся учащимся. В 1902 году он стал инспектором мужской гимназии и жил с семьёй при гимназии. Позднее семья Лерх переехала на Дворянскую улицу в дом Бажанова. В 1904 году во Владимире появилось общество «Ясли», активным членом которого был И. К. Лерх, исполнявший обязанности казначея и секретаря. В 1910 статский советник И. К. Лерх по выслуге 35 лет уволен со службы в отставку [67].

В глубине Соборной площади в 1896 году было построено здание Государственного банка. В отделении банка служили: личный почетный гражданин контролер Рудольф Павлович Ягеман (проживал в здании гос. банка), счетный чиновник Владимирского отделения Государственного банка Петр Павлович Феге [68].

В центре города в конце XVIII века было построено здание, которое было продано под почтовую контору, располагавшуюся здесь более 100 лет вплоть до 1918 года. Губернскими почтмейстерами были: коллежский советник фон Шульман, который был также утвержден агентом страхового общества во Владимире, статский советник Эдуард Карлович Беренс. Начальниками Московского Почтово-Телеграфного Округа служили: действительный статский советник Федор Августович Пистолькорс, статский советник Федор Федорович Бургсдорф, надворный советник помощник начальника Людвиг Рудольфович Бауч. Начальником владимирской телеграфной станции служил кол-

лежский регистратор Густав Фёдорович Калерт. В почтово-телеграфной конторе работал чиновник 3-го разряда коллежский асессор Карл Яковлевич Мазинг [69].

Многие лютеране, будучи инженерами и техниками принимали участие в строительстве Московско-Нижегородского шоссе в 30–40-е годы XIX века. В управлении округов путей сообщения служили: помощник начальника отделения инженер, штабс-капитан Антон Августович Гласко, начальник 1-й дистанции инженер-поручик Александр Васильевич Зальцман, начальник 4-й дистанции инженер, штабс-капитан Александр Михайлович Раутенберг, начальник 6-й дистанции инженер-поручик Август Александрович Мего, начальник 7-й дистанции инженер-поручик Михаил Михайлович Ранг. Непременным членом корпуса инженеров путей сообщения был подполковник Николай Александрович Урениус, который имел знак отличия за 20-летнюю безупречную службу. Инженерами и техниками по обслуживанию железной дороги работало много лютеран, имевших немецкие корни: фон Шульц, начальник депо инженер технолог начальник службы тяги Эдуард Яковлевич Ландсберг, помощник начальника станции Владимир-Рязанский Тумо-Владимирского подъездного пути И. Штейн [70].

Некоторое время (с марта 1883 по декабрь 1884 гг.) адъютантом Владимирского губернского жандармского управления служил **Оскар Павлович (Оскар-Фридрих-Герман) Каппель (1843–1889).** Он родился 8 мая 1843 года, происходил из семьи выходцев из Швеции, потомственных дворян Ковенской губернии, принадлежавших к лютеранскому вероисповеданию. Образование он получил в 4-й Московской гражданской гимназии. В качестве жизненного поприща О. П. Каппель выбрал воинскую службу. Был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, орденом Святой Анны 4-й степени и орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Скончался ротмистр Оскар Павлович Каппель 19 января 1889 года, в возрасте 46 лет [71].

Во Владимире в XIX-XX веках были расквартированы 9-й гренадерский Сибирский полк и 10-й гренадерский Малороссийский полк, в которых в разные годы офицерами обрусевшие немцы-лютеране: капитан Иван-Карл Нузбаум-Кааз, подполковник Георгий Ланге, генерал-майор Георгий Яковлевич Мейер, подполковник Бернард-Эдуард Николай-Роберт фон Ган, подполковник Людвиг Антонович Болдок, поручик Вильгельм Фидлер, штабс-капитан Григорий Генрихович Кох, капитан Георгий Францевич Аренс, капитан Эдуард Эдуардович

Фриауф, капитан Анатолий Владимирович Шмидт, который был и преподавателем гимнастики в мужской гимназии. В 1893году газета «Владимирские губернские ведомости» написала, что тогда еще капитан 9-го Сибирского полка, командир 16-й роты 4-го батальона Георгий Вильгельмович Ланге – не только офицер, но и местный композитор, сочинивший концертную пьесу «Свет тихий» [72].

Фон Ган Бернард-Эдуард-Николай-Роберт Карлович (29 октября 1855 года–05 мая 1915 года**)** окончил Аренсбургскую классическую гимназию, затем курс во 2-м военном Константиновском училище по I разряду и в офицерской стрелковой школе. В составе полка жалонерный офицер прапорщик фон-Ган Бернард Карлович участвовал в Русско-Турецкой войне, в битве при Плевне был ранен. По излечении он был прикомандирован к 10-му гренадерскому запасному батальону, квартировавшему во Владимире. В 1899 году он командовал 11-й ротой 3-й батальона. С 2-го июля 1878 года фон-Ган – командующий 2-й ротой. В честь 35-летия победы под Плевной он был произведен в подполковники. Награжден орденом Св. Анны 4-й степени «За Храбрость», орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами [73].

Сразу после учреждения Владимирской губернии в составе одноименного наместничества началась подготовка к избранию органов сословного управления. Высшими выборными должностями тогда являлись предводительские. Предводитель в уезде считался высшим должностным лицом (его величали хозяином уезда), оказывая влияние на все стороны жизни подведомственной территории. Избирались в предводители сроком на 3 года дворяне, имеющие офицерский или равный ему чин, а также определенный имущественный ценз (владельцы не менее 100 душ крестьян).

На протяжении многих лет земским начальником во Владимирском уезде был: корнет запаса **Яков Николаевич Рейнвальд** (5.01.1869–после 1900). Он окончил Тверское кавалерийское юнкерское училище, служил в 12-м драгунском полку (1891–1894). Он был земским начальником 2-го участка Владимирского уезда с 1895 по 1900 годы. Он был также попечителем Владимирской исправительной ремесленно-земледельческой колонии.

Статский советник **Александр Оттович Рейнвальд** также был уездным Предводителем Дворянства (1858–1869, 1879–1881). Он жил в селе Горки Кузнецовской волости, недалеко от Ставрова, в своём имении. Многие помещики Владимирского уезда: А. П. Протасьева

(село Кусуново и деревня Уварово), братья Тюриковы (деревня Бухолово и деревня Ширманиха), Г. Васильчиков (село Погребищи) в течение многих лет передавали А. О. Рейнвальду право охоты в лесных и луговых дачах. Он, в свою очередь, выдавал разрешение на охоту лицам, имеющим специальные билеты. Его брат, Николай Оттович Рейнвальд, жил в Муроме на Московской улице, в своём доме. Он был статским советником, земским начальником 2-го участка по Муромскому уезду, попечителем земского начального уездного училища [74].

5. Появление протестантских церквей. В 1909 году Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий разрешил допускать до служения в общинах евангелических проповедников-иностранцев «без перехода в русское подданство, но при условии присяги на верность службы». В связи с этим ситуация с общинами протестантского официальным признанием существования протестантских церквей во вероисповедания во Владимирском крае изменилась уже в 1911 году. В материалах «Дела о доставлении в Департамент духовных дел ведомости о числе лиц, отпавших от господствующей веры в инославие и иноверные исповедания» указывается, что в Меленковском и Юрьевском уездах проживают представители «секты адвентистов седьмого дня» – всего 12 человек, а в Гороховецком и также Меленковском уездах – Евангельские христиане в количестве 9 человек [75]. Таким образом, в 1911 году губернские власти впервые подтвердили в официальных документах существование протестантских общин нелютеранского вероисповедания.

Особую активность в религиозной деятельности проявляла община Евангельских христиан в деревне Злобино Меленковского уезда, подавшая в 1913 году ходатайство о строительстве молитвенного дома [76]. Председатель совета общины Абрам Канаев впоследствии беспрепятственно получил официальное разрешение на постройку сооружения. Властями лишь были выдвинуты требования к надлежащему качеству стройматериалов и проектной документации в части планировки трубных печей, а также надлежащему вводу здания в эксплуатацию [77].

В 1913 году на территории Владимирской губернии была впервые официально зафиксирована деятельность Баптистских общин в деревне Зауичья и селе Круглово Суздальского уезда. По материалам «Дела с донесением о деятельности сектантов» ясно, что органы полиции не признавали существования организованных крупных общин баптистов в селениях Владимирского уезда. Однако в числе фабричных рабочих «Товарищества Лемешенской мануфактуры» был замечен «представитель

секты баптистов», 27-летний крестьянин деревни Зауичья Быковской волости Суздальского уезда Осип Абрамов, чей отец также принадлежал к баптисткой общине. По словам самого молодого человека, он лишь готовился к крещению в соответствии с баптистским обрядом и всех особенностей вероучения ещё не знал, но считал своим наставником и большим знатоком баптистского богословия крестьянина села Круглово Суздальского уезда Степана Ивановича Якимова: «О вероучении баптистов Абрамов высказывал, что оно основано на Евангелии и заповедях…, что баптисты не признают святых икон, мощей и крестного знамения; что в Святую Троицу веруют они мысленно, но изображению Святой Троицы не поклоняются, считая иконы искусством рук человеческих…» [78]. Рассуждения Осипа Абрамова привлекали внимание его товарищей, и вскоре в фабричных «каморках» начали проводиться встречи на религиозные темы при участии крестьянина деревни Зауичья Суздальского уезда Фомы Кириллова, крестьянина села Круглово Суздальского уезда Ивана Стенячьева, крестьянина села Фомихи Ивана Таганов и крестьянина деревни Новлянская Судогодского уезда Ивана Курицына. Таким образом, становится ясно, что зародившись в крестьянской среде, баптистское движение во Владимирской губернии нашло своё развитие уже в среде рабочих мануфактур[1].

6. Владимирские лютеране в годы перемен. Сокращение численности лютеран в России начинает происходить во время Первой Мировой войны. Многие члены Лютеранской Церкви в России были этническими немцами. Они подвергались гонениям на протяжении военных лет (1914–1917). Многие пасторы, обвиненные в «германофилии», были сосланы в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года все вопросы, касавшиеся лиц лютеранского исповедания, были переданы в ведение специально созданного Департамента по делам инославных и иноверческих исповеданий. 30 мая 1917 года Генеральная консистория сообщила, что во 2-й половине 1917 года в Петрограде решено созвать Генеральный синод для обсуждения таких вопросов, как разработка устава, взаимоотношение церкви и гос-ва, этнический состав лютеранской церкви, управление церковью. 18 октября 1917 года лютеране торжественно отпраздновали 400-летие Реформации.

Огромный удар по немецкой колонии во Владимире, как и во всей России, нанесла Октябрьская революция 1917 года. В первый год при советской власти у верующих-лютеран теплилась надежда, что у немцев-

[1] Начиная со сноски [74], использованы материалы А.В. Даведьянова.

прихожан будет сравнительно спокойная жизнь. Однако иллюзии быстро рассеялись: большевики показали себя бескомпромиссными атеистами. Сначала, в специальной инструкции ВЦИК 1918 года было отмечено, что протестантская церковь подходит под действие декрета об отделении церкви от государства, началось наступление на религию немцев. Принадлежащие церковным приходам земельные владения, здания церквей и церковных школ, дома священников, издательства и типографии стали собственностью государства. Благотворительные учреждения, в т.ч. и существовавшие при лютеранских приходах, также перешли под эгиду государства. Вскоре Советы потребовали немедленно (в трехдневный срок) сдать в банк все наличные деньги и ценные бумаги, а также представить полную опись церковного имущества. У религиозных организаций были конфискованы все банковские вклады. По новым законам лютеранская церковь вообще и Генеральная консистория в частности прекратили существование как юридические лица. В 1923 году пасторы были лишены права пользования землей. Они не могли состоять членами профсоюзов и жилищных товариществ; детей священнослужителей не принимали в высшие учебные заведения. В 1924 году в Евангелическо-лютеранской церкви России еще насчитывалось 190 приходов (905 тыс. прихожан), организованных в 17 синодальных округа (пробства) [79] .

1926–1928 годы в истории русского лютеранства являются периодом репрессий, когда многие лютеране и их священнослужители были арестованы и либо расстреляны, либо умерли в лагерях. Последствия репрессий: в 1927 в СССР было 114 лютеранских пасторов, в 1934 году – 45, в 1936 году – 8, а к концу 1937 года – ни одного. Репрессиям были подвергнуты пасторы, члены церковных советов, которые были арестованы и осуждены.

В начале 20-х годов лютеранскую кирху во Владимире закрыли. Об этом свидетельствует небольшая заметка в газете «Призыв» от 22 июля 1925 года «Забытое здание»: «Это – немецкая кирха. Угрожающе свесились развороченные железные листы крыши. При нашем жилищном кризисе, при скудости каменных строений во Владимире – необходимо использовать это строение». Другая заметка появилась через год – 19 августа 1926 года. В ней говорилось, что под готическими сводами бывшей немецкой кирхи 2–3 раза в неделю походили молитвенные собрания владимирской группы «евангельских христиан», которая оформилась в январе 1926 года. 27 марта 1929 года в газете была опубликована заметка «Кирха под клуб печатников». Корреспондент сообщал, что печатниками возбуждено ходатайство о предоставлении в их

ведение здания бывшей кирхи, и президиум горсовета это ходатайство удовлетворил и постановил передать кирху союзу печатников под клуб «для культурных целей» [80].

Здание лютеранской кирхи сохранялось во Владимире вплоть до начала 50-х годов XX века, только уже без высокого шпиля. В помещении бывшей кирхи в 30–40-е годы находилась владимирская контора Кинотреста [81]. В 50-е годы началось строительство жилых домов для рабочих и служащих ВПО «Техника», вот тогда и было снесено здание кирхи, на месте которой сейчас стоит 5-ти этажный жилой дом. Таким образом, Владимир потерял интересный кусочек своего архитектурного облика.

Библиография

1. Лютеранство в России [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org› История лютеранства в России [Электронный ресурс]. URL : katolik.ru›Мир›…/79503-st11585.html

2. Про Владимир [Электронный ресурс]. URL: http://provladimir.ru/news/ istoriya/lyuteranskaya-kirha?in=1692

3. *Захаров А.В., Богданов Л. С.* Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за 1833 – 1904 год.//Труды Владимирской ученой архивной комиссии. – Владимир: Типо-литография губернского правления, 1909.

4. *Арескин А.* Дом, в котором в 1805 г. была открыта первая аптека // Владимирские Ведомости. – 2015. – 23 сентября ; *Шулус И., Киприянова Н, Мягтина Н., Черничкина В.* Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. : монография / Влад. Гос. ун-т. Владимир: Изд-во Влад. гос. ун-та, 2009.

5. Владимирские Губернские Ведомости. – 1842. – 10 окт.

6. История Горьковской железной дороги [Электронный ресурс]. URL : железнодорожник.рф›istoriya_magistraley… Музей железнодорожного транспорта во Владимире... [Электронный ресурс].URL: lubovbezusl.ucoz.ru› Каталог статей›…/ vladimir/vl/64-1-0-1970.

7. Список чинам, состоящим на службе по Владимирской губернии. 1854 год.

8. Герцен А. И. – Кетчеру Н. Х. 15 – 17 марта 1839 г. [Электронный ресурс]. URL: http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/letters/1832- 1846/letter-220.htm

9. Зедергольм, Карл Альбертович. Российская Государственная библиотека. Научно-исследовательский Отдел рукописей (материалы 1807 – 1909 гг.) [Электронный ресурс].URL: Указатель электронных фондов отдела рукописей (ОР) rsl.ru›ru/s97/d1302/niorindex

10. Владимирские Губернские Ведомости. – 1857. – 9 февр.

11. Владимирские Губернские Ведомости. – 1860. – 13 февр.

12. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 15. Л.32–55

13. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 2. (Дело о создании церковного совета, выборе пастора, ремонте лютеранской церкви и проведении лотереи в пользу евангелистическо-лютеранской церкви. 133 л.) 1859 – 1875 гг. Л. 4

14. ГАВО, Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 13

15. ГАВО, Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 14–17
16. ГАВО, Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 18, 19, 23
17. ГАВО, Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 25
18. ГАВО, Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 29
19. ГАВО, Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 28
20. *Симонова М.* Последний приют у Вокзальной рощи // Владимирские ведомости. 2010. – 14 октября. [Электронный ресурс]. URL: vedom.ru›news/2010/-10/14/2110-posledniy
21. Владимирские Губернские Ведомости. – 1864. – 9 мая. – №19
22. ГАВО, Опись 1фонд 596. Дело 2. Л. 63–69, 77, 98
23. Владимирские Губернские Ведомости. – 1864. – 13 июня. – №24
24. ГАВО, Опись 1фонд 596. Дело 6. Протоколы заседаний школьного совета при Евангелистическо-лютеранской Церкви, школьные программы. 1863–1866 гг. Л. 16.
25. Владимирские Губернские Ведомости. – 1864. – 15 марта.
26. Список чинам, состоящим на службе по Владимирской губернии. 1854 год
27. Владимирские Губернские Ведомости. – 1868. – 30 марта.
28. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 54.
29. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 77–98
30. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 2 Л. 117.
31. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 2. Л. 107
32. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 8. Годовые отчеты об управлении церковным имуществом за 1872–1876 гг. Л.9
33. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 8. Л.8
34. Ежегодник Владимирского губернского статистического Комитета. Владимир, 1884.
35. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 12. Акт об основании и строительстве евангелистической церкви в городе Владимире от 29 июня 1884 года.
36. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 11. Годовые отчеты об управлении церковным имуществом за 1880–1888 гг. Л.29
37. Немцы в России. [Электронный ресурс].URL: Немецкие лютеранские общины и их церкви. GenRogge.ru›grbook/09–1.htm
38. Архитектура неоготических храмов, часовен... [Электронный ресурс].URL: archvuz.ru› Архитектон
39. Богослужение в лютеранской церкви [Электронный ресурс].URL: luther.ru›…article…2010-03-01-22-29-22…2012-04-12…
40. Владимирский календарь и справочная книжка на 1904 год. Издание губернского статистического комитета.
41. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 11. Годовые отчеты об управлении церковным имуществом за 1880–1888 гг. Л. 27–28, 42–44
42. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 15. Л. 13, 21–22.
43. ГАВО. Опись 1, фонд 596. Дело 19. Годовой отчет о состоянии церковного имущества за 1906 год.
44. Владимирское Благотворительное Общество. [Электронный ресурс]. URL: lubovbezusl.ru›publ/istorija/vladimir/i/37-1…2103

45. Список лиц, служащих во Владимирской губернии. Владимирский Губернский Статистический комитет. Владимир на Клязьме. 1899; Владимирский календарь и справочная книжка на 1902 год.Губернский статистический комитет. Владимир губернский. 1901.

46. Владимирский календарь и справочная книжка на 1909 год. Издание губернского статистического комитета. 1909.

47. Владимирская газета. – 1903. – 10 янв.

48. Владимирская газета. – 1903. – 5 января. – №4. Владимирский календарь и справочная книжка на 1904 год. Издание губернского статистического комитета.

49. Владимирский календарь и справочная книжка на 1909 год. Издание губернского статистического комитета. 1909.

50. Владимирская газета. – 1903. – 3 февраля №29, 25 февраля №45, 18 марта №63, 23 марта №68, 24 апреля №62; Владимирский календарь и справочная книжка на 1904 год. Издание губернского статистического комитета.

51. Владимирская газета. – 1903. – 15 марта № 61, 4 мая №101, 11 мая №107. Владимирские Губернские Ведомости. 1906. – 15 декабря №51. Владимирские Губернские Ведомости. 1909. – 20 марта №12, 24 марта №13.

52. Владимирская газета. – 1903. – 28 марта, №71, 23 мая, №115. Владимирские Губернские Ведомости. – 1906. – 15 сентября №29. Владимирские Губернские Ведомости. – 1910. – 29 августа №189

53. Владимирские Губернские Ведомости. – 1906. – 14 апреля №16. Владимирские губернские Ведомости. – 1907. – 16 февраля №7. Владимирские Губернские Ведомости. – 1911.- 26 ноября №257

54. Владимирские Губернские Ведомости. – 1910. – 9 января №6, 4 августа №168, 5 августа №169, 29 августа №189, 5 октября №216

55. Календарь и памятная книжка Владимирской губ. на 1913 год. Издание губернского статистического комитета. Издание губернского статистического комитета. 1912. 437 с.

56. Зедергольм, Карл Альбертович [Электронный ресурс]. URL: Научная библиотека Кибер Ленинка: http://cyberleninka.ru/article/n/den-gospoden-gryadet-hristianskaya-utopiya-pastora-zedergolma#ixzz4UCVSr1Rj

57. Лерхе, Герман Густавович. [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org›wiki/Лерхе, Герман Густавович Владимирские Губернские Ведомости. – 1859. – 9 мая. – №19. Владимирские Губернские Ведомости. – 1860. – 23 января. – №4

58. Список лиц, служащих во Владимирской губернии. Владимирский Губернский Статистический комитет. Владимир на Клязьме. 1899; Владимирский календарь и Памятная книжка Владимирской губернии на 1900, 1902, 1904, 1905 гг.

59. Крахт Федор Федорович [Электронный ресурс]. URL : nasledie- smolensk.ru›pkns/index.php Токаревская быль [Электронный ресурс]. URL: gzhatsk.ru›dvoryanskie_usadby_gzhatskogo_uezda/… Из истории прокуратуры Владимирской области. [Электронный ресурс]. URL: vlarhiv.ru› Pages/Gavo/prok.htm

60. Владимирские Губернские Ведомости. – 1838. – 1 октября. – №39; Кудрякова, Е. В. Истоки (из истории первой музыкальной школы во Владимире) / Е.

В. Кудрякова // Записки владимирских краеведов. – Вып. 1. – Владимир: Посад, 1998; Зарубежные педагоги-музыканты в России XIX – начала XX века: диалог Российской и западноевропейской музыкальной культуры. С. И. Дорошенко, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых; В России XIX–начала XX века | Научные статьи [Электронный ресурс]. URL: CyberLeninka.ru›Научные статьи›… -pedagogi-muzykanty-v…; Прошина Н. Дворянские благотворительные концерты и спектакли во Владимире XIX века// Материалы XX межрегиональной краеведческой конференции. – Владимир. 2016.

61. *Захаров А.В., Богданов Л.С.* Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за 1833–1904 год // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. – Владимир: Типо-литография губернского правления. Владимир на Клязьме. 1909 ; 30 лет из жизни Усть-Медведицкой мужской гимназии 1865–1895 гг. [Электронный ресурс]. URL : Город Серафимович станиц Усть-медведицкая infourok.ru›material.html?mid=17693; Список должностным лицам Владимирской губернии гражданского, военного и духовного ведомств, 1874 год. – Владимир: Типография губернского правления, 1874.

62. Педагоги гимназии. [Электронный ресурс]. URL: vlad-school1.h16.ru›pedagogigimnazii.htm; Памятная книжка и календарь Владимирской губернии на 1881, 1899, 1904, 1907 гг. Владимирская газета. – 1903. – 10 янв.

63. Владимирская энциклопедия. Владимир 2002 год Рейм Николай Карлович [Электронный ресурс]. URL: IvanovoWiki wiki.ivanovoweb.ru› index.php/Рейм_Николай_Карлович; Архитекторы Российской провинции XIX В. : [Электронный ресурс]. URL: Н.К. Рейм. CyberLeninka.ru›article… arhitektory…xix…reym-opyt…; Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год. Издание губернского статистического комитета.

64. Эдуард Христофорович Тиден. [Электронный ресурс]. URL: GenRogge.ru›isj/f-41-3.htm; Тиден Эдуард Христофорович/Архитекторы [Электронный ресурс]. URL: temples.ru›Архитекторы›?ID=2898; Тиден Карл Васильевич (1830–1885) [Электронный ресурс]. URL: lib.sstu.ru›Arch/ArchSar/person/tiden.htm; Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год. Издание губернского статистического комитета.

65. *Шулус И.И., Киприянова Н.В., Мягтина Н.В.* Повседневная жизнь провинциального города ладимира в последней трети XVIII–первой половине XIX в. : монография. – Владимир, 2009 ; Берк (фон) Николай Петрович (Берг, фон Берг, Фонберг) [Электронный ресурс]. URL: temples.ru›Архитекторы›?ID=2419

66. Памятная книжка и календарь. 1894, 1895, 1899, 1900, 1904, 1913 [Электронный ресурс]. URL: Персоны/ Рейхардт Карл Юльевич преподаватель... fgurgia.ru›old/showObject.do…

67. Памятная книжка и календарь Владимирской губернии на 1881, 1899. 1904; Кардовский Д. Воспоминания о владимирской гимназии. //Старая столица. Краеведческий альманах. Выпуск 4. Владимир. – 2010. С.22 [Электронный ресурс]. URL: Персоны/Лерх Иван Карлович преподаватель... fgurgia.ru›old/showObject.do…; Владимирская Земская женская гимназия. [Электронный ресурс]. URL: lubovbezusl.ru›publ/istorija/vladimir/a/37-1…2446; Владимирские Губернские Ведомости. -1910. – 4 августа. – №168

68. Памятная книжка и календарь Владимирской губернии на 1881, 1899, 1902, 1909. Список лиц, служащих во Владимирской губернии. Владимирский Губернский Статистический комитет. Владимир на Клязьме. 1899. [Электронный ресурс]. URL: Персоны / Феге Петр Павлович счетный чиновник... fgurgia.ru›old/showObject.do…

69. Памятная книжка и календарь Владимирской губернии на 1862, 1902 1904, 1913. Список должностным лицам гражданского, военного и духовного ведомств Владимирской губернии на 1872 г. – Владимир: Типография губернского правления, 1872.

70. Список чинам, состоящим на службе по Владимирской губернии на 1854 г. – Владимир: Губернская типография, 1854; Памятная книжка и календарь Владимирской губернии на 1862, 1894, 1895, 1904, 1905 гг.; Владимирские Губернские Ведомости. 1864. – №43 Список должностным лицам гражданского, военного и духовного ведомств Владимирской губернии на 1872 г. – Владимир: Типография губернского правления, 1872; Список лиц, служащих во Владимирской губернии. Владимирский Губернский Статистический комитет. Владимир на Клязьме. 1899.; Памятная книжка Владимирской губернии на 1900 год. Владимирский Губернский Статистический комитет. Владимир на Клязьме. 1900.

71. Оскар Павлович Каппель. [Электронный ресурс]. URL : Из генеалогии генерал-лейтенанта В.О. Каппеля history.milportal.ru›2011/09/v-o-kappelya/ [Электронный ресурс]. URL: Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) famhist.ru›famhist/klasson/00073e58.htm Владимирское губернское жандармское управление [Электронный ресурс]. URL: regiment.ru›MVD/B/III/11.htm

72. Памятная книжка и календарь Владимирской губернии на 1862, 1904, 1909, 1913 гг. Список должностным лицам гражданского, военного и духовного ведомств Владимирской губернии на 1872 г. – Владимир: Типография губернского правления, 1872; Список лиц, служащих во Владимирской губернии / Изд. Владимирского ГСК. – Владимир на Клязьме: Типо-литография Владимирского губернского правления, 1899; Владимирские Губернские Ведомости. – 1893год, 1906 год; Владимирские Губернские Ведомости. – 1906. – 7 марта.

73. Список лиц, служащих во Владимирской губернии / Издание Владимирского ГСК. – Владимир на Клязьме: Типо-литография Владимирского губернского правления, 1899; Владимирский календарь и справочная книжка на 1909 год. Издание губернского статистического комитета. 1909; Ган Бернард Карлович – Офицеры русской... [Электронный ресурс]. URL: ria1914.info›index.php?title=Ган_Бернард_Карлович; Русская Императорская Армия. 1909 год. Электронный ресурс]. URL: forum.vgd.ru›post/395/66203/-p1907505.htm Ган Бернард Карлович, фон – подполковник.

74. Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год. Издание губернского статистического комитета. 447 с.: Владимирские Губернские Ведомости, – 1863; Памятная книжка и календарь Владимирской губернии на 1894 год. 1895; Список лиц, служащих во Владимирской губернии / Издание Владимирского ГСК. – Владимир на Клязьме: Типо-литография Владимирского губернского правления, 1899; Владимирский уезд Владимирской губернии – Владимир [Электронный ресурс]. URL: lubovbezusl.ru›;Статьи›Владимирский уезд Владимирские

уездные предводители дворянства [Электронный ресурс]. URL: lib33.ru›old/parts/srk/frolov.htm Александр Оттович Рейнвальд (1858–1869, 1879–1881); Список дворянских родов Владимирской губернии [Электронный ресурс]. URL: goldarms.narod.ru›wladimir.htm; РЕЙНВАЛЬД : [Электронный ресурс]. URL : Персональный список baza.vgdru.com›1/26966/

75. ГАВО. Фонд 40, опись 1, дело 21485.

76. ГАВО. Фонд 40, опись 1, дело 22015.

77. ГАВО. Фонд 40, опись 1, дело 22003.

78. ГАВО Фонд 40, опись 1, дело 22011.

79.[Электронный ресурс]. URL : http://baznica.info/article/evangelichesko-lyuteranskaya-cerkov-v-rossii/#sthash.nYhWJf2M.dpuf

80. Призыв. – 1925. – 22 июля ; 1926. – 19 авг. ; 1929. – 27 марта.

81. Архив музея «Страницы детства» ДДЮТ. Воспоминания старожилов города.

ГЛАВА 6

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА НА ВЛАДИМИРСКОЙ ЗЕМЛЕ

1. Формирование еврейского населения Владимирской губернии. Вступление более чем миллионного еврейского населения Белоруссии, Литвы, Подолии и Волыни в состав подданных Российской Империи произошло в XVIII в. в результате разделов Польши. Однако о 200-летнем пребывании евреев во Владимирской губернии говорить не приходится, поскольку тогда же постепенно стала складываться так называемая черта постоянной еврейской оседлости (далее – Черта), пределы которой евреям поначалу запрещалось покидать даже на короткий срок, не говоря уже о постоянном жительстве во внутренних губерниях России.

Поэтому первыми, попавшими на территорию Владимирской губернии, были в основном «транзитные» евреи: либо преступники, временно, до пересылки в Сибирь, пребывавшие во владимирских тюрьмах, либо иностранные подданные. Нахождение последних во внутренних губерниях России строжайше регламентировалось. На каждого из них Губернское правление или канцелярия губернатора заводили особое дело, и именно благодаря подобной практике мы можем констатировать, что первое пересечение границы Владимирской губернии евреем, нашедшее отражение в официальном делопроизводстве, произошло в мае 1817 г., когда сюда пожаловал австрийский подданный Шмерель Пиндер. Иностранец представил во владимирскую гражданскую полицию выданный ему в январе 1817 г. в Симбирске билет «на свободный проезд до города Владимира», откуда, как было заявлено им на слушании его дела в Присутствии Губернского правления, он был намерен в Москву и Вологду, для чего и просил «снабдить его узаконенным видом» [1].

Неудивительно, что при существовавших строгостях законодательства и тщательном контроле передвижения евреев владимирскому губернатору в 1840-е–1850-е гг. оставалось ежегодно отчитываться перед министром внутренних дел в том, что «постоянно жительствующих евреев, а также кагалов, синагог, молитвенных школ, училищ и должностных лиц во Владимирской губернии не находится» [2]. Временно же проживавшие евреи в губернии были. Так, 22 января 1849 г. «градская полиция» Владимира сообщила губернатору, что в городе проживает 4 еврея, трое мужчин и одна женщина, из которых «один занимается переплётом книг, а двое мастерством золотых дел». Интересен в этой связи и рапорт суздальского городничего от 26 января

1855 г., в котором говорилось, что «в г. Суздале находится евреев-талмудистов двое, нижние воинские чины, состоящие на службе: один в инвалидной, а другой в полицейской командах» [3].

Между тем к 1857 г. число проживавших в нашем крае евреев, хотя и уступало многим внутренним губерниям России, тем не менее, приближалось к двумстам: во Владимире проживали 83 мужчины и 16 женщин, в губернии – 165 мужчин и 54 женщины иудейского вероисповедания [4, 97].

Наиболее серьёзную «брешь» в российском еврейском законодательстве, удерживавшем евреев в пределах Черты, пробило то обстоятельство, что 26 августа 1827 г. указом Николая I на евреев была распространена натуральная рекрутская повинность. Евреи принимались к призыву с 12 лет и до 18 лет направлялись в батальоны кантонистов (в 1805–1856 гг. название несовершеннолетних солдатских сыновей, числившихся с рождения за военным ведомством, а также взятых принудительно малолетних бродяг, сыновей евреев, раскольников, польских повстанцев, цыган и пр.), откуда большинство их попадало в школы кантонистов, дававшие воспитанникам знания для дальнейшей службы в армии, причём годы пребывания в кантонистах евреям в срок 25-летней службы не засчитывались.

Ещё во время службы николаевским солдатам разрешалось жениться, а по окончании службы они и их потомки имели право селиться вне Черты. И многие из них оставались жить там, где застало их окончание службы. Именно вышедшие в отставку солдаты и бессрочные отпускные рядовые (отслужившие 15 лет из положенных 20, с 1834 г.) и составили, как это было во многих городах внутренних губерний России, костяк еврейской общины Владимира. Так, в конце 1879-начале 1880 г. в губернском центре проживало 9 отставных рядовых, приписанных к обществу мещан в 1869–1878 гг., 2 отставных унтер-офицера, приписанные к обществу мещан в 1868–1869 гг., и двое бессрочных отпускных рядовых, а 13 из 24 глав еврейских семейств в прошлом имели непосредственное отношение к воинской службе.

В период правления Александра II, в эпоху великих реформ, ряд существенных изменений коснулся и прав тех, кто желал покинуть черту оседлости. В 1859 г. право повсеместного жительства в Империи было предоставлено купцам 1-й гильдии, которые могли отныне переселяться во внутренние губернии вместе с семьями и брать с собой «служителей из своих единоверцев» (не более одного приказчика и четырёх домашних слуг). В 1861 г. к уже имевшим то же право докторам и магистрам наук добавились «кандидаты университетов» (т. е. лица, окончившие их) и

«лица свободных профессий», а также поступавшие в медицинскую академию, университеты и технический институт. В 1865 г. был принят закон, предоставивший право повсеместного жительства некоторым категориям евреев-ремесленников (они имели возможность переселяться вместе с подмастерьями и учениками), но лишь до тех пор, пока они занимаются своим ремеслом. «Список» ремесленников постепенно расширялся, со временем ряды имеющих право покинуть Черту пополнили граверовщики, маляры, зубные техники, каменотесы по изготовлению памятников, стекольщики, часовщики и др. В 1865 г. был также разрешён приём евреев на должности военных врачей, и уже в последующие два года евреям-врачам позволили служить «по министерствам народного просвещения и внутренних дел». В 1879 г. правом повсеместного жительства стали пользоваться фармацевты, ветеринары, а также «приуготовляющиеся к соответствующему роду деятельности», акушерки, фельдшеры и «желающие учиться фельдшерскому искусству».

Понятно, что по мере появления в российском законодательстве всех этих изменений, хотя и медленно, но росло количество евреев, избравших местом своего жительства Владимирскую губернию. Так, в 1862 г. в нашем крае проживало 223 еврея, 160 мужчин и 63 женщины (далее число последних указано через косую черту дроби), в том числе во Владимире – 86/19, в Суздале – 13/7, в Коврове – 15/8, в Гороховце – 6/3, в Муроме – 8/2, в Меленках – 6/2, в Покрове – 13/17, в Александрове – 13/5. Число родившихся еврейских младенцев составило (очевидно, в 1861 г.) 6 мальчиков и 8 девочек: во Владимире – 5/6, в Суздале – 1 девочка, в Коврове – 1/1. К сожалению, не обошлось в «отчётном году» без смертей: во Владимире умерло 9 человек (4/5) в возрасте от 1 до 5 лет и 5 человек (2/3) в возрасте от 20 до 25 лет, в Коврове – 2 человека (1/1) в возрасте от 25 до 30 лет. Во Владимире было заключено 3 брака [5].

Приведём данные и за середину следующего десятилетия. В 1875 г. во Владимире проживало 183 еврея – 110 мужчин и 73 женщины, в Суздале – 4/-, в Гавриловом посаде Суздальского уезда – 3/2, в Иваново-Вознесенске – 34/40, в остальном Шуйском уезде – 1/-, в Коврове – 20/22, в Ковровском уезде – 4/6, в Вязниках – 3/4, в Гороховце – 3/-, в Муроме – 14/17, в Меленках – 8/6, в Судогде – 8/3, в Покрове – 15/12, в Александрове – 23/21, в Переславле – 28/18, в Переславском уезде – 3/4 , в Юрьеве-Польском – 5/6, в его уезде – 1/1. Итого в городах – 278/224, в уездах (точнее – в сельской местности) – 9/11, в губернии в целом – 287/235 [6]. Всего 522 человека, что более чем в 2 раза превышает численность евреев в нашей губернии в 1862 г.

Владимир. Большая Московская улица. Видовые открытые письма начала XX в.
По вывеске "Касса" легко узнаваем дом Ананьиных (сейчас на его месте ТЦ "Галерея"),
в котором располагались ссудная касса купцов Н.М. и П.Н. Фридляндер,
а также магазин дамских шляп Д.Г. Фридляндер

Владимир, Малые торговые ряды. Видовое открытое письмо начала XX в.
Здесь, по правой стороне, если идти от Золотых ворот, располагались магазины
Ромма и Ржительницкого, продававшие часы, золотые украшения, граммофоны,
пластинки, музыкальные инструменты. На фотографии видна вывеска одного
из этих магазинов "Часы. Золото"

Владимир. Муромская улица. Видовое открытое письмо начала XX в.
В верхней части улицы, в непосредственной близости к Малым торговым рядам, некогда стояли дома, в которых проживало много евреев. Именно здесь родился диктор Ю.Б. Левитан. В одном из домов по Муромской улице содержали парикмахерскую братья Розенбаум

Здание Областного Дома работников искусств на Театральной площади.
Оно построено в 1914 г. И.С. Коилем. На втором этаже жила его большая семья.
А в нижнем и подвальном этажах располагались принадлежавшие ему скоропечатня и переплетная мастерская

К 1876 г. численность проживавших в нашей губернии евреев значительно возросла: во Владимире – 110/73, Суздале – 4/-, в Коврове – 20/22, в Ковровском уезде – 4/6, в Шуйском уезде – 1/-, в Иваново-Вознесенке – 32/37, в Вязниках – 3/4, в Вязниковском уезде – 38/114, в Юрьев-Польском – 5/5, в его уезде – 1/1, в Муроме – 7/7, в Муромском уезде – 18/-, в Покрове – 7/5, в Покровском уезде – 5/2, в Гороховце – 1/-, в Меленках – 9/6, в Судогде – 7/3, в Александрове – 24/22, в Переславле – 39/22, в Переславском уезде – 4/4 [7].

Интересующие нас цифры по состоянию на 1877 г. приведены в книге А. П. Субботина «Губернский город Владимир в 1877 году»: общее число евреев, проживавших во Владимире, составляло 200 человек, по отношению к общему числу жителей Владимира 1,1%. Для сравнения: в 1877 г. во Владимире проживало 200 немцев, и 430 «магометан» (татар и турок). А. П. Субботин констатировал: «Владимир – одна из самых религиозных местностей России […] раскольники и еретики (немцы, жиды и пр.) совершенно исчезают в общей массе православного населения» [8, 30, 120].

В 1880 г. министром внутренних дел был издан указ, позволявший оставить на жительстве вне Черты «всех тех евреев, кто поселился там незаконно». Очевидно, он стал следствием излишней активности, проявленной многими губернаторами по получении циркуляра Хозяйственного департамента МВД от 11 июня 1879 г. В нём губернаторам напоминали о том, что по закону от 28 июня 1865 г. евреям-механикам, винокурам, пивоварам «и вообще мастеровым и ремесленникам дозволяется проживать по узаконенным паспортам и билетам повсеместно вне черты, для постоянной оседлости евреев назначенной», они же могли «иметь при себе членов своих семейств». Кроме того, молодым евреям (до достижения 18-летнего возраста) разрешалось приезжать во внутренние губернии «для обучения мастерствам» на срок не выше 5 лет, те же, кто получал в результате «одобрительные аттестаты», могли оставаться на жительство вне Черты.

В отличие от властей других губерний, для которых циркуляр МВД от 11 июня 1879 г. с просьбой сообщить данные о евреях-ремесленниках послужил «поводом к немедленной высылке в места постоянной оседлости тех евреев, которые не отвечают требованиям закона», владимирские власти не были склонны делать скоропалительные выводы, и поэтому в наступившем в процессе разбирательств 1880 г. те из евреев, которые не сумели представить долженствующие документы и объяснения, могли ничего не бояться. В феврале 1883 г.

владимирский губернатор в разосланном им по губернии письме специально просил «не привлекать к высылке из вверенной ему губернии тех живущих в ней евреев, кои окажутся не имеющими права на жительство вплоть до особых по сему предмету со стороны Министерства внутренних дел распоряжений».

Для нас также важно, что, решая вопрос об открытии молитвенной школы, власти точно указали в документах количество проживавших во Владимире евреев: на 29 октября 1879 г. «всех оседлых евреев 24 семейства в составе 121 человека обоего пола, не включая в это число 64 человека евреев нижних чинов 12 пехотного Великолуцкого полка и 5 человек из 19 резервного батальона» [9]. В остальных населённых пунктах губернии в это время проживало 174 еврея обоего пола.

Наступившая за убийством Александра II эпоха отличалась введением всевозможных ограничений, в т.ч. «ограничительными мерами против евреев». 3 мая 1882 г. были введены в действие так называемые «Временные правила», не коснувшиеся, впрочем, внутренних губерний России. А начиная с 1887 г., «Александр III уже определённо повернул к тому, чтобы сдерживать российское еврейство стеснениями гражданскими и политическими, и проводил эту политику до своей смерти». Приведём очередные статистические данные, практически на начало правления Александра III – на 1883 г. К этому времени количество проживавших во Владимирской губернии значительно возросло: Владимир – 263/294 (т.е. 557 человек), Шуя – 45/50, Иваново-Вознесенск – 37/36, Шуйский уезд – 2/-, Ковров – 22/28, Вязники – 8/5, Вязниковский уезд – ¾, Муром – 34/32, Судогда – 4/4, Покров – 22/35, Киржач – 4/3, Александров – 38/45, Переславль – 21/20, Юрьев-Польский – 5/7. Итого в городах – 503/559, в уездах – 5/4, всего по губернии – 508/563 [10].

В 1892 г. вышло новое Городовое положение, по которому евреи, жившие вне Черты, вообще лишались права избирать и быть избранными в качестве гласных в городские думы и управы, занимать в них должности, заведовать отраслями городского хозяйства и управления. Обратили власти свой взор и на численность проживавших вне Черты евреев (по переписи 1897 г. – 315 тысяч человек, что в девять раз превышало те же «показатели» 16-летней давности), и на законность их проживания. Начались «чистки». Последовал ряд указов о выселении евреев из разных городов России, в частности, евреев-ремесленников и «не приписанных к обществам» отставных солдат рекрутских наборов с семьями из Москвы (1891 и 1892 г. соответственно). Считается, что выслано было до 20 000 евреев (сразу приходит на память драма

Исаака Ильича Левитана, правда, ставшая предпосылкой к тому, чтобы природа Владимирской губернии была запечатлена в целом ряде его полотен). В 1893 г. отдельные категории евреев были выселены и из Ялты, рядом с которой проводила лето царская семья. В том же году были даны «разъяснения» относительно «оставления на жительстве незаконно поселившихся евреев» (напомним, что выселение евреев было остановлено циркуляром от 3 апреля 1880 г.). Выселению подлежало несколько десятков тысяч человек. Начало 1890-х привнесло тревогу и неопределённость и в жизнь владимирских евреев.

Так, 3 августа 1892 года «доверенные общества владимирских ремесленников» подали следующее прошение на имя губернатора: «По распоряжению высших Правительственных административных властей из г. Москвы и тамошней губернии евреи поголовно выселяются в места их приписки, от чего эти евреи постоянно прибывают в наш город Владимир, как соседний с Москвой, а между тем у нас во Владимире и своим-то мастерам ремесленникам встречается не редко сидеть без работы по не имению такой, а потому в евреях здесь не представляется ни какой надобности по всем мастерствам; о недостатке работы не отвергнут даже и сами евреи, сюда прибывшие, так как их главная цель занять фирму ремесленника и за тем под видом сего, на самом деле заняться не ремеслами, а ростовщичеством, приёмом закладов, тайной не дозволенной торговлей и тому подобными противузаконными делами, доказательством чему может служить несколько примеров».

В ответ Губернское правление 30 октября 1892 г. вынесло следующее решение: «поскольку возбуждённый в высших учреждениях еврейский вопрос ещё не разрешён», «приговор» ремесленников от 27 июля «не служит и не может служить для Ремесленной управы основанием к отказу евреям-ремесленникам записываться в г. Владимире к цехам» [11].

Через год, 28 августа 1893 г., владимирскими ремесленниками вновь был поднят вопрос «о возбуждении где следует ходатайства о непринятии их (евреев. – *Г.М.*) в нашу среду». Правда, ремесленный голова В. Н. Анфимов 13 сентября объявил ремесленникам, что «подобного рода вопрос к предметам общего ремесленного схода не относится», почему он и оставил их просьбу «без последствий» [12].

Не дремали тем временем и сами ремесленники. 5 октября 1893 г. был проведён рейд по мастерским евреев, вызвавших подозрение Ремесленной управы. Цеховой старшина Львов и товарищ старшины серебря-

ного цеха Ананьин проверили мастерскую часовых дел мастера Кальмана Ландэ и обнаружили, что он ни подмастерьев, ни рабочих, «ни даже инструментов, сообразно мастерства» не имеет. Ремесленный голова Анфимов, Львов и Ананьин нагрянули в мастерскую Вульфа Мордуховича Гинодмана и констатировали в акте, что в ней «7 сотрудников занимались разборкой лоскутов». В мастерской И. Городецкого его помощников, сыновей Бориса и Михаила («Берки и Мейера тож»), вообще не оказалось. У Ш. Фридлянда даже при повторной проверке «не только машины, но и никаких инструментов по производству перчаточного ремесла не оказалось, между тем 5 сего октября при обозрении мастерских Фридлянд был предупреждён, чтобы мастерская была обставлена соответствующими ремеслу инструментами, причём ни мастера, ни подмастерьев тоже не было». Не удовлетворил Н. Черевитова, А. Копецкого, цеховых мастеров В. Н. Блохина и С. Т. Богданова и осмотр мастерской Л. С. Сточика. 6 октября 1893 г. ремесленная управа исключила Сточика, Городецкого и Фридлянда из цехов и сообщила об этом владимирскому полицмейстеру «для распоряжения о высылке их из Владимира в места их приписки еврейской оседлости». 26 октября как «не имеющие прав на жительство в г. Владимире» были исключены из цехов и Г. Костюковский, А. Эдельман, Л. Драбкин и Ш. Асс. Некоторым из перечисленных высылки, правда, удалось избежать [13].

Посмотрим, как в целом отразились ограничения эпохи Александра III и начала правления Николая II на численности евреев во Владимире. В 1900 г. в 1-й части города насчитывалось 155 (73/82), во 2-й части – 29 (11/18) евреев, т. е. всего лишь 184 еврея (для сравнения: 214 протестантов, 355 католиков, 2 караима и 22 магометанина), что практически в 3 раза меньше, чем за 17 лет до этого. Рождаемость среди евреев за 1900 г. составила 7% (в 1-й части родилось 5 мальчиков и 6 девочек, во 2-й – 2 девочки, в мае и августе), смертность – около 2% (в 1-й части умерли 3 мужчин и 1 женщина, во 2-й части умерших не было) [14]. Данные по всей губернии мы можем привести только по состоянию на 1904 г. Во Владимирской губернии на тот период проживало 1067 евреев, 581 мужчина и 486 женщин [15, 36]. Эта цифра практически соответствует той, которую мы назвали, приводя данные за 1883 г., – 1075 человек, однако и здесь скорее всего следует говорить о снижении количества и значительной «текучке» евреев в губернии, поскольку численность постоянно живущего населения склонна к росту, а не к снижению (особенно если

учесть уровень рождаемости того времени), не говоря уже о систематическом притоке новых «кадров», что особенно характерно именно для евреев, стремившихся вырваться из Черты.

Следующим серьёзным этапом в истории еврейского законодательства, а, следовательно, и в решении вопроса о присутствии евреев во внутренних губерниях России, стал 1905 г. Его итогом явилось политическое равноправие евреев (в I Государственную думу было избрано 12 евреев-депутатов), однако они по-прежнему не имели равноправия гражданского. Дума, следуя логике Манифеста Николая II от 17 октября 1905 г., успела поставить «вопрос о еврейском равноправии в рамках общего уравнения всех граждан в правах», однако была распущена. Инициатором дальнейшего частичного снятия еврейских ограничений стал премьер-министр П. А. Столыпин. Однако император не пожелал брать «этого решения на себя», а II Государственная дума не довела проект закона о еврейском равноправии даже до обсуждения. Законопроект об отмене черты оседлости, предложенный единственными евреями-депутатами III Государственной думы Н. Фридманом и Л. Нисселовичем и подписанный 166 депутатами, был, что называется «спущен на тормозах».

Проверки законности проживания евреев вне Черты продолжались, и именно подобным архивным делам мы обязаны тем, что имеем (пусть не систематические) сведения о количестве проживавших во Владимирской губернии евреев. Так, по состоянию на январь 1911 г. во Владимире проживало 247 евреев обоего пола, что на 63 человека больше, чем в 1900 г. Не будем вдаваться в подробности этих проверок, однако заметим, что «группу риска» составляли в этом случае ученики ремесленников и жившие при детях вне Черты старики-родители. В феврале 1911 г. проверку документов прошёл Берка Шмуйлович Левитан, отец известного впоследствии диктора советского радио Ю. Б. Левитана. В получении его документов, возвращённых после проверки, по просьбе Левитана расписалась Фейга Беньяминовна Сандлер, и владимирскому полицмейстеру было отдано распоряжение провести соответствующее дознание, в ходе которого столь известно следующее. 22-летняя Ф. Б. Сандлер бесплатно проживала у своего дяди, Б. Ш. Левитана, содержавшего во Владимире портновскую мастерскую, в качестве ученицы по портновскому ремеслу. Сандлер была сиротой, «личных средств к жизни» не имела, как и других родственников, которые могли бы взять её на своё попечение. Несмотря на все это, согласно

закону, Сандлер подлежала высылке. Единственное, что смогли сделать для неё власти – предоставить отсрочку до 7 апреля. Дядя же ее, Б. Ш. Левитан, был вынужден заплатить 15-рублёвый штраф, в случае «невзноса» которого в двухнедельный срок должны были возбудить против него судебное преследование. Действительно, дело его за отказом от уплаты штрафа разбиралось в камере городского судьи 1-го участка Владимира 16 мая, и, видимо, штраф с Левитана так и не был взыскан, поскольку полицейский пристав вынужден был оправдываться перед полицмейстером, почему упустил это дело из вида и не обжаловал решение суда «за пропуском срока» [16].

В предвоенном 1913 г. во Владимире проживало 42802 человека, из которых 41134 человека (96,1%) являлись русскими, 632 человека (1,5%) – выходцами из Польши, 643 человека (1,5%) – немцами, 24 человека – татарами, 17 – так называемыми «прочими» и 333 человека (всего лишь 0,77%) – евреями [17, 54]. В 1914 г. количество живущих во Владимире евреев увеличилось на 19 человек. Право остаться во Владимире получили 17 евреев, в числе которых были ювелир (А. Д. Мендель), часовщик (Е. И. Беленький), гравёр (С. М. Гликзон), ученик парикмахера (Я.-С. А. Розенбаум), восемь аптекарских учеников и помощников (С. Н. Телятникова, Д. Л. Големба, Х. Комар, Х. Р. Радвогин, Б. А. Ительсон, И. Л. Бляхман, И.-И. М. Абрамис, М.-А. С. Рубинштейн), провизор (Б. И. Цимбалист), повивальная бабка (Х. И. Левина) и два зубных врача (П. Г. Якубсон, Д. Э. Леви). Невеста дворянина Н. В. Дугина Ф. Г. Зельман получила это право вследствие того, что была «просвещена Святым Крещением». Г.Х.-М. Горман и С.-Л. Ш. Поль уже имели его как «приписанные к мещанскому обществу внутренних губерний».

Течение установленного порядка нарушила начавшаяся в этом же году Первая мировая война. Весной же 1915 г. стало очевидно, что города и местечки Черты не в состоянии вместить сотни тысяч евреев-беженцев, а также тех, кто в принудительном порядке был выслан из прифронтовой полосы получившей безграничные полномочия ещё в начале войны Ставкой. Владимирские краеведы уже занимались темой «Беженцы в г. Владимире в годы Первой мировой войны». По данным О. Н. Суслиной, к концу декабря 1915 г. во Владимире осело 2645 беженцев, что составляло 5% к числу местных жителей» [18, 132, 133]. Согласно С. Минину, в 1914 г. его «население увеличилось на 6736 человек (т. е. на 15,7%) и составило 49538 человек. В 1915 г. население уже составляло 57382 человека, т. е. увеличилось на 7844 человека (на

13,7%) по сравнению с 1914 г.» [17]. Что касается именно евреев, то, согласно данным фонда владимирского полицмейстера, на 12 августа 1915 г. во Владимир прибыло (будем через косую черту дроби указывать расселение их в первой – слева – и второй полицейских частях города) 308/150 русских, 135/80 поляков, 7/7 лютеран и только одна еврейская семья из 6 человек (родители с четырьмя детьми), остановившаяся во второй части города; на 19 августа число евреев в первой части Владимира составляло 11 (1 мужчина, 2 женщины и 8 детей), на 5 сентября – 65 (21 мужчина, 20 женщин и 24 ребёнка), на 12 сентября – 75 (19 мужчин, 26 женщин и 30 детей), на 12 ноября – 167 (33 мужчины, 47 женщин и 87 детей и подростков), на 26 ноября – 155 (31 мужчина, 43 женщины и 81 ребёнок). После этого их приток, очевидно, прекратился. По крайней мере, 16 января число беженцев в первой части Владимира оставалось тем же. Во второй части города на 9 января 1916 г. было размещено 78 евреев-беженцев и «эвакуированных выселенцев» (15 мужчин, 18 женщин и 45 детей). Всего же по городу количество «пришлых» евреев на 1 января 1916 г. составляло 233 (46 мужчин, 61 женщина и 126 детей и подростков) человека из 2559 человек общего количества беженцев [19].

Многих из беженцев, очевидно, застали во Владимире события 1917 г., и в 1918 г. некоторые из них, уроженцы тех регионов Империи, которые после подписания большевиками мирного договора отошли за границу, попытались вернуться на родину. В результате Февральской революции пресловутая черта постоянной еврейской оседлости была, наконец, ликвидирована, и евреи получили свободный доступ во все города и регионы России. Учёт их местными властями теперь не вёлся, а смутные первые послереволюционные годы вообще не способствовали сохранению каких-либо документов. Поэтому судить о том, в какое время и в каком количестве евреи проживали на территории Владимирской губернии в первые постоктябрьские десятилетия, не представляется возможным. В некоторых еврейских владимирских семьях и сейчас могут рассказать о том, как представители старшего поколения этих семей, родители нынешних 70–80-летних пожилых людей, оборванные, голодные, погибающие от брюшного тифа, с огромными трудностями в начале 1920-х добирались во Владимир с юга, в частности, из Одессы. Они и положили начало новым владимирским еврейским родам, но это тема совсем другого исследования.

2. Религиозная жизнь общины. Выше уже говорилось о том, что источником о количестве и законности проживания во Владимирской

губернии евреев на период конца 1879-начала 1880 г. послужило дело, заведённое «по ходатайству проживающих в г. Владимире евреев о разрешении им открыть молитвенную школу».

Первоначально прошение о дозволении «открыть в г. Владимире молитвенную школу для отправления богослужения по обрядам еврейской веры», датированное 20 октября 1879 г., подписали лишь 13 из 24 глав еврейских семейств, проживавших в тот год во Владимире. Четырнадцатым членом общины, причастным к этому начинанию, был староста еврейского общества Арон Пикус, которому общество и доверило подать сей документ [20].

В последний день 1879 г. владимирский губернатор обратился с соответствующим запросом на имя министра внутренних дел, и в апреле 1880 г. во Владимир из Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД пришло разрешение на открытие во Владимире еврейского молитвенного дома с требованием соблюдения «требуемых 258 ст. Уст. Стр. условий относительно расстояния еврейских молитвенных учреждений от Православной церкви».

Получив желаемое разрешение, владимирские евреи поспешили избрать раввина. 16 мая полицмейстер представил на утверждение Губернскому правлению приговор об избрании раввином Арона Пикуса. Однако «приговора» еврейского общества оказалось недостаточно. Претендент должен был соответствовать определённым требованиям, в частности, окончить «курс в одном из училищ, поименованных в 1083 ст. т. XI, ч. 1 Уст. Иностр. Испов. изд. 1857 г. и примечании к сей статье по прод. 1876 г.». И вот вызванный 26 мая 1880 г. в Присутствие Владимирского городского полицейского управления А. Пикус «объяснил, что он никаких наук не проходил», а потому и просит «об утверждении его не раввином, а помощником его, для которого ничего не требуется по упомянутой статье, за исключением треб еврейского обряда». Владимирский полицмейстер, в свою очередь, тогда же сообщал в рапорте о том, что «Пикус поведения отличного, под судом и следствием не был и не состоит, а потому и утверждение его в должности помощника раввина принесёт существенную пользу и предупредит беспорядки по ведению метрических книг […], которые вовсе не ведутся никем в настоящее время» [21]. Однако помощники раввина полагались лишь там, где есть раввин, подходящих же кандидатур на место последнего во владимирском еврейском обществе, очевидно, так и не нашлось. Губернское правление в своём ответе еврейскому обще-

ству от 5 июня 1880 года напоминало, что «при недостатке таких кандидатов приглашаются с разрешения и при посредстве Министерства внутренних дел учёные евреи из Германии» [22].

Разумеется, дело до этого не дошло, и владимирское еврейское общество оставалось без собственного, местного раввина довольно долго. Однако надежду обрести его не оставляло. Так, 28 августа 1889 г. московский генерал-губернатор сообщил министру внутренних дел о том, что Владимирское губернское правление обратилось «к такому же Московскому». Из Владимира сообщали, что «проживающие в г. Владимире евреи, имея у себя молитвенный дом, вместе с тем не имеют раввина. В виду сего они ведут все дела свои и совершают все религиозные обряды сами, причём наблюдения за их богослужением, а равно и обрядами веры кроме общего полицейского надзора, никакого нет». Между тем, к этому времени во Владимире проживало 148 евреев обоих полов и сверх того 200 человек, состоявших на службе в расквартированных в городе полках. Все они обратились в Московское губернское правление с просьбой причислить их «по делам их веры к ведомству раввина г. Москвы». Причём московский раввин изъявил согласие на это при тех условиях, что ему будет предоставлено право иметь во Владимире своего помощника, а владимирские евреи назначат ему жалование.

Согласно было на это и Московское губернское правление. А вот московский генерал-губернатор считал причисление владимирских евреев к московскому общественного раввину «крайне нежелательным», поскольку одновременно с этим «последует увеличение еврейского населения столицы» и просил министра причислить владимирских евреев «к другому городу, соседнему с г. Владимиром» [23]. В октябре того же года владимирский губернатор Судиенко сообщил в департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД о том, что «если принятие проживающих в гор. Владимире евреев, по делам их веры Московским раввином в своё ведение будет признано действительно неудобным, то причислить евреев в ведение какого либо другого раввина, кроме находящегося в гор. Нижнем Новгороде не представляется возможным» [24].

К «ведомству» нижегородского раввина владимирская еврейская община и относилась все последующие годы, и именно в делах Центрального архива Нижегородской области мы и черпаем теперь интереснейшую информацию о датах рождения, вступления в брак и смерти евреев, проживавших на территории Владимирской губернии.

В 1903 г. владимирские евреи обратились в Губернское правление с прошением об устройстве при их молитвенном доме Хозяйственного правления «по тем правилам, какие существуют для молитвенных еврейских учреждений в г. С. Петербурге» и «по тому образцу, по которому устроены эти правления в других уездных городах Владимирской губернии» [25]. На этот раз от имени общины выступал Вульф Насонович Свердлов, сын старейшего владимирского жителя иудейского вероисповедания Насона Перцова Свердлова. Среди тех, кто подписал доверенность Свердлову, было несколько знакомых нам по обращению к властям 1879 г.: Израиль (Срул) Бенах, Гирш Лейбович, Нахим Фридляндер, Янкель Янкелевич и участник собрания по выбору раввина 1880 года Исай Коиль. В основном это были представители уже следующего поколения владимирских евреев – сыновья Бенаха, Фридляндера, Коиля, Златина, Ржительницкого, Сотта Вульф Израилевич Бенах, Пейсах Нахимович Фридляндер, Арон Гиршевич Ржительницкий, Абрам Исаевич Коиль, Илья Лейбович Златин, Соломон Лейзерович Сотт, а также главы новых владимирских еврейских семей: Я. М. Э(й)дельман, Э. М. Федер, В. Б. Рабинович, Э. Н. Горелов, Б. А. Каплан, И. А. Шадхин, З. Г. Ромм, Г. А. Айбер, Г. В. Ромм, О. Голомбек, М. З. Брайнин, Б. С. Левитан, И. Х. Винокуров, Ш. З. Шварцман, С. Х. Эйдельман, Г. М. Костюковский, И. А. Винокуров, Е. М. Алексер. Всего 30 человек [26].

Обращаясь к властям, В. Н. Свердлов просил также выдать ему копию временных Правил для молитвенных еврейских учреждений Санкт-Петербурга, утверждённых МВД 20 июня 1877 г., которую и получил 12 мая 1903 г. Согласно этим Правилам, все евреи, имевшие право на жительство в столице, и вносившие 25 руб. в год на хозяйственные нужды молельни, имели право участвовать в выборе шести членов Правления и трех кандидатов к ним на трехлетний срок. При выборе членов правления должен был присутствовать «чиновник от С.-Петербургского Градоначальника», документ об избрании членов Правления представлялся на утверждение градоначальника. Только после утверждения члены и кандидаты в члены Правления избирали председателя. Состав членов Правления «возобновлялся постепенно», т. е. каждые ежегодно из его состава выбывала одна треть, т. е. два члена Правления, в первые два года по жребию, затем по очереди. Правление ежегодно представляло общему собранию печатный отчёт о своей деятельности, общее же собрание избирало ревизионную комиссию, а затем утверждало представленный ею доклад, после чего избирало новых членов Правления [27].

9 июня 1903 г. владимирский вице-губернатор обратился к министру внутренних дел с письмом, в котором сообщал, что для устройства при молитвенном доме Хозяйственного правления «препятствий не имеется» [28]. Уже через месяц, 10 июля, товарищ министра в письме на имя губернатора на основании «прим. 2 к ст. 1299 св. Зак. т. XI, ч. 1 изд. 1896» разрешил владимирским евреям избрать Хозяйственное правление [29].

Однако прошло почти четыре месяца, прежде чем В. Н. Свердлов (4 ноября 1903 г.) представил владимирскому губернатору избирательный лист членов Хозяйственного правления и кандидатов к ним. В собрании, состоявшемся 25 октября в присутствии полицейского пристава 1-й части Владимира А. Шапкина, приняло участие 18 человек, имевших право голоса. В состав Правления были избраны: В. Н. Свердлов, Э. М. Федер, Н. М. Фридляндер, М. Б. Гринблат, Ш. Ш. Коиль, кандидатами к членам Правления Э. Н. Горелов, Я. Д. Заславский, Б. С. Левитан. Запросив канцелярию губернатора о благонадёжности избранных, Губернское правление 24 ноября получило ответ о том, что все они «под судом и следствием не состояли и ныне не находятся и в нравственном и политическом отношениях ни в чём предосудительном замечены не были» [30].

Какие-либо свидетельства деятельности Хозяйственного правления, кроме обязательных выборов, практически не дошли до нас. Исключение составляет заметка, опубликованная в «Старом владимирце» в 1908 г.: «Хозяйственным правлением при владимирском еврейском молитвенном доме рассылается членам отчёт прихода и расхода за 1907 год. Из отчёта видно, что общая сумма прихода в отчётном году с остатком от 1906 г. (в сумме 8 р. 75 к.) выразилась в 822 р. 28 к., расход в отчётном году 526 р. 78 к., остаток на 1907–1908 гг. – 225 р. 50 к.» [31].

10 декабря 1909 года, В. Н. Свердлов в качестве председателя Хозяйственного правления молитвенного дома вновь обратился к владимирскому губернатору с просьбой о разрешении «открыть общее собрание прихожан Молитвенного дома» для избрания раввина и членов Правления [32]. На этот раз потребовались два выборных собрания (состоялись 27 декабря 1909 и 6 января 1910 г.), поскольку избранные в первом случае Г. Б. Левкович и М. Б. Гринблат отказались занять должность. В окончательном варианте результаты выборов в Правление выглядели следующим образом: члены – В. Н. Свердлов, Н. М. Фридляндер, И. Г. Безыменский, Э. М. Федер и вместо отказавшихся Левковича и Гринблата Ш. Ш. Коиль и Б. Ш. Левитан, кандидаты к членам – М. Г. Лейбович, С. Э. Шер и Э. Н. Горелов. Дело

осложнилось ещё и внезапной смертью 18 января 1910 г. избранного членом Правления Н. М. Фридляндера, но документы умалчивают, кем было занято в Правлении его место. 8 апреля 1910 г. новый состав Правления был приведён к присяге [33].

Из этого же архивного дела мы узнаем о выборах владимирского раввина. Так, в 1909 г. раввином при владимирском еврейском молитвенном доме был Татарский, в июле 1909 г. освобождённый от должности постановлением губернатора «в виду отказа его от обязанностей раввина» [34]. Раввином Татарский был всего несколько месяцев, поскольку об избрании его «Старый владимирец» сообщил в феврале того же года: «На трёхлетие 1909–1911 гг. Владимирским еврейским обществом избран раввином И. М. Татарский, который в этой должности и утверждён» [35].

В связи с временным отсутствием раввина у владимирского еврейского общества начались трудности. Прежде всего, владимирские власти предъявили обществу претензии в том, что не были вовремя доставлены в Губернское правление метрические книги за 1909 г. Объясняя это отсутствием раввина, еврейское общество сдало их лишь 23 марта 1910 г. [36]. Отсутствие раввина причиняло и другие неудобства. Так, 15 февраля 1910 г. М. Б. Гринблат обратился в Губернское правление с заявлением следующего содержания: «В виду предстоящего вступления дочери моей Перлы в первый законный брак имею честь покорнейше просить выдать удостоверение в том, что в губ. гор. Владимире в настоящее время избранный Раввин Губернским Правлением в должности ещё не утверждён, прежний же Раввин от своей должности был освобождён» [37]. Этим неутверждённым в должности раввином являлся избранный владимирским еврейским обществом и давший последнему подписку в том, что согласен занять эту должность «на трёхлетие безвозмездно» окончивший с дипломом 2-й степени курс юридических наук в Киевском Императорском Св. Владимира университете Иоанн Нояхович Безыменский. 29 июня 1910 г. И. Н. Безыменский в присутствии членов Правления владимирского еврейского молитвенного дома и полицейского пристава 1-й части города принёс присягу [38].

Следующее короткое упоминание о деятельности Хозяйственного правления при владимирском еврейском молитвенном доме относится к маю 1911 г., когда «Старый владимирец» сообщил, что «19 мая в 1 час дня в еврейском молитвенном доме состоялось общее собрание членов общества для выбора Хозяйственного правления общества. Избраны: Свердлов, Левитан, Фридляндер, Горелов»[39].

А вот выборы членов Хозяйственного правления и общественного раввина 1913 г. нашли отражение в документах Губернского правления. Выборы состоялись 8 сентября 1913 г. Были избраны Я.М. Э(й)дельман, Э. Н. Горелов и Я. Д. Заславский. В выборах приняли участие 16 человек, которые и подписали избирательный листок, представленный губернатору. Помимо избранных, это были В. Н. Свердлов, С. Э. Шер, В. Б. Рабинович, Б. Ш. Левитан (за него Горелов), И. Г. Безыменский, А.С. Л. Бенах, А. И. Коиль, И. Бенах, З. Ромм, С.Б. И. Шер, Ш. Розенбаум, Я. Л. Янкелевич, А. Г. Ржительницкий [40].

5 января 1914 г. прошли выборы уполномоченных для избрания общественного раввина, и большинством голосов были избраны И. Э. Федер, Ш. Ш. Коиль, И. А. Бенах, Б. А. Каплан, Я. Д. Заславский, Х.В. Ш. Гуревич, С. Э. Шер, В. Н. Свердлов, Э. Н. Горелов. На следующий день уполномоченные избрали общественным раввином на трёхлетие (с 1914 по 6 января 1917 г.) Израиля Яковлевича Сточека [41].

В мае 1916 г. В. Н. Свердлов представил губернатору «выборное производство по избрании трёх членов Хозяйственного Правления и двух кандидатов на трёхлетие»: членами В. Н. Свердлова, С. Э. Шера и В. Б. Рабиновича и кандидатами – Я. Л. Янкелевича и Л. Б. Каценеленбейгена. Выборы состоялись 3 апреля того же года. Новым членом Хозяйственного правления предстояло стать Лейбе Берковичу. На должность раввина владимирские евреи избрали Янкель-Мовшу Мееровича Гринблата. 18 июля все перечисленные были утверждены губернатором в должностях [42].

Не знаем, где находился молитвенный дом Владимирской еврейской общины в 1880 г., но в начале XX в. местом его расположения являлись дома № 1–3 по улице Малые Ременники. В декабре 1916 г. Городская управа разрешила строительство при молитвенном доме «на плацу еврейской общины» каменной двухэтажной сторожки с мансардой и погребом [43].

По тому же адресу еврейский молитвенный дом находился и при новой власти. Инвентаризация частно-владельческого фонда, проведённая в 1928 г., зафиксировала в этих домах «еврейскую синагогу», при которой жил Гирш Лейбович. Владения синагоги были описаны так: «двухэтажный смешанный дом, каменный дом, каменная пристройка, 2 деревянных крыльца, деревянная пристройка, деревянный сарай» [44]. Именно к этому времени и относится попытка владимирских евреев возродить еврейский молитвенный дом. Основываясь

на Постановлении ЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1923 г. и инструкции НКВД № 328 от 1 октября 1929 г., владимирские евреи 31 декабря 1930 u/ зарегистрировали по адресу улица Малые Ременники, дом № 3 «Еврейскую общину верующих». Заявление подписали 23 еврея, из которых только девять были представителями старых владимирских еврейских фамилий [45].

Вообще же 1930-й был неудачным годом для возрождения религиозных общин. Возможно, и у самих просителей не хватило сил, чтобы вдохнуть жизнь в еврейский молитвенный дом. Во всяком случае, уже в начале 1932 г. Исполкомом Горсовета было заведено дело «О бесхозном доме еврейской общины верующих и переоборудовании его под ясли». При вынесении вердикта Президиумом Владгорсовета были учтены следующие обстоятельства: «община до сего времени не оформила свои права на указанное домовладение, чем доказала своё нежелание им пользоваться»; дом № 3 находится без присмотра, и поэтому «разрушается и расхищается». Кроме того, уже имелось ходатайство Райжилсоюза от 14 июня 1932 г. «о передаче в его пользование данного домовладения» под детские ясли, поскольку «в жилищной системе детяслей не имеется, а нуждаемость большая». Естественно, решение было принято не в пользу еврейской общины. Президиум Владгорсовета постановил срочно передать указанные дома в эксплуатацию Райжилсоюза для переоборудования и приспособления под ясли, а договор с общиной верующих, заключённый 3 декабря 1930 г., расторгнуть.

Нашли ли пристанище в Малых Ременниках детские ясли, мы не знаем, однако известно, что в здании молитвенного дома какое-то время находилось общежитие артели «Красный швейкуст» [46, 94]. В настоящее время на здании располагается табличка с указанием, что в нём находится территориальное отделение ОАО «Конструкторско-технологическое бюро бетона и железобетона» (ОАО КТБ ЖБ).

Таким образом, 23 июня 1932 г. мы можем считать последним днём полувекового существования во Владимире еврейского молитвенного дома.

3. Владимирская община в годы революционных потрясений. Небезынтересной является и тема об отношении к евреям исконного населения Владимирской губернии. В целом, это отношение было достаточно терпимым, хотя, разумеется, так называемый бытовой антисемитизм присутствовал и здесь. Однако более или менее серьёзным

«гонениям» евреи подвергались либо по закону, либо вследствие попыток владимирских ремесленников, как уже было показано выше, избавиться от соседства успешных конкурентов. Не замечен был Владимир и в еврейских погромах (исключение из всей губернии составил Иваново-Вознесенск: в ходе прошедшего в нём 23 октября 1905 г. было разгромлено 23 квартиры и 11 магазинов евреев; никто из них не пострадал, поскольку многие успели выехать из города [47]).

В июле 1906 г., когда по стране только что прокатилась очередная волна погромов, в газете «Владимирец» под псевдонимом «Никто-не» был напечатан фельетон в стихах «Состязание губерний» [48]. Он был задуман как отчёт «о проделанной погромной работе» разных губерний России, который принимал небезызвестный В. А. Грингмут (главный редактор газеты «Московские ведомости», по инициативе которого в ноябре 1905 г. разрозненные московские патриотические организации объединились во Всенародный Русский Союз). Так, например, Ярославская губерния сообщала не без гордости: «В то же время, господа, тормошила я жида, / И, под пение псалмов, – / «Бей студентов и жидов», /Во всю мочь три дня кричала, / Окна, двери разбивала, – / И браслетов и серёг / Натаскал, кто сколько мог...». Томскую же губернию Грингмут и вовсе остановил почтительно: «Рассказывать не надо: – / *Томск* как Новый *Торквемадо*, / Мир заставил задрожать / И почтительно признать / Зверств российских превосходство» (выделено автором фельетона. – *Г.М.*). В этой своеобразной перекличке Владимирская губерния, скажем прямо, выглядела бледно. Всё, что она смогла сказать о своих «погромных достижениях», это короткая фраза «Я умеренно громила».

Первые погромы, о которых известно по архивным документам, состоялись во Владимире 18–19 октября 1905 г. и были направлены отнюдь не против всегдашней жертвы всех погромов – евреев. Из дел, посвящённых «буйству» владимирской толпы в те октябрьские дни, известно, что брожение в обществе началось 18 октября, «когда в городе Владимире распространилось известие о воспоследовавшем в 17-й день октября Всемилостивейшем Манифесте». Когда на следующий день в толпе, собравшейся на площади по случаю торжественного богослужения в кафедральном соборе, был замечен бывший студент Юрьевского университета Лебедев (известный впоследствии большевик, советский цензор П. И. Лебедев-Полянский), полицейскому приставу пришлось высвобождать его из рук разгорячённой толпы, толпа же в поисках выхода возмущения накинулась было на служившего в

земстве Ильинского («вот они, земцы, бей их!»), но и этой потенциальной жертве посчастливилось скрыться [49]. Возмущённым владимирцам не осталось ничего другого, как пройти по городу «рейдом», в котором их пыл постепенно угас.

Надо заметить, что и власти владимирские, в отличие от хозяев многих других губерний, которых общественность в открытую обвиняла в потворстве погромщикам, не дремали. 11 мая следующего, 1906 г., владимирский полицмейстер Иванов в секретном донесении сообщал губернатору следующее: «В городе Владимире упорно циркулируют слухи о назначенных злоумышленниками погромах евреев и избиении интеллигенции 16 сего июня, в день проводов из Владимира Иконы Боголюбивой Божией Матери. Не придавая сему слуху особенного значения, тем не менее я считаю своим нравственным долгом подготовить всё возможное к отвращении могущих возникнуть беспорядков». Полицмейстер просил губернатора «снестись с начальником местного гарнизона о назначении на 16-е июня в его распоряжение одной роты от 9-го гренадерского Сибирского полка с расположением этой роты в помещении цирка на Никитской площади» с тем, чтобы рота «была готова выступить по первому требованию без малейшего промедления». И рота была выделена, как вдруг из Петербурга 15 июня поступила шифрованная телеграмма от самого министра внутренних дел Столыпина: «Получены сведения будто завтра во Владимире во время крестного хода возможен погром. Идут нарекания на земского начальника Корякина и товарища прокурора Кулибина. Сообщаю для Ваших соображений и принятия экстренных мер предосторожности». Понятно, что губернатор Сазонов с чистой совестью мог отчитаться перед обеспокоенным министром: «Все меры предупреждения уже принял. Вызваны войска, полиция распределена по местам. Расклеено объявление. Слухам о Корякине, Кулибине не доверяю». А уже 16-го: «Сегодня проводили икону при громадном стечении народа. Порядок образцовый. Городе спокойно. Сведения готовившемся сегодня покушении меня и полицмейстера оказались неосновательны».

Тем не менее, началось следствие. Опрошенные председатель владимирского отделения «Союза русского народа» Карякин, приказчик Красильникова, владимирский мещанин С. П. Козлов, инженер 9го класса коллежский асессор А. И. Чекменёв, и владимирский купец Н. В. Гончаров всё отрицали: никаких собраний не проводили, денег не собирали; Карякин заявления Каплана и Гринблата считал «наглой

и злостной клеветой», Козлов о намерениях разнести кассу Фридляндеру не говорил, Гончаров ездил в Ставрово по собственному делу, а Чекменёв вообще ничего не слышал, «хотя ежедневно бывает в городе и вращается среди народа». И. И. Курнавин и его приказчик заявили, что с сыном Штраусберга подобных разговоров не вели, как и вообще не ведут частных разговоров с покупателями [50].

Однако дыма без огня, как известно, не бывает, и евреи, хорошо знавшие об октябрьских событиях прошлого года в Иваново-Вознесенске, имели все основания опасаться повторения их во Владимире. К счастью, наш город демонстрацией «зверств российских превосходства» себя не запятнал.

Ещё одним немаловажным вопросом в истории жизни еврейских общин Владимирской губернии является вопрос о погребении умерших на территории губернии евреев. В еврейской религиозной традиции кладбище – это больше, чем просто участок земли, отведённый под захоронения. Не случайно в религиозной литературе имеется несколько названий для этого скорбного места: дом погребения, дом вечности, дом жизни, дом собрания всего живущего. Как верно заметил главный раввин Рима Рикардо Ди Сеньи – участник проходившего с 28 по 30 мая 2007 г. в Одессе рабочего совещания постоянного комитета Конференции европейских раввинов, в повестке дня которого стоял, в частности, вопрос о создании базы данных всех еврейских кладбищ Европы, об их восстановлении и сохранении, «любое старое еврейское кладбище является частью истории не только еврейской общины, но и местности, в которой находится» [51].

4. Владимирское еврейское кладбище. Вопрос о том, где хоронить умерших во Владимире евреев, должен был возникнуть достаточно давно, ещё при уходе из жизни первого из тех, кто временно находился во Владимире по торговым делам или постоянно проживал в губернском центре, начиная с 1830-х гг. Первые данные как о количестве проживающих во Владимире, так и о числе ушедших из жизни евреев относятся к 1862 г. Выше уже были приведены данные о том, что в 1861 г. умерли 14 членов еврейской общины: 4 мальчика и 5 девочек в возрасте от 1 года до 5 лет, 2 молодых человека и 3 девушки в возрасте от 20 до 25 лет.

Отдельное еврейское кладбище во Владимире никогда не существовало, что же касается еврейского участка Князь-Владимирского кладбища, то он, как и все старое кладбище, сохранился плохо. Самым ранним из памятников, надписи на которых выполнены на русском языке, является памятник 1910 г. (уже упоминавшемуся выше М. Б. Гринблату).

Однако выполненный в г. Санкт-Петербург по просьбе автора данного исследования перевод ряда эпитафий сделанных на иврите, позволяет судить о том, что уже в 1860-е гг. евреев погребали на этом месте. Самым древним из сохранившихся является памятник сыну рабби Шмуэла Каца из Измаила Дойв-Беру, скончавшемуся 13 января 1868 г.

Не смог помочь в изучении истории возникновения и развития еврейского кладбища и Государственный архив Владимирской области. Зато именно его документы, в частности документы созданного в 1905 г. Попечительства Князь-Владимирского кладбища, свидетельствуют, что к 1908 г. еврейское кладбище на последнем уже существовало. Одним из основных мероприятий Попечительства по обеспечению порядка на кладбище стало сооружение кирпичной стены по его периметру (1908 г.). Из протоколов заседаний Совета Попечительства видно, что поначалу ограда должна была пройти «с угла еврейского кладбища по краю оврага и затем по краю возвышенности над поймой реки Рпень до изгороди по границе с арендуемой Муравкиною (Фруктовой) землёй», но уже вскоре В. Г. Добронравов заявил «о небходимости постройки ограды и по левую сторону еврейского кладбища по границе – как проведена канава – вплоть до соединения со старой оградой, которую в стороне к арестантским ротам также необходимо возвысить, т. к. без этого кладбище всё равно не было бы огорожено и стало быть – не защищено как от расхищения, так и от проезда и прохода посторонних из соседних селений» [52].

Сегодня еврейские захоронения находятся на 11-м участке кладбища, занимающем его часть к западу от северных ворот, до стены Владимирского централа. Еврейское кладбище «граничит» с кладбищем магометанским, и оба они расположены вдоль так называемого Сухого оврага. Может показаться весьма странным месторасположение еврейских захоронений: практически в центре кладбища, вдоль его главной аллеи. Однако, судя по всему, еврейский участок, находившийся в своё время на краю православного кладбища, оказался в его центре случайно, в ходе прирезки к кладбищу дополнительных земельных участков.

Путём тщательного просмотра, а также изучения паспорта 11-го участка, находящегося в Центральной городской библиотеки г. Владимир, удалось выявить 71 захоронение, без сомнения относящиеся к еврейским. Подавляющее большинство последних было осуществлено в 1950-е (23) и 1960-е (34) годы, 5 относятся к 1940-м, 3 – к 1930-м, 2 – к 1920-м гг. Однако, занимаясь подобным анализом, следует учитывать то обстоятельство, что на данном участке кладбища, как и на всём

кладбище в целом, встречается несколько памятников вторичного использования – памятники Гомберг, Инберг, Левингер, Литвак, Рувинских, Свердлиных, Тифрис (до замены на новый) и Шер (и мы не знаем, чьи имена были стёрты с памятников потомками тех, на чьих могилах они установлены в данное время), а также несколько памятников, надписи на которых вообще утрачены. К тому же на данном участке встречаются и поваленные или упавшие памятники (в частности, на месте захоронения А. Ю. Берлина), лежащие «лицевой» стороной вниз.

Можно констатировать, что старинное, т. е. дореволюционное, еврейское кладбище не сохранилось. О нём напоминает лишь памятник М. Б. Гринблату, умершему в 1910 г. В основном на кладбище покоятся евреи, поселившиеся в нашем городе, начиная с 20-х гг. XX столетия, старинные же владимирские еврейские семьи «представлены» лишь семью захоронениями: Гринблат, Коиль, Берлин, Янкелевич, Безыменский, Шер (2). Между тем точно известно, что во Владимире умерли такие известные здесь некогда евреи, как Нахим Маркусович Фридляндер (ок. 1836–18.01.1910), владимирский купец 2-й гильдии, владелец ссудно-сберегательной кассы; отец знаменитого диктора Ю. Б. Левитана Берк Самуилович Левитан (ок. 1867–27.04.1933). К сожалению, приходится признать, что их могилы утрачены.

Восстановить имена членов владимирской еврейской общины, захороненных на Князь-Владимирском кладбище по 1918 г. включительно, можно было бы по метрическим книгам владимирского общественного раввина, однако таковые сохранились лишь за 1915, 1916, 1918 гг. Значительно расширить список захороненных здесь позволяют метрические книги нижегородского раввина: в записях часто указано конкретное место погребения усопших – как еврейское кладбище во Владимире, так и еврейские кладбища в других городах Владимирской губернии.

К сожалению, большая часть установленных на еврейском участке Князь-Владимирского кладбища памятников и само оформление могил, в том числе украшение их цветами, идут вразрез с требованиями традиции. Типичным еврейским надгробием является стела-мацева, т. е. стела из камня, как правило, белого. До 1917 г., особенно в губерниях, входивших в Черту, эти стелы весьма искусно украшали резьбой. На владимирском еврейском кладбище таких «нарядных» памятников либо не было, либо они не сохранились. А к соответствующим традиции памятникам должно отнести как раз самые простые, производящие впечатление заброшенности, неухоженности. Это памятники на месте захоронения И. Г. Безыменского, А. Ю. Берлина, Р. А. Гинзбург, И. С. Коиля,

Я. Л. Янкелевича и ещё несколько – те, что повалены на месте захоронения А. Ю. Берлина, и те, надписи на которых сделаны на иврите.

Кстати, о надписях. К эпитафиям традиция также предъявляла определённые требования, которые соблюдены только на дореволюционных памятниках владимирского еврейского кладбища. Правда, на трёх из перечисленных выше памятников указан год рождения (но только год, а не дата) умершего (что не было принято делать, поскольку появление на свет не являлось заслугой новорождённого, и в религиозных семьях день рождения, как правило, не отмечали, в то время как на всех на всех памятниках полностью указана дата смерти захороненного (только когда человек проживёт жизнь, можно будет сказать, стоит его почитать или надо предать забвению, поэтому евреи отмечают именно день смерти близких). Традиционно даты обозначались буквами еврейского алфавита по календарю еврейскому, в котором летоисчисление велось «от сотворения мира».

Традиционная еврейская эпитафия строилась следующим образом (покажем это на примере эпитафии на памятнике М. Б. Гринблату, выполненной на иврите): «Здесь покоится человек честный и прямой, ведший торговлю честно, р. Мейер бен (сын. – *Г.М.*) Исаахар-Арье Гринблат, в день смерти был в возрасте 49 лет, скончался во вторник, 12 Кислева года 5671 (30 ноября 1910 г. – *Г.М.*); да будет душа его завязана в связке вечной жизни». 30 ноября 1910 года».

Во-первых, магендавид (щит Давида) – знак в виде шестиконечной звезды, который высекали вверху надгробия. На его месте или внутри его помещались две буквы, чаще всего «п.н.» (פ"נ) – аббревиатура традиционного словочетания «здесь покоится» (по никбар) или «здесь сокрыт» (по нитман). Как вариант могли быть использованы аббревиатуры следующих фраз: «здесь похоронен (спрятан, положен, сокрыт)» или «этот памятник принадлежит». На женских надгробиях – «п.т.» (פ"ט), т.е. «здесь погребена» (по тмуна). Далее имя покойного по формуле «такой-то, сын такого-то», перед которым следовало, например, «реб» («рабби») или «рав» («раввин»), исходно означавшее «раввин, учитель» и превратившееся со временем в формулу вежливого обращения. Затем – дата смерти, о чём мы уже говорили. В нижней части надгробия неизменно располагалась аббревиатура ТНЦБ״А (תַּנְצֵבָ"ה) – начальные буквы слов «Да будет душа его (её) завязана в узле [вечной] жизни», т. е. пребывать вместе с теми, кто удостоен вечной жизни. Происходят эти слова из библейского стиха, откуда они уже в средние

века попали в обряд поминовения. Это мотив «воссоединения души покойного с общностью душ народа Израиля, в более широком смысле – соотнесение его личности с еврейской историей и традицией». Варианты этой надписи встречаются на памятниках владимирского еврейского кладбища XIX в. Так, на памятнике умершему 14 февраля 1888 г. (осталась часть памятника, имя отбито) написано «Да будет душа его вплетена в узел жизни», га памятнике 76-летнему арии-Лейбу, сыну Менахема Злотина, умершему 14 августа 1888 г., высечено «Да будет душа его завязана в связке вечной жизни». Наконец, формула восхваления умершего (это служит облегчению участи умершего на том свете, препятствует его попаданию в Гинну) (в расширенной эпитафии ещё и выражение скорби и горя близких, что заставляло читателя плакать и оказывать таким образом умершему почесть; выражение уверенности в воскрешении мёртвых). Широко использовалось в эпитафиях неявное сопоставление погребённого с героями древнего завета. Одна из самых распространённых хвалебных формул – «человек честный и прямой» использована в эпитафии на нескольких владимирских памятниках, в т. ч. на памятнике Гринблата. Данная фраза основана на Книге Иова и сопоставляет умершего с этим праведником.

5. Евреи в хозяйственной и культурной жизни губернии. Скажем коротко о том, чем занимались, как зарабатывали средства к существованию, благодаря какой деятельности имели право на нахождение во внутренней губернии России (кроме тех, кто имел это право от рождения) проживавшие во Владимирской губернии евреи. Рассмотрим, разумеется, первые 17 лет XX в., т. е. то время, когда и численность евреев в губернии была больше, и занятия их куда разнообразнее, чем сбор и сортировка тряпья, которыми добывали себе средства на пропитание в XIX в. получившие право на жительство и не имевшие никакой профессии николаевские солдаты.

Многие евреи занимались торговлей. Торговали кто продуктами (мукой, рыбой, уксусной эссенцией, сахарным песком и т.д.), кто дамскими шляпами, чулками и перчатками, готовой одеждой, кто дровами (держали так называемые лесные склады), кто музыкальными инструментами, пластинками, звуковоспроизводящими устройствами, пишущими машинками, а кто-то – часами и ювелирными украшениями. Последние, как правило, содержали еще и мастерские по ремонту часов и ювелирных изделий, а владелицы магазинчиков дамских шляп – мастерские по их изготовлению.

Помимо торговых, евреи являлись владельцами и промысловых заведений. Например, прачечных и красильных заведений, парикмахерских, фотоателье, заведений по изготовлению искусственных минеральных, ягодных и фруктовых вод. Кто-то содержал еврейские кухмистерские. Владимирские купцы Фридляндер владели ссудной кассой, братья Подземские – типографией в Коврове, мещане Свердлов и Коиль – скоропечатнями во Владимире, Коиль еще и переплетной мастерской и писчебумажным магазином. Отец знаменитого диктора Юрия Левитана был известным во Владимире портным. Купцы Гурвич и Слускер являлись подрядчиками при постройке казарм для 10-го гренадерского Малороссийского полка в губернском центре, а также других казённых зданий.

Особую, незначительную по количеству представителей, группу составляли музыканты, в основном капельмейстеры квартировавших во Владимире полков.

Значительная часть евреев имела непосредственное отношение к медицине: повивальные бабки, врачи различных специальностей, в основном по внутренним, женским, детским заболеваниям, но в первую очередь – зубные врачи, а также к фармацевтике – провизоры (владельцы аптек, управляющие аптеками), аптекарские помощники и аптекарские ученики.

Ну и конечно, в большинстве всех этих магазинов, мастерских, типографий, ателье, прачечных и т. д. рабочими, приказчиками, служащими также являлись евреи. Незначительный процент среди проживавших в губернии евреев составляла прислуга, служившая в состоятельных еврейских домах. Если говорить о Владимире, то практически все магазинчики, конторы, мастерские, аптеки, ателье, парикмахерские, кухмистерские, а также квартиры их владельцев (съёмные) располагались на Большой улице, в основном на Большой Московской или на прилегающих к ней – Георгиевской, Муромской, 2-й Никольской.

Собственными домами во Владимире владело незначительное количество евреев. Из наиболее известных домовладельцев можно назвать купца М. Б. Гринблата (владел пятью домами по Большой Дворянской улице в районе входа на современный стадион «Торпедо») и Исая Самуиловича Коиля (06.11.1845 – 1923). Поскольку в дальнейшем мы собираемся коснуться темы роли евреев в культурной жизни Владимирской губернии, о последнем домовладельце стоит рассказать несколько подробнее.

На титульных листах многих книг, напечатанных во Владимире в начале XX века, в выходных данных, там, где указывается название издательства или типографии, написано: «Скоропечатня И. Коиль». В 1918 г., подавая прошение о выходе из российского гражданства, Исая Самуилович так рассказывал о «местах жительства» до революции: «Происхожу из мещан города Щебрешина Замостского уезда Люблинской губернии, где и был призван на военную службу в 1866 году, но был освобождён вследствие слабости здоровья. В начале турецкой кампании (1877–1878 гг. – *Г.М.)* был снова призван и провёл всю эту кампанию в качестве солдата, побывав под Константинополем. После окончания войны переехал во Владимир в 1880 году вместе с полком моим 12-м Великолуцким, где и остался жить» [53].

Как уже говорилось, И. С. Коиль владел во Владимире скоропечатней, переплётной мастерской и писчебумажным магазином (разрешение на открытие скоропечатни датировано 27 августа 1899 г. [54], первое из известных изданий датировано 1906 г.), первоначально располагавшимися в различных домах, в которых Коиль снимал помещения. 1 мая 1914 г. Коиль получил во Владимирской городской управе разрешение на строительство дома на приобретённой им у Гринблат, Цейткин и Лурье земле [55] на Дворянской улице (ныне ул. Гоголя, 2), в котором жила многочисленная семья и находились все упомянутые заведения. На первом этаже располагались контора, склад, наборная и скоропечатня, в подвальном помещении – переплётная мастерская.

Это тот самый красивый двухэтажный особняк на Театральной площади, в котором ныне располагается областной Дом работников искусств. По «Журналам поверок торговых и промысловых заведений» можно проследить, как развивалось дело И. С. Коиля. Так, например, 1912 г. под размещение типографии и переплётного заведения потребовалось три «покоя» (с «наёмной платой» 920 рублей в год), и в них трудилось 24 человека [56]. Тогда в типографии Коиля работало «2 мотора в $1^1/_2$ конской силы» каждый, но уже к 1914 г. к ним добавился «1 мотор в $^1/_2$ силы», что, очевидно, повлекло за собой и увеличение количества трудившихся в заведениях Коиля рабочих. В 1915 г. их было уже 25 человек. В 1916 г. в типографии Коиля вновь работало только «2 мотора в $1\ ^1/_2$ силы», что привело к снижению количества рабочих – 21 человек. В этом же году впервые была указана сумма годового оборота заведений Коиля. Она составила 20 000 рублей [57].

В типографии Коиля печаталась самая разнообразная литература, а в 1906–1918 гг. и газета «Владимирские епархиальные ведомости».

Здесь увидели свет и издания, посвящённые истории нашего края, его достопримечательностям, известным людям, в том числе работы известных владимирских краеведов – В. Г. Добронравова, Н. В. Малицкого и других. Многие из этих изданий ныне являются редкими, даже уникальными и сохранились лишь в фондах крупных библиотек. До сих пор они не только не потеряли своего значения, но и представляют большую ценность для краеведов и историков. Таким образом, деятельность И. С. Коиля – это страница не только в истории владимирского книгоиздания, но и в культурной жизни нашего города.

Мы уже упоминали о том, что одним из видов деятельности владимирских евреев являлась продажа пластинок и музыкальных инструментов. На теме, касающейся роли евреев-музыкантов в культурной жизни Владимирской губернии стоит остановиться несколько подробнее. Поначалу еврейские оркестры, выступавшие в губернии, были заезжими. Так, например, обращает на себя внимание публикация «Владимирских губернских ведомостей» в июне 1856 г. о том, что Государь Император «Высочайше повелеть соизволил» благодарить за пожертвования проезжавших через г. Юрьев «музыкантов из евреев», которые вырученные ими за концерт 126 рублей отдали в пользу «воинов, падших под Севастополем» [58, 183].

Приезжали еврейские оркестры во Владимирскую губернию и позднее. Но поскольку полицмейстеры и уездные полицейские исправники обязаны были регулярно отчитываться о количестве проживающих на вверенной их попечению территории евреях, а также их праве на это, то ни один подобный оркестр, как бы в его услугах ни нуждались местные жители, не имел возможности задержаться на нашей земле надолго. Так, только осенью 1898 г. стало известно о пребывании еврейских оркестров из пяти выходцев из Минской губернии в Суздале и из пяти человек под управлением оршанского мещанина Ельи Израилевича Гузикова в Муроме. Оба оркестра были специально приглашены в нашу губернию – суздальским общественным собранием «для игры в Клуб на зимний сезон» и муромскими дворянско-купеческим собранием и музыкально-драматическим кружком. И оба были высланы полицией, несмотря на просьбы, специально обращённые к властям принимающими сторонами [59].

Однако были музыканты и среди тех евреев, которые имели полное право проживать в наших городах. Можем назвать, например, членов Владимирского артистического кружка дантиста Мойшу Хаимо-

вича (Михаила Михайловича) Кофмана (виолончель) и сына владимирского купца 1-й гильдии, юриста Янкеля Мееровича Гринблата (скрипка). В дореволюционных газетах встречаются упоминания выступлений Гринблата и Кофмана в артистическом кружке или в студенческих и благотворительных концертах. Так, 26 января 1916 г. в зале театра «Ампир» состоялись спектакль и концерт «на усиление средств Городской публичной библиотеки и трудовой помощи семьям призванных при благосклонном участии» скрипача Я. М. Гринблата и виолончелиста М. М. Кофмана» [60]. Надо отметить, что Я. М. Гринблат являлся всё-таки неплохим скрипачом, поскольку был принят преподавателем по классу скрипки в музыкальную школу Петра Алексеевича Ставровского, открывшуюся во Владимире в 1912 г. [61, 9; 62, 17].

Жили во Владимирской губернии и профессиональные музыканты-евреи. Это, прежде всего, служившие, в т. ч. по вольному найму, музыкантами в квартировавших во Владимире полках. Среди вольнонаёмных музыкантов мы можем назвать, в частности, Хаима-Арона Лейзеровича Клипиничера, служившего в 1899 г. в 10-м Гренадерском Малороссийском полку и Иоганна Лейзеровича Шлюммера, служившего с октября 1910 г. в 9-м Гренадерском Сибирском полку. Помимо службы в полку, Шлюммер поступил музыкантом в частный оркестр при электрическом театре «Фурор», а также «ходил на урок в училище слепых для обучения слепцов музыке». Наиболее известным военным музыкантом во Владимире был кларнетист Гирш Лейбович Банович. В 1886 г. он окончил Варшавский музыкальный институт и 7 лет служил капельмейстером 10-го Гренадерского Малороссийского полка, с 1897 г. во Владимир уже вольнонаёмным капельмейстером 9-го Гренадерского Сибирского полка. Одновременно он преподавал музыку в мужской гимназии и был капельмейстером оркестра при Добровольном пожарном обществе. В 1898 г. серьёзно встал вопрос о дальнейшем проживании Г. Л. Бановича, и по ходатайству губернатора перед Департаментом полиции ему было разрешено «в виду исключения временно проживать в г. Владимире до тех пор, пока он не оставит службы капельмейстера в означенном полку» [63].

Являясь членом Правления общества детской помощи [64], Г. Л. Банович принимал деятельное участие в организации благотворительных концертов в его пользу и сам выступал в них с военным оркестром. В этих концертах участвовали и его племянники и племянницы. Из 11 известных нам детей его брата Моисея Лейбовича Бано-

вича многие имели музыкальное образование. Упоминание участия некоторых из них в благотворительных концертах встречаются в местной прессе в 1906–1908 гг.: Минар Банович (скрипка), Фрол Банович (виолончель), Тауба Банович (рояль) [65]. В одной из заметок сказано: «Из исполнителей необходимо отметить игру семейства гг. Бановичей на рояли, виолончели и скрипке. Особенно хорошо исполнена на скрипке М. М. Банович «Легенда» Венявского» [66].

В 1912–1913 гг. на утверждение полицмейстера периодически представлялись афиши различных концертов, по окончании которых устраивались танцы под оркестр 9-го Гренадерского Сибирского полка, управляемый Бановичем: в пользу недостаточных владимирок-слушательниц Московских и Санкт-Петербургских высших женских Бестужевских курсов, в пользу недостаточных студентов-владимирцев Московского Императорского университета и т. п. [67] Стоит отметить, что в одном из концертов (26 декабря 1912 г.), сопровождавшихся балом с приглашением оркестра Бановича, участвовала знаменитая скрипачка Лея Сауловна Любошиц (1885–1965). По приглашению Владимирского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО), в которое была преобразована в 1915 г. музыкальная школа П. А. Ставровского, выступали во Владимире также прославленный педагог, основатель так называемой русской скрипичной школы Леопольд Семёнович Ауэр (1845–1930), его ученик, известный скрипач Борис Осипович Сибор (настоящая фамилия Лифшиц) (1880–1961) [68], участник струнного квартета Харьковского отделения ИРМО, скрипач Исаак Евсеевич Букининк (1867–1942) [69, 55].

Поскольку речь зашла о широко известных музыкантах, то нельзя обойти вниманием следующие интересные факты. 21 октября 1912 г. в еврейском посёлке, располагавшемся между сёлами Зуево и Орехово [70, 24], последнее из которых входило тогда в состав Владимирской губернии, в семье часовщика Вульфа Хаимовича Флиера родился ещё один сын, в последующем один из крупнейших пианистов XX в., интерпретатор романтической музыки, с 1937 г. преподаватель, с 1945 г. профессор Московской консерватории (среди его учеников – композитор и пианист Р. Щедрин) Яков Владимирович (очевидно, Янкель Вульфович) Флиер (1912–1977). А 16 января 1869 г. в должность городового врача Меленок Владимирской губернии вступил Исайя Гиршевич Браудо, с 1878 г. городовой врач Владимира, с 1884 г. владимирский уездный врач, с 1886 г. владевший собственным домом на Студё-

ной горе [71]. Таким образом, вместе с отцом приехал во Владимирскую губернию и вырос здесь его сын (окончил Владимирскую казённую мужскую гимназию), историк, библиограф, писатель и общественный деятель Александр Исаевич Браудо (1864–1924). Для нас же интересно то, что Александр Исаевич – отец выдающегося российского органиста, крупнейшего знатока и исследователя старинной музыки, наставника нескольких поколений ленинградских музыкантов, вдохновенного пропагандиста современного органного творчества Исайи Александровича Браудо (1896–1970).

И, наконец, несколько слов о тех, кто, не являясь музыкантом, тоже внёс свой вклад в музыкальное воспитание владимирцев, делал их жизнь более интересной, разнообразной. Речь о предпринимателях, торговавших пластинками, приборами для записи и воспроизведения музыки и музыкальными инструментами. Наиболее известными из подобных магазинов были принадлежавший Хаве Мордуховне Перкус (Большая улица, дом Ковалёва, позднее – дом городского Общества рядом с булочной Курнавина) [72] и чете Ржительницких, Арону Гиршевичу и Фейге Гиршевне. В первом продавались скрипки, гитары, балалайки, мандолины, граммофоны, во втором – патефоны, граммофоны, пластинки, рояли, пианино и ноты. При магазине Ржительницких находилась мастерская по починке музыкальных инструментов [73]. Михаил Васильевич Косаткин, вспоминая годы юности, проведённые во Владимире, так рассказывал о магазинах, находившихся в Малых торговых рядах: «К нему (к магазину Ивановой. – *Г.М.*) примыкал большой магазин Ржительницкого, бойко торговавший входившими тогда в моду граммофонами и всевозможными граммофонными пластинками с записями голосов Шаляпина, Вяльцевой, Неждановой, что являлось благородным развлечением обывателя» [74, 25]. Рекламируя свой магазин, А. Г. Ржительницкий предлагал: рояли и пианино лучших фабрик, ноты всех изданий, граммофоны, патефоны, пластинки (Пате и граммофонные) в большом выборе [75].

6. Творящие добро. Осталось добавить несколько слов о благотворительности, которой занимались владимирские евреи. Разумеется, она не могла быть столь широкой, как в тех губерниях, которые входили в Черту, и Владимир не мог похвастаться такими значительными филантропическими учреждениями, как киевские больница, лечебница и богадельня Ионы и Маркуса Зайцевых или дневной приют для еврейских детей, построенный на средства дочери знаменитого Лазаря Бродского Маргариты Гольдшмидт-Бродской. Однако посильное участие и прежде

всего в общегородской, общегубернской и общероссийской благотворительности жившие на нашей земле евреи принимали. Сводилась она в основном к пожертвованиям в пользу тех или иных нуждающихся либо к участию в благотворительных мероприятиях, в частности в благотворительных концертах, о которых уже говорилось выше.

Если подвергнуть анализу всю собранную за годы архивного поиска информацию, то можно сделать следующие выводы. В благотворительности участвовали не все евреи, проживавшие во Владимирской губернии, даже не все евреи-предприниматели. Встречаются в основном одни и те же фамилии (И. С. Коиль, М. Б. Гринблат, Г. Л. Банович, М. М. Кофман, С. М. Ромм, А. Г. Ржительницкий, Г. Л. Левкович, Д. Г. Фридляндер, М. Л. Юделевич), в общей сложности 29 человек. Причём для восьми из них благотворительность была так сказать делом семейным, это семьи Банович и Гинзбург. Шесть человек – Ю. А. Волов, В. Л. Бернштейн, Р. Д. Дамская, М. Л. Юделевич, Г. Л. Левкович и Г. Л. Банович – занимались ею, условно говоря, по должности: первый был действительным членом, второй и третья – членами-соревнователями Шуйского комитета Российского общества Красного Креста, Г. Л. Левкович – почётным членом Попечительства Александринского детского приюта, а М. Л. Юделевич и Г. Л. Банович – членами Общества детской помощи г. Владимир [76]. Стоит отметить, что владимирские евреи не принимали участие в благотворительности исключительно только в пользу своих соплеменников. Так, пожертвования от них поступали в том числе и в пользу мероприятий для детей «к празднику Рождества Христова».

Было бы неправильным не сказать о том, что мы анализируем только доступные нам сведения о благотворительности. Во-первых, надо учесть, что многие филантропы во все времена считали, что настоящая благотворительность должна быть тайной, анонимной. И такая форма благотворительности была наиболее типична для евреев. Во-вторых, практически единственным источником о благотворительности для нас были владимирские газеты, однако понятно, что они могли писать далеко не обо всех благотворительных акциях и инициативах, и не все организаторы благотворительных мероприятий, тех же концертов, помещали в газете благодарности жертвователям с указанием фамилий. Примером тому, что, безусловно, при всей тщательности исследования в поле нашего зрения мог не попасть довольно значительный пласт благотворительности, может служить, в частности, День белого цветка или белой ромашки – ежегодная акция по сбору

средств на борьбу с туберкулёзом. Для её проведения каждый город разбивался на районы, в которых сбор средств возглавляли представительницы дамского комитета. Первый День белого цветка прошёл во Владимире 22 мая 1912 г. Среди сборщиц пожертвований были Ромм (инициалы не указаны), отвечавшая за кружку № 16 в 3-м районе города (улицы Дворянская, Большая и Малая Мещанские, Большие и Малые Ременники) и Е. Г. Левкович, дочь провизора Гирши Берковича Левковича, содержавшего во Владимире аптеку и химико-бактериологический кабинет, за которой была закреплена кружка № 51 в 8-м районе (Большая улица от городской управы до 2-й части) [77].

Надо отметить, что во внутренних губерниях России заниматься, условно говоря, «еврейской» благотворительностью (т. е. исключительно в пользу соплеменников) было не так просто. Она находилась под строгим контролем. Так, например, в октябре 1914 г. Владимирское губернское правление просило исполняющего обязанности владимирского полицмейстера ускорить исполнение циркуляра от 10 мая 1912 г. за № 1064 «О доставлении сведений о пожертвованиях, поступивших в пользу еврейских синагог и молитвенных домов, старообрядческих и сектантских общин». Циркуляр требовал ежегодно, к 15 октября, доставлять ведомости обо всех подобных пожертвованиях. В конце октября – начале ноября 1914 г. полицейские приставы 1-й и 2-й частей г. Владимир сообщили о том, что «до настоящего времени таких пожертвований не поступало» [78].

И, тем не менее, пусть не в пользу именно синагог и еврейских молитвенных домов, но «еврейская» благотворительность существовала. Так, одним из направлений еврейской благотворительности была организация ночлежных домов и дешёвых столовых. В этой связи стоит, например, обратить внимание на открывшуюся в 1909 г. во Владимире еврейскую кухмистерскую, принадлежавшую С.Б.-И. Шершову. Евреи, соблюдавшие традиции, стремились использовать в пищу только кошерные продукты, и в еврейской кухмистерской (заведении, напоминавшем современную столовую или небольшой ресторан) можно было гарантированно получить кошерную пищу: поесть в ней или взять обеды на дом. Судя по документам, при кухмистерской Шершова в лучших традициях также мог получить временное пристанище приезжий. Безусловно, считать кухмистерскую чисто благотворительным заведением нельзя, поскольку целью её содержателя было обеспечение собственной семьи. В частности, оборот кухмистерской Шер-

шова за 1915 г. составил 1500 рублей. Однако надо полагать, что владимирская кухмистерская мало отличалась от её «сестёр» в других городах страны и мира и, следовательно, обеспечивала дешёвым питанием тех, кто в этом нуждался.

Приведём два свидетельства, показывающих, что дореволюционные еврейские кухмистерские отчасти представляли собой благотворительные заведения. Так, В. П. фон Эгерт писал: «Не подумайте, что это было сказано в Америке каким-нибудь революционным бродягой из евреев перед кучкой подобных ему в какой-либо из обычно посещаемых таким народом еврейских кухмистерских» [79]. А. Шульман следующим образом передавал воспоминания своего деда, еврейского историка, публициста, общественного деятеля Г. Я. Красного-Адмони: «Григорий Яковлевич принадлежал к многочисленному слою петербургских студентов-разночинцев, учившихся на «медные гроши». Помню рассказы деда о кухмистерских, где студенты питались на одну копейку в день. Дед говорил о необыкновенном вкусе ржаного хлеба, подававшегося в этих кухмистерских» [80]. Между прочим, на базе частных еврейских кухмистерских в том же Петербурге в годы Первой мировой войны были организованы пункты питания для беженцев из прифронтовой полосы – Польши, Белоруссии, Прибалтики, Прикарпатья. Не исключено, что то же самое было осуществлено и на базе кухмистерской Шершова.

Хотелось бы отметить ещё одно проявление еврейской благотворительности, о котором стало известно из архивного дела, посвящённого совсем другому вопросу – аресту летом 1913 г. владимирской мещанки Либы Лейбовны Янкелевич, крестьянина Ивана Васильевича Волкова и надзирателя исправительного арестантского отделения Павла Константиновича Шахнина, обвинявшихся в «сношении с каторжанами, содержащимися во временной каторжной тюрьме» Владимира. Л. Л. Янкелевич была уличена, в частности, в передаче заключённым писем. В деле описывается механизм передачи записок с воли и как отдельный элемент этого механизма следующий момент: «… Во время праздника еврейской пасхи, с разрешения тюремной администрации, от местного еврейского общества были пожертвованы для евреев-арестантов пищевые продукты, причём в картофеле была передана какая-то записка» [81]. Было ли это системой, или «преступники» просто использовали данный эпизод в своих целях, неизвестно. Для нас же важно, что Владимирская еврейская община не забывала о своих соплеменниках, находившихся в заточении, поддерживала их.

Итак, мы подошли к тому периоду в истории нашей страны, в который благотворительность евреев в пользу своих соплеменников развернулась наиболее широко. Поэтому, очевидно, владимирская «еврейская» благотворительность именно в годы Первой мировой войны нашла, наконец, отражение в официальных документах. В 1914 г. вследствие появления во внутренних губерниях страны огромного числа евреев, бежавших или выселенных из зоны военных действий, а также для оказания материальной помощи семьям евреев, призванных в армию, в России был создан Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО). ЕКОПО занимался переправкой беженцев на новые места жительства, обеспечением их питанием, одеждой, жильём, предоставлением медицинской помощи, заботой о детях, приисканием беженцам работы или денежной поддержки, организацией общеобразовательных и профессиональных школ, курсов и т. п. Власть признала ЕКОПО и оказывала ему поддержку, представители и сотрудники Комитета были наделены исполнительными полномочиями.

21 августа 1915 г. во Владимире начало действовать Владимирское еврейское общество помощи жертвам войны, 4 ноября того же года был утверждён его устав. Известный владимирский краевед Л. С. Богданов сделал из него следующую интересную выписку: «Учредителями Общества состоят: дантист Берко Аронович Каплан (Большая ул., д. Бузина), полоцкий мещанин Вульф Насонович Свердлов (Большая ул., д. Ковалёва), владимирский мещанин Исай Коиль (Дворянская ул., с.д.), владимирская купчиха Бася Шаломовна Гринблат (Дворянская ул., с.д.), одесский мещанин Иоиль-Шимон Гершанович Безыменский (Царицынская ул., д. Мусатовой)» [82].

Общество оказывало «помощь беженцам квартирой, топливом, денежным пайком для пропитания», снабжало их обувью, одеждой, работой, а также кормило «горячей пищей транзитных» беженцев, т. е. проезжавших через Владимир по Московско-Нижегородской железной дороге. Норм денежной помощи беженцам Общество не имело, выплачивая каждому от 20 коп. и более. Уточнялось, что «средства собираются евреями», к нуждам организации был отнесён «недостаток помещений». В сведениях об Обществе указывалось, что «заработок получают ремесленники: портные, хлебопёки, чулочницы и пр.».

На 15 сентября 1915 г. на оказание помощи беженцам Обществом была израсходована 1000 руб. Для сравнения: Владимирский городской комитет по оказанию помощи беженцам (нееврейский) выплатил беженцам по состоянию на ту же дату всего 413 руб. 62 коп. Правда, надо иметь

в виду, что беженцев-евреев было, очевидно, меньше, чем беженцев прочих национальностей – русских, белорусов, украинцев, поляков. Так, отмечалось, что Владимирским еврейским обществом помощи жертвам войны помощь оказана 186 человекам, 44 семействам, в то время как 250 человек не получили пособия. В Городской же комитет по состоянию на 5 ноября 1915 г. обратилось 669 семейств [83].

К сожалению, дел с документами Владимирского еврейского общества помощи жертвам войны не сохранилось, и нам приходится руководствоваться разрозненными документами этой организации, попавшими в дела других учреждений. Так, в июне 1917 г. Общество выдало «удостоверение духовному раввину евреев г. Коврова Мееру Ароновичу Иофе в том, что он как духовный раввин с апреля 1916 г. обслуживает нужды беженцев евреев г. Коврова и что жалованье ему за это положено от нашего Комитета 25 р. в месяц». За председателя расписался Д. Безыменский, в качестве секретаря, очевидно, Иосель Абрамович Лившиц [84].

Продолжало действовать Владимирское общество и в первый год Советской власти. В 1918 г. оно обратилось к владимирскому губернскому комиссару по судебным делам с просьбой о пересмотре дела Иосифа Штисса, находившегося в это время во Владимирской тюрьме. По словам Штисса, он был осуждён невинно и находился в заключении уже три года. Просьба Общества объяснялась тем, что дело Штисса «разбиралось представителями самодержавного режима, которые, без сомнения, тенденциозно относились к подобного рода делам». В качестве председателя Общества прошение подписал Гринблат (очевидно, сын М. Б. Гринблата Янкель Меерович, поскольку в одном архивном документе одним из мест его службы было обозначено так: «Еврейский беженский Комитет во Владимире [85]), в качестве секретаря – С. Плаксин [86].

Однако наступал крайне сложный период, период постоянных лишений и прямых опасений за жизнь, время, когда выше перечисленные благотворители, оставшись без своих предприятий и домов, сами начинали нуждаться и в куске хлеба и в крыше над головой.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что, несмотря на все препоны, которые российское законодательство чинило нахождению евреев во внутренних губерниях России, во Владимирской губернии, начиная с середины XIX в., проживала немалая еврейская община, оставившая пусть не значительный, но весьма заметный след в истории и культуре нашего края.

Библиография

1. Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1847. Л. 1 – 2об., 5.

2. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 149 (за 1846 г.), 7781 (за 1848 г.), 9041 (за 1851 г.), 9759 (за 1852 г.), 10178 (за 1854 г.).

3. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д.7781. Л. 11; Там же. Д. 10178. Л. 2.

4. *Тихонов А.К.* О пребывании в г. Владимире военнопленных во второй половине XIX в. // Материалы областной краеведческой конференции (14 апреля 2006 г.). – Владимир, 2007. – Т. 1.

5. Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год. – Владимир, 1862.

6. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. – 1878. 234 стлб., 81, 48 с. [16] л. табл. [4] л. Т. 2.

7. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. – 1880. Т. 3.

8. *Субботин А. П.* Губернский город Владимир в 1877 году. всестороннее описание в связи с сравнительными данными о других городах России: опыт отчизноведения. – 1879.

9. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17797. Л. 4, 66–68, 75, 78, 78об., 81об., 82, 83об. – 85, 88, 89об., 116, 116об., 118–121, 123, 123об., 131, 140–143об., 145–147.

10. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 5. [б/м, б/д].

11 ГАВО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 135. Л. 1, 2, 4 – 11, 13, 15, 16, 21.

12. ГАВО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 138. Л. 1 – 3.

13. ГАВО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 139. Л. 3–6, 8, 10, 11, 13 – 15, 18об.–20об., 24, 26, 27, 29–31.

14. ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 49. Л. 2об.–4, 12, 18, 41, 44.

15. Владимирский календарь и памятная книжка на 1904 г. – 1903.

16. ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 73; Ф. 1009. Оп. 1. Д. 76.

17. *Минин С.* Деятельность городского общественного управления г. Владимира в годы Первой мировой войны // Материалы областной краеведческой конференции «Город Владимир. Век XX» (20 апреля 2001 г.). – Владимир, 2002.

18. *Суслина О.Н.* Беженцы в г. Владимире в годы первой мировой войны // Материалы областной краеведческой конференции «Город Владимир. Век XX» (20 апреля 2001 г.). – Владимир, 2002.

19. ГАВО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 83. Л. 20, 30, 53, 57, 143, 147, 150, 153, 157.

20. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17797. Л. 79–79об.

21. Там же. Л. 132, 135, 136, 137.

22. Там же. Л. 138–139об.

23. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 8. Д. 127. Л. 9–11об.

24. Там же. Л. 15.

25. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 17797. Д. 19999. Л. 1–1об.

26. ГАВО. Ф 40. Оп. 1. Д. 19999. Л. 3–4об.

27. Там же. Л. 7.

28. Там же. Л. 5.

29. Там же. Л. 6.
30. Там же. Л. 12, 13.
31. Отчёт еврейского молитвенного дома // Старый владимирец. 1908. 17 окт.
32. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20927. Л. 1.
33. Там же. Л. 3, 7, 8, 11, 12, 14, 19.
34. Там же. Л. 12.
35. Старый владимирец. 1909. 14 февр.
36. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20927. Л. 17.
37. Там же. Л. 11.
38. Там же. Л. 26–26об.
39. Старый владимирец. 1911. 21 мая.
40. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22307. Л. 1, 2.
41. Там же. Л. 3, 4.
42. ГАВО. Ф. 40. Д. 22853. Л. 1, 2, 7.
43. ГАВО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3724. Л. 1, 4, 6, 10.
44. ГАВО. Ф. Р-950. Оп. 2. Д. 16. Л. 144об.–145.
45. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 564. Л. 1–3.
46. *Бубнов С.Л.* След в бесконечности: памятники Владимира: справочник-путеводитель. Владимир, 2000.
47. ГАВО. Ф. 107. Оп. 4. Д. 675.
48. Владимирец. 1906. 30 июля.
49. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 610. Л. 1–4; Д. 611. Л. 2–4.
50. ГАВО. Ф. 107. Оп. 4. Д. 864. Л. 1–4, 9–10, 12, 13, 15, 16–18об.
51. Информационное агентство репортер // http://reporter.com.ua/articles/art143/ (дата обращения: 02.01.2016)
52. ГАВО. Ф. 390. Оп. 4. Д. 10а. Л. 7, 10; Титова В.И. История Попечительства Князь-Владимирского кладбища // Князь-Владимирское кладбище. Владимирский некрополь. – Владимир, 2000. – 126, [2] с. Вып. 3. – С. 105–118.
53. ГАВО. Ф. Р-357. Оп. 2. Д. 65. Л. 3.
54. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2860. Л. 15.
55. ГАВО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3397.
56. *Черешнёв Ф., Воронинский С.* Коммерческий указатель фабрик, заводов и других промышленных заведений Владимирской губернии. – 1912.
57. ГАВО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1199. Л. 19об.; Д. 1232. Л. 19об.; Д. 1245. Л. 16об.; Д. 1295. Л. 16об.; Ф. 301. Оп. 7. Д. 1973. Л. 6об.; Д. 2992. Л. 14об.
58. Владимирские губернские ведомости. – 1856. – 6 февр. – Ч. оф.
59. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1785. Л. 8, 59–59об., 119–119об.
60. Старый владимирец. – 1916. – 22, 28 янв.
61. *Кудрякова Е.В.* Звуки музыки: из истории детской музыкальной школы № 1 им. С.И. Танеева г. Владимира. – Владимир, 2007.
62. *Емельянов И.А.* Пётр Алексеевич Ставровский – основатель музыкальной школы во Владимире // Владимир музыкальный: очерки по истории музыкального образования во Владимире (вторая половина XIX – XX вв.): сборник статей студентов Владимир. гос. Гуманит. Ун-та и Владимир. Свято-Феофан. дух. Семинарии. – Владимир, 2010.

63. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1785. Л. 93–96.
64. Владимирец. – 1906. – 21 дек.
65. Владимирец. – 1906. – 19 дек.; Старый владимирец. – 1908. – 14, 15 окт.
66. Старый владимирец. – 1908. – 24 окт.
67. ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 75. Л. 83, 91, 97.
68. Владимирская музыкальная школа имени С.И. Танеева: буклет. – Владимир, 1980.
69. *Косаткин М.В.* Владимирский архиерейский хор и его деятели. [Рукопись. 1950 г. Личный архив В.С. Дьяченко].
70. *Лизунов В.С.* Душа сказать о чём-то хочет… – Орехово-Зуево, 2006.
71. ГАВО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 343. Л. 33; Ф. 40. Оп. 1. Д. 17857. Л. 1, 3–4; Д. 18293. Л. 1, 4–8, 11, 13.
72. Старый владимирец. – 1913. – 12 февр.
73.Старый владимирец. – 1916. – 1 янв.
74. *Косаткин М.В.* Мои ученические годы во Владимире. [Рукопись. 1977 г. Владимирская областная научная универсальная библиотека].
75. Старый владимирец. – 1911. – 5 авг., 11 окт., 8, 20 нояб.
76. Владимирские губернские ведомости. – 1904. – № 2, 27. – Ч. неоф.; Владимирец. – 1906. – 21 дек.; Владимирец. – 1907. – 14 апр.
77. Ф. 981. Оп. 3. Д. 75. Л. 56 , 56об.; Старый владимирец. – 1912. – 9 мая.
78. ГАВО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 80. Л. 190, 192, 193.
79. *Эгерт В.П.* Надо защищаться // http://www.usinfo.ru/rossija53.htm.
80. *Шульман А.* Жизнь и Судьба еврейского интеллигента в России: Григорий Яковлевич Красный-Адмони // www.jewniverse.ru/biher/AShulman/ k_1.htm
81. ГАВО. Ф. 15. Оп. 5. Д. 3165. Л. 1, 2–2об., 11.
82. ГАВО. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 41. Л. 59.
83. ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 91. Л. 154об.–155, 203, 204, 208.
84. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23078. Л. 186.
85. ГАВО. Ф. Р-445. Оп. 2. Д. 15. Л. 76об.
86. ГАВО. Ф. Р-445. Оп. 1. Д. 68. Л. 123.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональная история религиозных конфессий всегда тесно связана с эпохальными событиями в жизни страны, вплетена в общий контекст становления и укрепления российской государственности. Особенность Владимирского края, являвшегося одним из политических и культурных центров Древней Руси, заключается в том, что многие исторические сюжеты, события и личности не вмещаются в рамки локальной истории и имеют национально-значимый характер. Это относится, прежде всего, к православию, история которого на Владимирской земле выходит за границы местной церковной истории. Событиями общероссийского масштаба, хотя и различными по своему значению и содержанию, обусловлено формирование и развитие ислама и старообрядчества, которые также являются религиозными конфессиями, глубоко укорененными в нашем крае. Авторы монографии стремились отразить не только то, насколько драматичным для религиозной жизни оказался раскол православной церкви, но и ту значительную роль, которую сыграло владимирское старообрядчество в сохранении и конфессиональном оформлении данной ветви православия.

Историко-хронологический подход позволил проследить отчетливую связь между вероисповедной политикой государства и изменениями в этноконфессиональном составе населения центральной России. Модернизация страны, начавшаяся петровскими преобразованиями, рост веротерпимости, сопровождавший XVIII-нач.XIX вв., и последующая либерализация политической жизни привели к тому, что в конце XIX века социальная среда Владимирской губернии становится поликонфессиональной. Католическая, лютеранская, иудейская общины г. Владимира не только получили возможность свободы вероисповедания, но и активно интегрировались в местное сообщество. Их разносторонняя предпринимательская, общественная, просветительская и благотворительная деятельность получала одобрение властей и признание горожан. В целом, несмотря на привилегированное положение православной церкви, атмосфера веротерпимости позволяла различным этническим группам сохранять религиозную идентичность и успешно развиваться в качестве части регионального сообщества. Во многом благодаря этому в кризисные годы начала XX века Владимирской губернии удалось избежать серьезных конфликтов на межрелигиозной почве.

Политические события октября 1917 года кардинально изменили социальный контекст и характер государственно-конфессиональных отношений, подведя тем самым черту под досоветским периодом в истории религий как в стране, так и во Владимирском регионе.

Научное издание

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ ВО ВЛАДИМИРСКРОМ КРАЕ
(досоветский период)

Подписано в печать 13.06.2017. Формат 60х84 1/16. Усл.-печ. л 13,49.
Тираж 200 экз. Заказ 42.

Отпечатано с готового оригинала-макета
ООО «Издательство «Шерлок-пресс»
г. Владимир, ул. Девическая, д. 11